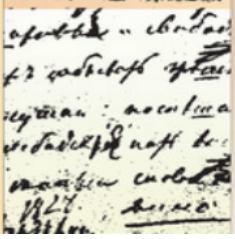
Часть первая

Учебник-хрестоматия

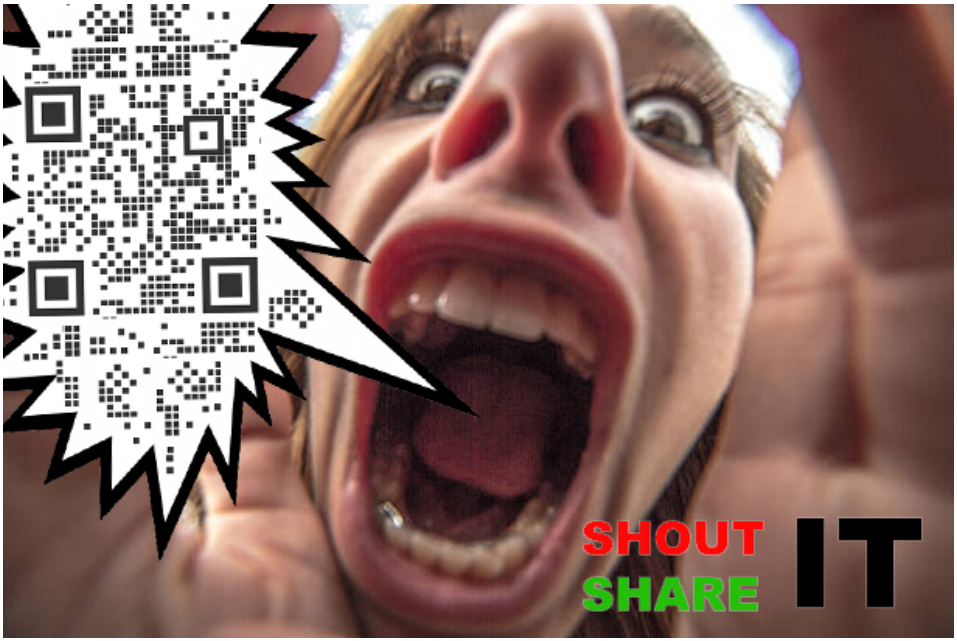
ЛИТЕРАТУРА

8

класс



ДРОФА


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Учебник-хрестоматия для учащихся 8 класса входит в серию учебных пособий, создаваемых по единой программе литературного образования (5—11 классы), составленной Т. Ф. Курдюмовой.

В основу учебника-хрестоматии «Литература. 8 класс» поставлена проблема литературы и времени, исторического прошлого и его осмысления в художественном произведении.

- Литература. 8 класс. Учебник-хрестоматия. В двух частях. Часть 1
  - Литература и время
    -
    - Калоши счастья. В сокращении
  - Фольклор
    -
    - Отражение жизни народа в произведениях фольклора
      -
      - Народная историческая песня
        -
        - Правеж[11]
        - Петра I узнают в шведском городе
      - Народный театр
        -
        - Как француз Москву брал. В сокращении
          -
          - Действие 1
  - Древнерусская литература
    -
    - Историческая личность на страницах произведений Древней Руси
      -
      - Летопись
        -
        - Повесть временных лет. Отрывок
      - Воинская повесть
        -
        - Повесть о разорении Рязани Батыем. Отрывок
      - Житие

- Сказание о житии Александра Невского. Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра. В сокращении
- Борис Константинович Зайцев
  - Преподобный Сергий Радонежский. Отрывок

- Литература XVIII века
  - События истории в произведениях XVIII века
    - Николай Михайлович Карамзин
      - Марфа-посадница, или Покорение Новагорода. Историческая повесть. В сокращении
- Литература XIX века
  - Проблема человека и времени в произведениях XIX века
    - Былины и их герои в поэзии XIX века
      - Алексей Константинович Толстой
        - Илья Муромец
        - Правда
      - Генри Уодсворт Лонгфелло
        - Песнь о Гайавате. В сокращении
    - Вальтер Скотт
      - Айвенго
    - Иван Андреевич Крылов
      - Волк на псарне
    - Александр Сергеевич Пушкин
      - Песнь о вещем Олеге
      - Полтава. Фрагменты
      - Борис Годунов. Отрывок
      - Капитанская дочка. В сокращении

- Глава I. Сержант гвардии
- Глава II. Вожатый
- Глава III. Крепость
- Глава VI. Пугачевщина
- Глава VII. Приступ
- Глава VIII. Незваный гость
- Глава IX. Разлука
- Глава XIV. Суд

- Герои исторической повести
- Историческая повесть и исторический труд
  -
  - Михаил Юрьевич Лермонтов
    -
    - Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова
  - Николай Васильевич Гоголь
    - Тарас Бульба. В сокращении
- Героическая личность

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67

- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111

- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155

- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167

Литература. 8 класс. Учебник-хрестоматия. В двух частях. Часть 1 (Под редакцией Т. Ф. Курдюмовой)

Литература и время

Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу…

А. Твардовский

Классическая литература вплоть до середины XVIII века жила сюжетами истории. «Преданья древности исполнены красот. Сама поэзия там в именах живет Энея, Гектора, Елены и Париса…» – писал известный теоретик искусства Н. Буало в своей книге «Поэтическое искусство». Современные темы допускались только в «низкой» литературе, к которой относились различные виды сатирических произведений, комедии. Однако это вовсе не означало, что писатели точно воспроизводили то, что происходило в прошлом. Шекспир, например, не воссоздавал в своих трагедиях подлинно исторические ситуации, он выводил героев на широкий простор истории и связывал настоящее с

прошлым. Нередко писатели просто «переодевали» современников в древние костюмы. Так проявляли авторы свое отношение к героям и событиям.

Подлинно историческое мышление пришло к человечеству в новое время. Примерно в середине XVIII века в русской литературе выделяется собственно исторический жанр, и появляются произведения как о современности, так и о прошлом. Н. М. Карамзин создает «Письма русского путешественника», в которых он рисует современную ему «жизнь наций Европы», их нравы, обычаи, особенности характера, и «Историю государства Российского», где излагает историю отечества с древнейших времен до XVII века.

Жанровое разнообразие произведений на темы истории велико. Вы, конечно, читали исторические романы, повести и рассказы, баллады, поэмы и даже лирические произведения, посвященные истории, читали или смотрели исторические пьесы (трагедии, драмы, комедии). Обращаясь к каждому из них, вы постоянно ощущали связь дня сегодняшнего с ушедшим временем. Но нужно еще помнить, что есть историческое время событий, происходящих на страницах художественного произведения, и то время, когда писатель создавал свое произведение.

Авторы учебника-хрестоматии предлагают восьмиклассникам различные варианты работы с художественными текстами. Основные произведения, которые требуют тщательного изучения и коллективной работы в классе, помещены в учебнике в полном объеме. Часть текстов дана в сокращении, что предполагает выборочный анализ глав, эпизодов. Этот материал требует серьезной домашней подготовки, работы с дополнительной литературой. Есть художественные тексты, которые предлагается изучать самостоятельно, в этом случае в хрестоматии помещены только краткие сведения об авторе и произведении. Эту третью группу литературных произведений можно отнести к домашнему чтению, беседе на уроке, обсуждению на читательской конференции.

От того, как представлен на страницах учебника материал, многое может меняться в вашей работе. Конечно, лучше всего прочесть художественное произведение целиком. Но характер работы, которая сопровождает чтение произведения целиком или его обзорное изучение, будет отличаться. Итак, вам предоставляется выбор. Любому варианту работы помогут вопросы и задания, которые вы найдете на страницах учебника. Будьте внимательны к советам и комментариям авторов.

Серьезность постижения исторического произведения во

многом определяется общей культурой читателя и готовностью воспринять события и характеры далекого времени. Тот, кто умеет ценить время, в которое он живет, быстрее поймет и оценит прошлое. Умению думать об этом учат нас многие писатели, и среди них, конечно, сказочники.

В качестве эпиграфа к учебнику литературы, посвященному историческим темам в художественных произведениях, мы предлагаем сказку Х. К. Андерсена «Калоши счастья». Решите сами, как рассматривать эту сказку: как занимательное повествование, призванное вас развлечь, или как произведение, которое помогает вам осознать связь времен, и прежде всего неизменную органическую связь каждого из нас со своим временем. Попытайтесь определить авторскую позицию и выразить к ней свое отношение. Желающие прочтут сказку полностью и расскажут о своих впечатлениях одноклассникам.

Калоши счастья. *В сокращении* (*Ханс Кристиан Андерсен*)

I. Начало

Дело было в Копенгагене, на Восточной улице, недалеко от Новой Королевской площади. В одном доме собралось большое общество – иногда ведь приходится все-таки принимать гостей; зато, глядишь, и сам дождешься когда-нибудь приглашения. Гости разбились на две большие группы: одна немедленно засела за ломберные столы[1], другая же образовала кружок вокруг хозяйки, которая предложила «придумать что-нибудь поинтереснее», и беседа потекла сама собой. Между прочим, речь зашла про Средние века, и многие находили, что в те времена жилось гораздо лучше, чем теперь. Да, да! Советник юстиции Кнап отстаивал это мнение так рьяно, что хозяйка тут же с ним согласилась, и они вдвоем накинулись на бедного Эрстеда, который доказывал в своей статье в «Альманахе», что наша эпоха кое в чем все-таки выше Средневековья. Советник утверждал, что времена короля Ганса были лучшей и счастливейшей порой в истории человечества.

Пока ведется этот жаркий спор, который прервался лишь на мгновенье, когда принесли вечернюю газету (впрочем, читать в ней было решительно нечего), пройдем в переднюю, где гости оставили свои пальто, палки, зонтики и калоши. Сюда только что вошли две женщины: молодая и старая. На первый взгляд их можно было принять за горничных, сопровождающих каких-нибудь старых барынь, которые пришли сюда в гости, но, приглядевшись повнимательнее, вы бы заметили, что эти женщины ничуть не похожи на служанок: слишком уж мягки и нежны были у них руки, слишком величавы осанка и все движения, а платье отличалось каким-то особо смелым покроем. Вы, конечно, уже догадались, что это были феи. Младшая была если и не самой феей Счастья, то уж, наверно, камеристкой одной из ее многочисленных камер-фрейлин и занималась тем, что приносила людям разные мелкие дары Счастья. Старшая казалась гораздо более серьезной – она была феей Печали и всегда управлялась со своими делами сама, не перепоручая их никому: так по крайней мере она знала, что все наверняка будет сделано как следует.

Стоя в передней, они рассказывали друг другу о том, где

побывали за день. Камеристка камер-фрейлины Счастья сегодня выполнила всего лишь несколько маловажных поручений: спасла от ливня чью-то новую шляпу, передала одному почтенному человеку поклон от высокопоставленного ничтожества и все в том же духе. Но зато в запасе у нее осталось нечто совершенно необыкновенное.

– Нужно тебе сказать, – закончила она, – что у меня сегодня день рождения, и в честь этого события мне дали пару калош, с тем чтобы я отнесла их людям. Эти калоши обладают одним замечательным свойством: того, кто их наденет, они могут мгновенно перенести в любое место или в обстановку любой эпохи – куда он только пожелает, – и он, таким образом, сразу обретет счастье.

– Ты так думаешь? – отозвалась фея Печали. – Знай же: он будет самым несчастным человеком на земле и благословит ту минуту, когда наконец избавится от твоих калош.

– Ну, это мы еще посмотрим! – проговорила камеристка Счастья. – А пока что я поставлю их у дверей. Авось кто-нибудь их наденет по ошибке вместо своих и станет счастливым.

Вот какой между ними произошел разговор.

II. Что произошло с советником юстиции

Было уже поздно. Советник юстиции Кнап собирался домой, все еще размышляя о временах короля Ганса. И надо же было так случиться, чтобы вместо своих калош он надел калоши счастья. Как только он вышел в них на улицу, волшебная сила калош немедленно перенесла его во времена короля Ганса, и ноги его тотчас же утонули в непролазной грязи, потому что при короле Гансе улиц не мостили.

– Ну и грязища! Просто ужас что такое! – пробормотал советник. – И к тому же ни один фонарь не горит.

Луна еще не взошла, стоял густой туман, и все вокруг тонуло во мраке. На углу перед изображением мадонны висела лампада, но она чуть теплилась, так что советник заметил картину, лишь поравнявшись с нею, и только тогда разглядел Божью Матерь с младенцем на руках.

«Здесь, наверно, была мастерская художника, – решил он, – а вывеску позабыли убрать».

Тут мимо него прошло несколько человек в средневековых костюмах. «Чего это они так вырядились? – подумал советник. – Должно быть, с маскарада идут».

Но внезапно послышался барабанный бой и свист дудок,

замелькали факелы, и взорам советника представилось удивительное зрелище! Навстречу ему по улице двигалась странная процессия: впереди шли барабанщики, искусно выбивая дробь палочками, а за ними шагали стражники с луками и арбалетами[2]. По-видимому, то была свита, сопровождавшая какое-то важное духовное лицо. Изумленный советник спросил, что это за шествие и кто этот сановник.

– Епископ Зеландский! – послышалось в ответ.

– Господи помилуй! Что еще такое приключилось с епископом? – вздохнул советник Кнап, грустно покачивая головой. – Нет, вряд ли это епископ.

Размышляя обо всех этих чудесах и не глядя по сторонам, советник медленно шел по Восточной улице, пока наконец не добрался до площади Высокого моста. Однако моста, ведущего к Дворцовой площади, на месте не оказалось, – бедный советник едва разглядел в кромешной тьме какую-то речонку и в конце концов заметил лодку, в которой сидело двое парней.

– Прикажете переправить вас на остров? – спросили они.

– На остров? – переспросил советник, не зная еще, что он теперь живет во время Средневековья. – Мне нужно попасть в Христианову гавань, на Малую торговую улицу.

Парни вытаращили на него глаза.

– Скажите мне хотя бы, где мост? – продолжал советник. – Ну что за безобразие! Фонари не горят, а грязь такая, что кажется, будто по болоту бродишь!

Но чем больше он говорил с перевозчиками, тем меньше мог разобраться в чем-нибудь.

– Не понимаю я вашей борнхольмской тарабарщины! – рассердился он наконец и повернулся к ним спиной.

Но моста он все-таки не нашел; каменный парапет набережной исчез тоже. «Что делается! Вот безобразие!» – думал он. Да, никогда еще действительность не казалась ему такой жалкой и мерзкой, как в этот вечер. «Нет, лучше взять извозчика, – решил он. – Но, Господи, куда же они все запропастились? Как назло, ни одного! Вернусь-ка я на Новую Королевскую площадь – там, наверное, стоят экипажи, а то мне вовек не добраться до Христиановой гавани!»

Он снова вернулся на Восточную улицу и успел уже пройти ее почти всю, когда взошла луна. «Господи, что это здесь понастроили такое?» – изумился советник, увидев перед собой Восточные городские ворота, которые в те далекие времена стояли в конце Восточной улицы.

Наконец он отыскал калитку и вышел на теперешнюю Новую Королевскую площадь, которая в те времена была просто

большим лугом. На лугу там и сям торчали кусты, и он был пересечен не то широким каналом, не то рекой. На противоположном берегу расположились жалкие лавчонки халландских шкиперов, отчего место это называлось Халландской высотой.

– Боже мой! Или это мираж, фата-моргана[3], или я… Господи… пьян? – застонал советник юстиции. – Что же это такое? Что же это такое?

И советник опять повернул назад, подумав, что заболел. Шагая по улице, он теперь внимательнее приглядывался к домам и заметил, что все они старинной постройки и многие крыты соломой.

– Да, конечно, я заболел, – вздыхал он, – а ведь всего-то стаканчик пунша выпил, но мне и это повредило. И надо же додуматься – угощать гостей пуншем и горячей лососиной! Нет, я непременно поговорю об этом с агентшей. Вернуться разве к ним и рассказать, какая со мной приключилась беда? Нет, неудобно. Да они уж, пожалуй, давно спать улеглись.

Он стал искать дом одних своих знакомых, но его тоже не оказалось на месте.

– Нет, это просто бред какой-то! Не узнаю Восточной улицы. Ни одного магазина! Все только старые, жалкие лачуги – можно подумать, что я попал в Роскилле или Рингстед. Да, плохо мое дело! Ну что уж тут стесняться, вернусь к агенту! Но, черт возьми, как мне найти его дом? Я больше не узнаю его. Ага, здесь, кажется, еще не спят!.. Ах, я совсем расхворался, совсем расхворался.

Он наткнулся на полуоткрытую дверь, из-за которой лился свет. Это был один из тех старинных трактиров, которые походили на теперешние наши пивные. Общая комната напоминала голштинскую харчевню. В ней сидело несколько завсегдатаев – шкипера, копенгагенские бюргеры и еще какие-то люди, с виду ученые. Попивая пиво из кружек, они вели какой-то жаркий спор и не обратили ни малейшего внимания на нового посетителя.

– Простите, – сказал советник подошедшей к нему хозяйке, – мне вдруг стало дурно. Вы не достанете мне извозчика? Я живу в Христиановой гавани.

Хозяйка посмотрела на него и грустно покачала головой, потом что-то сказала по-немецки. Советник подумал, что она плохо понимает по-датски, и повторил свою просьбу на немецком языке. Хозяйка уже заметила, что посетитель одет как-то странно, а теперь, услышав немецкую речь, окончательно убедилась в том, что перед ней иностранец. Решив, что он плохо себя чувствует,

она принесла ему кружку солоноватой колодезной воды.

Советник оперся головой на руку, глубоко вздохнул и задумался: куда же все-таки он попал?

– Это вечерний «День»? – спросил он, просто чтобы сказать что-нибудь, увидев, как хозяйка убирает большой лист бумаги.

Она его не поняла, но все-таки протянула ему лист: это была старинная гравюра, изображавшая странное свечение неба, которое однажды наблюдали в Кельне.

– Антикварная картина! – сказал советник, увидев гравюру, и сразу оживился. – Где вы достали эту редкость? Очень, очень интересно, хотя и сплошная выдумка. На самом деле это было просто северное сияние, как объясняют теперь ученые; и, вероятно, подобные явления вызываются электричеством.

Те, что сидели близко и слышали его слова, посмотрели на него с уважением; один человек даже встал, почтительно снял шляпу и сказал с самым серьезным видом:

– Вы, очевидно, крупный ученый, мосье?

– О нет, – ответил советник, – просто я могу поговорить о том о сем, как и всякий другой.

– Modestia[4] – прекраснейшая добродетель, – изрек его собеседник. – Впрочем, о сути вашего высказывания mihi secus videtur[5], хотя и с удовольствием воздержусь пока высказывать мое собственное judicium[6].

– Осмелюсь спросить, с кем имею удовольствие беседовать? – осведомился советник.

– Я бакалавр богословия, – ответил тот.

Эти слова все объяснили советнику – незнакомец был одет в соответствии со своим ученым званием. «Должно быть, это какой-то старый сельский учитель, – подумал он, – человек не от мира сего, каких еще можно встретить в отдельных уголках Ютландии».

– Здесь, конечно, не locus docendi[7], – говорил богослов, – но я все-таки очень прошу вас продолжать свою речь. Вы, конечно, весьма начитаны в древней литературе?

– О да! Вы правы, я частенько-таки почитываю древних авторов, то есть все их хорошие произведения; но очень люблю и новейшую литературу, только не «Обыкновенные истории»[8]; их хватает и в жизни.

– Обыкновенные истории? – переспросил богослов.

– Да, я говорю об этих новых романах, которых столько теперь выходит.

– О, они очень остроумны и пользуются успехом при дворе, – улыбнулся бакалавр. – Король особенно любит романы об Ифвенте и Гаудиане, в которых рассказывается о короле Артуре и

рыцарях Круглого Стола, и даже изволил шутить по этому поводу со своими приближенными[9].

– Этих романов я еще не читал, – сказал советник юстиции. – Должно быть, это Хейберг что-нибудь новое выпустил?

– Нет, что вы, не Хейберг, а Готфред фон Гемен, – ответил бакалавр.

– Так вот кто автор! – воскликнул советник. – Какое древнее имя! Ведь это наш первый датский книгопечатник, не так ли?

– Да, он наш первопечатник! – подтвердил богослов.

Таким образом, пока что все шло прекрасно. Когда один из горожан заговорил о чуме, свирепствовавшей здесь несколько лет назад, а именно в 1484 году, советник подумал, что речь идет о недавней эпидемии холеры, и разговор благополучно продолжался. А после как было не вспомнить окончившуюся совсем недавно пиратскую войну 1490 года, когда английские каперы захватили стоящие на рейде датские корабли. Тут советник, вспомнив о событиях 1801 года, охотно присоединил свой голос к общим нападкам на англичан. Но дальше разговор что-то перестал клеиться и все чаще прерывался гробовой тишиной. Добрый бакалавр был очень уж невежественный: самые простые суждения советника казались ему чем-то необычайно смелым и фантастичным. Собеседники смотрели друг на друга со все возрастающим недоумением, и, когда наконец окончательно перестали понимать один другого, бакалавр, пытаясь поправить дело, заговорил по-латыни, но это мало помогло.

– Ну, как вы себя чувствуете? – спросила хозяйка, потянув советника за рукав.

Тут он опомнился и в изумлении воззрился на своих собеседников, потому что за разговором совсем забыл, что с ним происходит.

«Господи, где я?» – подумал он, и при одной мысли об этом у него закружилась голова.

– Давайте пить кларет, мед и бременское пиво! – закричал один из гостей. – И вы с нами!

Вошли две девушки, одна из них была в двухцветном чепчике[10]; они подливали гостям вино и низко приседали. У советника даже мурашки забегали по спине.

– Что же это такое? Что это такое? – шептал он, но вынужден был пить вместе со всеми. Собутыльники так на него насели, что бедный советник пришел в совершеннейшее смятение, и когда кто-то сказал, что он, должно быть, пьян, ничуть в этом не усомнился и только попросил, чтобы ему наняли извозчика. Но все подумали, что он говорит по-московитски. Никогда в жизни советник не попадал в такую грубую и неотесанную компанию.

«Можно подумать, – говорил он себе, – что мы вернулись ко временам язычества. Нет, это ужаснейшая минута в моей жизни!»

Тут ему пришло в голову: а что, если залезть под стол, подползти к двери и улизнуть? Но когда он был уже почти у цели, гуляки заметили, куда он ползет, и схватили его за ноги. К счастью, калоши свалились у него с ног, а с ними рассеялось и волшебство.

При ярком свете фонаря советник отчетливо увидел большой дом, стоявший прямо перед ним. Он узнал и этот дом, и все соседние, узнал и Восточную улицу. Сам он лежал на тротуаре, упираясь ногами в чьи-то ворота, а рядом сидел ночной сторож, спавший крепким сном.

– Господи! Значит, я заснул прямо на улице, вот тебе и на! – сказал советник. – Да, вот и Восточная улица… Как здесь светло и красиво! Но кто бы мог подумать, что один стакан пунша подействует на меня так сильно!

Спустя две минуты советник уже ехал на извозчике в Христианову гавань. Всю дорогу он вспоминал пережитые им ужасы и от всего сердца благословлял счастливую действительность и свой век, который, несмотря на все его пороки и недостатки, все-таки был лучше того, в котором ему только что довелось побывать. И надо сказать, что на этот раз советник юстиции мыслил вполне разумно. <…>

Вопросы и задания

1. Прочитайте сказку до конца и подумайте, удавалось ли калошам счастья действительно принести радость своим временным хозяевам? Каким образом автор решает этот вопрос? Попробуйте обосновать свое суждение.

2. Как вы поняли название «Калоши счастья» до и после прочтения сказки?

1. Какой смысл вложил Андерсен во фразу: «Всю дорогу он вспоминал пережитые им ужасы и от всего сердца благословлял счастливую действительность и свой век…»?

2. Вообразите себя хозяином калош счастья и пофантазируйте по поводу своего собственного перемещения во времени.

Фольклор

Историческая песня. Народный театр.

Отражение жизни народа в произведениях фольклора

Память о делах предков всегда вдохновляла потомков. Опыт прежних поколений помогал людям разобраться в сложных вопросах настоящего, он оставался в народной памяти и закреплялся в исторических преданиях, былинах, легендах, песнях, сказаниях.

До появления письменности сказания о прошлом передавались из уст в уста, но даже после возникновения письменности на Руси, когда исторические сведения стали записывать, устный способ передачи любой информации долго оставался главным. Народная память продолжала фиксировать происходящие события. Порой рассказы очевидцев, участников событий перелагались в песню. Песню легче было запомнить и воспроизвести слово в слово.

К фольклорным произведениям, несущим информацию о прошедшем, принадлежат **былины** – эпические песни, старины, т. е. повествования о старинных событиях. Это один из древних видов народной поэзии: повествование о подвигах богатырей. Былины издавна вызывали к себе интерес, который не угас и по сей день. С детства мы знаем имена Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича и других славных воинов, знаем о том, как они сражались с вражескими войсками, чудовищами, проявляли свою силу и удаль. Все, о чем рассказывалось в былине, воспринималось как правда, как реально происходившее в далеком прошлом. Былины служили способом передачи древних верований, представлений людей о мире, сведений из истории. Они исполнялись профессиональными сказителями.

Исторические **предания** также пришли к нам из далекого прошлого, сохранив дух того времени. Это рассказы, повествующие о ярких событиях истории и показывающие их с неожиданной стороны. Предания долго были для народа способом сохранения исторического опыта предшествующих поколений.

Слово «легенда» в переводе с латинского означает – «то, что следует читать». Это истории, в которых происходит что-то необычное, чудесное, но воспринимается это как происшедшее на самом деле. **Легенда** объясняла те законы, по которым существует мир и должен жить человек, учила правильному поведению, отношению к окружающим. Из легенд можно узнать, как следует поступать в определенной жизненной ситуации, получить ответы на вопросы о самых различных явлениях окружающего мира.

Предания обычно обращены в прошлое, а в легендах речь идет о событиях, которые могли происходить в любое время.

Произведения устного народного творчества в яркой поэтической форме передают народное восприятие событий и героев отечественной истории. Их авторы нам неизвестны, но мудрые наблюдения создателей произведений фольклора над миром, природой и человеком остались жить во времени.

Мы, читатели сегодняшнего дня, с интересом входим в мир фольклорных произведений, в котором отражены представления наших предков об ушедшей и будущей жизни.

Народная историческая песня

Исторической песней называют русскую народную песню, в которой отразились события отечественной истории. Вам уже знакомы сюжетные произведения устного народного поэтического творчества, с которыми историческая песня имеет много общего, – былины и баллады. Былина передает впечатления и воспоминания народа о далеком прошлом, и конкретные события в ней узнаются редко. Содержание же исторической песни проникнуто живым интересом к реальным эпизодам и героям истории. Основные темы – крестьянские восстания и покорение Сибири, штурм Измаила и Северная война, Полтавская битва и события Отечественной войны 1812 года… Любимыми героями русской исторической песни были Иван Грозный, Гришка Отрепьев, Емельян Пугачев, Степан Разин, Петр I, Екатерина II, Наполеон…

Самые древние исторические песни, к сожалению, не сохранились, но наиболее ранние, которые дошли до нас, относятся примерно к середине XIV века. Позже художественное внимание народа все чаще обращалось к истории, и к началу XIX века насчитывались уже сотни песен – откликов на конкретные исторические факты. Сложился и целый свод наиболее популярных сюжетов: поход на мятежный город, суд царя над разбойником, история великой битвы, взятие крепости, плавание в дальние страны и т. д. Важно при этом, что в песне весь интерес сосредоточен на драматической ситуации, в которой и сосредоточено основное действие и героями которой становятся реальные исторические личности.

Если мы обратимся к песням о Петре I, то заметим их любопытную особенность: царь Петр как главное действующее лицо в них почти не появляется, и все же действие сосредоточивается вокруг него.

Героями этих песен становятся либо простые люди, как, например, русские солдаты в песнях о Северной войне, либо кто-то из царских полководцев (А. Головин или Б. Шереметев). Сам же Петр становится лишь символом эпохи новых свершений и героических битв во имя жизни молодой России, решившей

потягаться силами с великими державами Европы. При этом в песнях выражено восприятие русским народом Петра I не как императора, самодержца, а как личности, пользующейся всеобщим уважением.

Правеж[11]

Что у нас было на Святой Руси,
На Святой Руси, в каменной Москве,
Середи-то торгу, братцы, среди площади,
Тут бьют доброго молодца на правеже,
Нагого, босого и разутого.
Поставили его на бел горюч камень,
Стоит молодец – сам не тря́хнется,
Русы его кудри не воро́хнутся,
Лишь из глаз горючи́ слезы́.

Случи́лося тут ехати
Самому царю православному,
Грозному царю Ивану Васильевичу.
Как возго́ворит царь Иван сударь Васильевич:
«Ох вы гой еси, бурмистры-целовальнички[12]!
За что вы пытаете доброго молодца,
Нагого, босого и разутого,
Поставя его на бел горюч камень?
Стоит молодец – сам не тря́хнется,
Русы его кудри не воро́хнутся,
Только катятся из глаз горючи́ слезы́
По белому лицу по румяному».
Тут возговорят бурмистры-целовальнички:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,
Грозный царь Иван сударь Васильевич!
Пытаем мы с него золоту казну,
Золоту казну, платье цветное[13],
Не много, не мало – сорок тысяч».
Возговорит тут православный царь:
«Ох ты гой еси, добрый молодец!
Почему тебе золота казна доставалася
И как она тебе прихо́дила?»
Возговорит добрый молодец:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,
Грозный царь Иван сударь Васильевич!
Была у меня дубиночка вязо́венькая,
И клал я дубиночку на плечико,

Ходил я, добрый молодец, по чисту́ полю,
По чисту полю, по темну́ лесу,
Нашел я воров-разбойников,
Тут-то они дуван дуванили[14],
Золотую казну делили мерою,
А цветное платье делили ношами[15].
Тут-то я ее отбил у них».
Возговорит православный царь,
Грозный царь Иван сударь Васильевич:
«Куда ты девал эдаку золоту казну?»
Возговорит добрый молодец:
«Точил я ее всё по домам по питейным,
А поил я всё голь кабацкую,
А цветное платье – одевал всё наших босыих».
Возговорит православный царь:
«Ох вы гой еси, бурмистры-целовальнички!
Заплатите ему за каждый удар по пятидесяти рублей,
А за бесчестие заплатите ему пятьсот рублей».

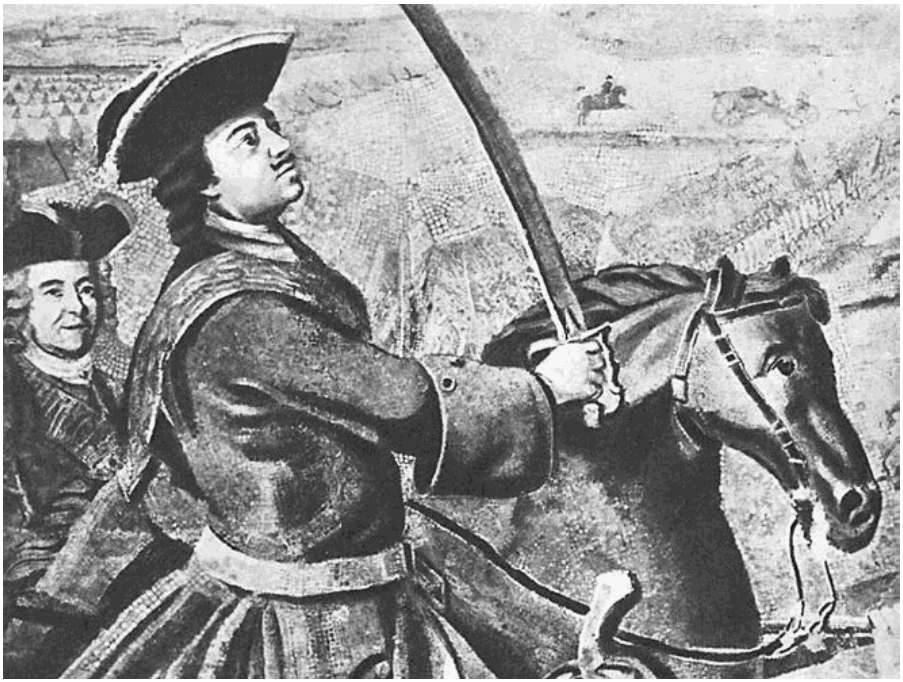
Вопросы и задания

1. Найдите эпитеты, характеризующие Ивана Грозного. Какие особенности этой личности они передают?

1. Как вы полагаете, что заставило Ивана IV – героя этого произведения – не согласиться с судом чиновников? Справедливо ли, на ваш взгляд, такое решение царя?

2. Как выражено в песне отношение народа к царю и его приближенным?

Петра I узнают в шведском городе



Как никто-то про то не знает, не ведает,
Что куда-то наш государь-царь собирается.
Чистым се́ребром кораблики изнаполнил,
Красным золотом суденышки изукрасил.
Он берет-то с собой силушки очень мало,
Что одних-то преображенскиих грена́деров.
Как приказ-то дает наш батюшка царь белый:

«Ой вы слушайте, офицерушки и солдаты!
Не зовите вы меня ни царем своим, ни государем,
А зовите вы меня заморскиим ку́пчиной».
Уж и грянул государь-царь по морю гуляти.
Как носило-то царя по морю неделю,
Что носило царя белого другую,
Принесло-то его ко Стекольному государству[16],
Что к тому ли шведскому королевству.
Не купчинушка по городу гуляет,
Что никто-то купчину не узна́ет,
Узнавал только его гетман земли шведской.
Поскорехонько он к королевнушке метался:
«Ах ты гой еси, наша матушка королевна!
Не купчинушка по городу гуляет,
Что гуляет-то по городу царь белый!»

Как на красное крылечко королевна выходила,
Она семи земель царей портреты выносила,
По портрету царя белого узнавала,
Закричала королевна громким голосом:
«Ой вы гой еси, мои шведские генералы!
Запирайте вы воро́тички покрепче,
Вы ловите царя белого скорее!»
Уж и тут-то наш батюшка не пугался,
Обо всех он шведских замыслах догадался,
Ко крестьянину он на двор скоро бросался:
«Ты бери-ко, бери, крестьянин, денег вдоволь,
Ты вези меня на край синя моря!»
Скоро вывез его крестьянин на край синя моря,
А скорей того во кораблик государь-царь садился,
Закричал он своим матросам и солдатам:
«Ой вы гряньте-ко, ребятушки, дружнее,
Вы гребите и плывите поскорее!»
Как и первая погоня царя белого догоняет,
А другая-то погонюшка настигает.
Как возговорит погоня к царю-государю:
«Ты возьми-ко, возьми, царь белый, нас с собою.
А не возьмешь ты нас, батюшка, с собою,
Уж не быть-то нам, горьким, живыми на свете».
И тут же вся погоня в сине море побросалась,
А наш царь-государь во Святую Русь возвратился.

Вопросы и задания

1. О каком историческом эпизоде царствования Петра I рассказано в песне? В чем вы видите особенности изображения царя?

1. Какие художественные средства используются в этой песне для выражения политического противостояния России и Швеции?

2. Найдите в тексте песни описание убранства царского корабля. Как вы полагаете, какую художественную роль оно играет? Какие художественные приемы здесь использованы? Как называются эпитеты, входящие в состав словосочетаний «чистое серебро», «красное золото»?

3. Выделите эпитеты, относящиеся к царю Петру. Какие из них чаще встречаются в тексте? Как воспринимается личность Петра I народом?

Вопросы и задания ко всей теме

1. Сравните текст одной из исторических песен с былиной. Какие элементы былинного повествования, языка, художественных особенностей вы в ней обнаружили? В чем вы видите отличия былинного героя от героев исторической песни?

2. Изложите сюжет выбранной вами исторической песни. Какое событие стало в ней центральным, кульминационным? Как вы это определили?

3. Приготовьте выразительное чтение одного произведения (по вашему выбору).

Народный театр

Драматические игры и представления были непременной частью народных празднеств. Их можно было увидеть и на деревенских посиделках, и в ярмарочных балаганах, и в духовных училищах, и в солдатских и фабричных казармах. Воздействие этих представлений было сильным. Вот что записал поэт В. Я. Брюсов в своем дневнике о представлении народной драмы «Царь Максимилиан» в канун 1900 года в исполнении рабочих фабрики Полякова: «Те места, которые уцелели с давнего времени, прекрасны. Наивность и торжествующая условность производят сильнейшее впечатление; „за сердце хватает“ (как говорили прежде) при сцене, когда окованный „непокорный сын Адольф“ поет»:

«Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест…»

Самые известные народные пьесы были созданы в XVIII веке. В основу сюжета многих из них легли лубочные картинки, которые в те времена были очень популярны у простого народа.

Продавцы лубочных книжек и картинок, которые назывались офени, проникали в самые отдаленные места России.

С интересом смотрели зрители сатирические пьесы. Такие, как знакомая вам пьеска «Барин», а также «Мнимый барин», «Пахомушка» и многие другие.

Разбойничьи драмы «Лодка», «Фра-дьявол», «Могила Марии», «Шайка разбойников» и другие были особенно ценимы зрителем за атмосферу романтической вольницы.

«Лукавый русский ум, столь наклонный к иронии, столь простодушный в своем лукавстве», как писал В. Г. Белинский, определял характер многочисленных комических пьес. Представьте себе, например, сценку, которая называется «Барин в ресторане». В ней разорившийся барин, узнав цены на блюда и напитки, надменно заказывает стакан холодной воды.

Такие забавные сценки часто вводились в большие пьесы. В пьесы также включались и песни, которые исполнялись героями или хором, который сопровождал и объяснял происходящие события. В представления часто широко привлекались зрители.

Более всего таких представлений устраивалось на святки и масленицу. На святки, как свидетельствует словарь В. Даля, «славят Христа, ходят с вертепами и со звездой, гадают». Вертеп – небольшой ящик, который разделен на два (реже три) этажа, где разыгрывались кукольные представления. События, связанные с рождением Христа, разыгрывались на верхнем ярусе, а эпизоды с Иродом – на нижнем. Верхний этаж обычно оклеивался голубой бумагой, в центре изображались ясли с младенцем в окружении Марии, Иосифа, ягненка, коровы, лошади. Над яслями прикреплялась или рисовалась звезда. Нижний этаж оклеивали яркой цветной бумагой, там помещался трон Ирода, и по бокам имелись двери, в которые входили и выходили куклы. Куклы были деревянные, примерно в 15–20 сантиметров высотой. Они были пышно одеты и передвигались на стержнях, которые перемещались по прорезям в полу этого игрушечного домика. Кукольник говорил за всех персонажей. Часто рядом были хор и музыканты.

На святочных праздничных вечеринках главным развлечением было переряживание. Ряженые изображали цыган и цыганок-ворожей, толстых купцов, солдат, скоморохов с медведем, нищих и т. п. Более всего любили изображать медведя, для чего кто-нибудь из парней надевал на себя перевернутую мехом вверх шубу и в таком виде показывал, как бабы ходят по воду, как девушки глядятся в зеркало, и разные другие сценки. Также любили изображать журавля, для чего обычно парень набрасывал на себя вывороченную шубу, а в один из рукавов

продевал палку с крючком на конце. Этим клювом «журавль» бил присутствующих девушек, а те старались откупиться орехами, конфетами, бросая их на землю. Пьесы обычно исполнялись или на специальном помосте в балагане или рядом с ним, иногда просто в избе.

Для пьес народного театра характерно соединение трагических сцен со сценами комическими. Вы сможете увидеть такое сочетание и в народной драме «Как француз Москву брал». Исследователи считают, что эта драма является переработкой патриотической пьесы неизвестного автора «Смерть князя Потемкина из Смоленска, случившаяся в 1812 году, когда французы вторглись в Россию», которая широко исполнялась в Болгарии в период борьбы за освобождение (1877–1878), когда ее могли там увидеть, запомнить и перенять русские солдаты.

Как француз Москву брал. ***В сокращении***

Действующие лица

Наполеон
Адъютант
Потемкин
Жена Потемкина
Генерал
Старик-гробокопатель
Старуха
Доктор
Коленкур
Раненые

Действие 1

Явление 1

Царь Наполеон. Адъютант!

Это он кличет дежурного адъютанта. Он подходит.

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?
Наполеон. Как, братцы, наши ретируют?

Адъютант. Отступили на целый марш, ваше величество.

Царь Наполеон. Как, братцы, мы их победили, новыми лаврами себя наградили…

Адъютант. Сколько их драло, столько наших побито.

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Как, братец, дела русских?

Адъютант. Их оченно большое войско. А еще боле под командой генерала Раевского.

Царь Наполеон. Да вот. А где еще мой молодой генерал, который бил своих детей и на жертву мне их отдал и сказал: «Кто верует Богу и великому государю, тот последует за ура», где он? Да и солдаты в это время вынули штыки и крикнули ура! Я знаю, братец, как вы пуляете большими шрапами, а штыки, это ужасть! Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Чего в России новенького?

Адъютант. В России милостивый манифест[17].

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать ко мне дежурного генерала.

Генерал подходит.

Явление 2

Генерал. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Что есть новенького?

Генерал. Да еще особа графа Орлова – дочь Ичменского[18] забрала свои уборы – жемчуга и брилиянты, собрала несколько тысяч денег, отправила к царю для продовольствия русской армии.

Царь Наполеон. Как! И женщины русские идут против меня?

Генерал. Точно так, ваше величество.

Царь Наполеон. Ах, они черные державы. Ну вот, где захватите, брить их ко мне в солдаты.

Генерал. Мы, ваше величество, забрили одного в солдаты, и он взял да сам себе отрубил правую руку.

Царь Наполеон. Ах, они варварский народ! Необразованный! Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать фуражира.

Адъютант. Ваше величество, фуражирную армию разбили и

капитана убили наповал. А вот Потемкина мы в плен взяли.

Царь Наполеон. Как Потемкина в плен взяли?

Адъютант. Точно так, ваше величество.

Царь Наполеон. Потемкин должен через три часа расстрелян быть. Адъютант! Привесть ко мне Потемкина!

Потемкин приходит.

Явление 3

Потемкин. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Потемкин, ты теперича мой!

Потемкин. Никак нет, ваше величество. Еще война не кончилась.

Царь Наполеон. Потемкин, послушай, ты как служил своему государю Александру Николаевичу, послужи так и мне. Я тебе прибавлю чин. Дам награды. Ты будешь мой первый любимец.

Потемкин. Не могу, ваше величество. Как я изменю своему государю Александру, так я и вам буду изменник.

Царь Наполеон. Потемкин, я тебя прикажу повесить или расстрелять.

Потемкин. Не мудрено, ваше величество, стами тысяч одного повесить или расстрелять.

Царь Наполеон. Адъютант! Отвесть Потемкина в темную темницу – не утолит ли он свое лютое сердце и не победит ли он своей гордости.

Потемкин. Что за горе-скука и печаль ни об чем не унывай? Ну, только жаль мне жену и детей. Быть посему, и за правду умираю. Хоть Москва в руках французов, но это, право, не беда, наш фельдмаршал Кутузов их на смерть пустил туда.

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Привесть Потемкина.

Адъютант приводит тут **Потемкина**.

Царь Наполеон. Я вижу, ты повеселел. Так не хочешь ли ты мне послужить?

Потемкин. Не могу, ваше величество. Как я изменю своему государю Александру, так и вам буду изменник.

Царь Наполеон. Адъютант! Прочитать Потемкину приговор.

Адъютант (*читает*). Его императорское величество со изволения царя Наполеона приказал пленного Потемкина ранить,

потом убрать.

Тут сейчас в него выстрел дадут, а его жена начинает вопить по нем.

Явление 4

Жена Потемкина. Милый ты мой защитник российский, на кого ты меня покидаешь, на кого малых детушек оставляешь? Теперь сгорел у нас в Москве домочек, и не стало у нас ни дома, ни тебя и ничегошенько. Как я буду жить-поживать? Как я без тебя буду век коротать?

Потемкин. Марья, не плачь, Александр услышит, не даст тебе по белому свету скитаться и шататься.

После этих слов Потемкина убивают.

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать за стариком-гробокопателем. Надо прибрать Потемкина тело, чтоб оно по всей земле не тлело.

Явление 5

Старик (*приходит*). Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Когда ты, братец, называешься гробокопателем, то прибери вот Потемкина тело, чтобы по всей земле не тлело и не коптело, чтобы его вороны и сороки не клевали, которых мы сами будем есть.

Старик (*потом он говорит*). Старуха, а старуха!

Старуха. А!

Старик. Ты ведь у меня делуха?

Старуха. Да. А что?

Старик. Истопи печку, свари ворону да зажарь рака с картовий. Мы будем с тобой кушанья варить да его величество Наполеона кормить.

Старуха. Я нынче печку не топлю, и я французов не терплю.

Старик. Старуха, понесем хоронить Потемкина тело, чтобы оно по всей земле не тлело, отдадим ему последнюю честь, чтобы войну с французами с честью и похвалою снесть, чтобы нам Москву вернуть и Наполеона из России турнуть! <…>

Старуха. Я сейчас возьму вилы и дам ему в бок три дыры.

Тут **Старуха** вбегает с вилами и бежит за Наполеоном, который от нее убегает.

Вопросы и задания

1. Какие исторические события отражены в пьесе? Как выражено отношение народа к этим событиям?

2. Какие исторические лица этой пьесы вам знакомы?

1. Какие из этих исторических лиц, по вашему мнению, никак не могли встретиться друг с другом в жизни? Как вы объясняете их появление в одной пьесе? Обратитесь, если необходимо, к энциклопедическому словарю.

2. Каким предстает перед зрителем Наполеон и каким Потемкин? Попробуйте дать им характеристику, которая бы помогла исполнителю точнее играть свою роль.

3. Какую роль играют в этой пьесе внесценические персонажи? Напомним, что *внесценические персонажи* не появляются на сцене, а лишь упоминаются в речи действующих лиц.

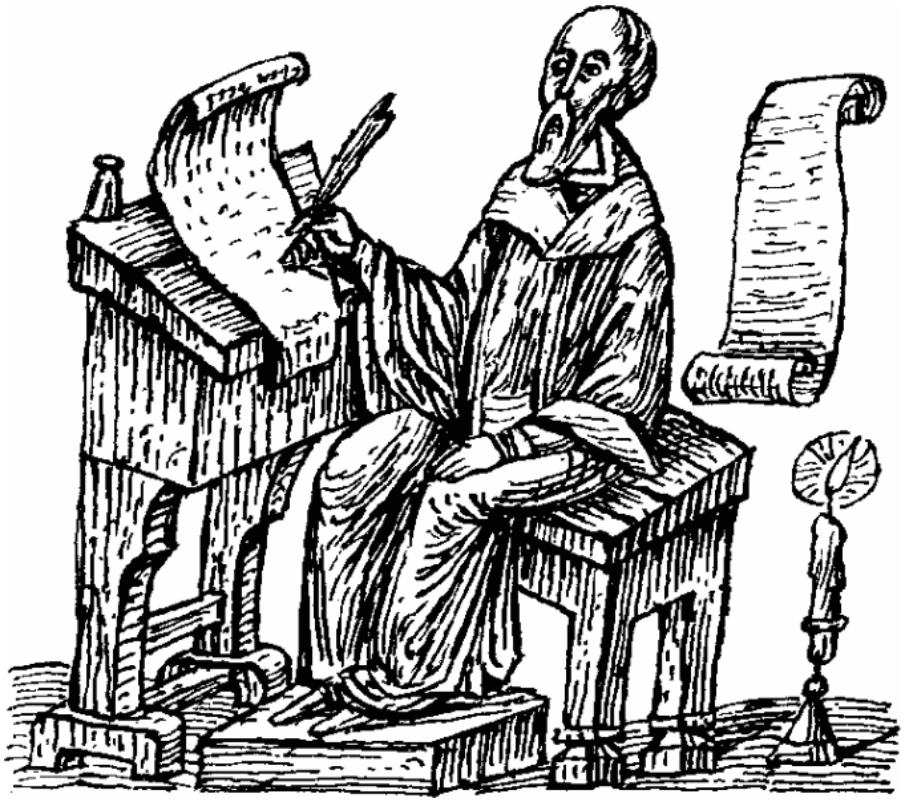
4. Какие герои исполняют комические эпизоды пьесы?

1. Почему эта пьеса была популярна и в Греции, и в Болгарии? Как вы это можете объяснить?

2. Почему эту пьесу можно назвать пьесой, демонстрирующей народный патриотизм? В чем вы видите его проявления?

3. Почему эту пьесу народного театра можно считать исторической?

Древнерусская литература



Летопись. Воинская повесть. Житие.

Историческая личность на страницах произведений Древней Руси

Древнерусской литературе принадлежит значительное место в культурном наследии России. Система нравственных ценностей, взгляд на мир, человека, художественное своеобразие, сформировавшиеся в этот период, питали и определяли развитие последующей русской культуры и литературы. Не зная древнерусской литературы, очень трудно до конца понять глубину творчества многих отечественных писателей.

В литературе Древней Руси отразились различные периоды становления Российского государства с XI по XVIII век. В произведениях содержится бесценный исторический материал: мы узнаем о событиях, происходивших в прошлом, о выдающихся государственных деятелях, у нас возникает живое представление о простых людях самых разных сословий, живших в той далекой эпохе.

Древнерусская литература возникла в XI веке после принятия христианства как литература духовная, религиозная. Слово, текст

должны были раскрывать христианские истины, приобщать к религиозной мудрости. Истории о вымышленных происшествиях не привлекали внимание древнерусских книжников. Они рассказывали о том, что, по их представлениям, реально произошло. Древнерусская литература почти не допускала вымысла и строго следовала факту. Задача древнерусского автора – передать истину.

Однако древнерусская литература не являлась литературой исторической в настоящем смысле этого слова. В ней все (в том числе и образ героя) создавалось по канону – определенным правилам и образцам, поэтому часто образ исторического деятеля был далек от реальности. В различных произведениях образ идеального князя был неизменным: благочестие, смелость, милосердие, справедливость являлись его обязательными качествами. Стремление создать идеальный образ не давало возможности воспроизвести реальные черты исторической личности и конкретные исторические события.

Авторское начало в древнерусской литературе приглушено, образ автора достаточно условен. Древнерусские авторы не стремились к созданию индивидуального, оригинального стиля, являющегося достоинством современных авторов. Они редко указывали в произведениях свое имя, считая себя не творцами, а исполнителями Божьей воли. Понятие авторства появилось в литературе Древней Руси лишь в XVII веке.

Летопись

Широко распространенным в древнерусской литературе жанром была летопись. Слово «летопись» произошло от двух слов – «лето», т. е. «год», и «писать». «Описание годов», «писание по летам» – так можно объяснить это слово. **Летописи** – исторические повествования, которые велись по годам. Текст летописи был разделен на главы, каждая из которых была посвящена событиям одного года. Завершив описание за 12 месяцев, летописец ставил номер нового года и продолжал свое

повествование. Именно благодаря труду летописцев у современных историков есть удивительная возможность заглянуть в далекое прошлое. Чаще всего древнерусским летописцем был ученый монах, который по поручению князя или епископа или по благословению настоятеля монастыря долгие годы трудился над составлением летописи. Сначала он приводил в порядок или переписывал труд своих предшественников, воссоздавал события древности и недавно прошедших лет.

Затем летописец переходил к изложению событий своего времени, опираясь на собственные записи, которые вел ежегодно, а также на рассказы участников событий или осведомленных лиц. Итогом этой долгой работы становился летописный свод, который затем продолжали другие летописцы.

В состав летописей входили и древний договор, и жизнеописание святого, и мудрое поучение, т. е. летописный свод не только сохранял память о прошлом и настоящем, но и был учебником мудрости – осуждал злодеев, подвигал людей на добрые поступки.

В 10-е годы XII века Нестором, монахом Киевско-Печерского монастыря, была создана «Повесть временных лет», ставшая величайшим литературным памятником эпохи Киевской Руси.

В первых строчках великого труда Нестор сформулировал свою задачу летописца: «Се повести времяньных лет, откуду есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Русская земля стала есть». Из летописи видно, как складывалось и крепло древнерусское государство, как расширялись его границы, как боролись с врагами. Тема Родины является основной в «Повести…». Интересы Руси диктуют летописцу ту или иную оценку событий, поступков князей. В «Повести временных лет» звучит мысль о необходимости согласия между князьями, осуждаются княжеские распри, ослабляющие могущество русской земли, звучит призыв к единению в борьбе с внешними врагами. Основные элементы летописи – сведения из русской истории, рассказы поучительного характера, народные предания.

Среди первых русских князей Нестора привлекает князь Олег – мужественный и мудрый воин. Благодаря своей смекалке он одерживает победу над греками, поставив свои корабли на колеса и пустив их под парусами по земле. Олег распутывает все козни и хитросплетения своих врагов-греков, заключает выгодный для России мирный договор с Византией и в знак одержанной победы прибивает свой щит на воротах Царьграда. Князь-воин прозван в народе «вещим», т. е. мудрым, знающим то, что другим не дано знать, волшебником, но и ему не удается уйти от судьбы, избежать которой никто из людей не в силах.

Повесть временных лет. *Отрывок* (*Перевод Д. Лихачева*)

Смерть Олега от своего коня

В год 6420 (912). …И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего мне умереть?» И сказал ему один кудесник: «Князь! Коня любишь и ездишь на нем, – от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока на греков ходил. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, – на пятый год помянул он коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не правду говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать коня: «Да увижу кости его». И приехав на то место, где лежали его кости голые и череп голый, слез с коня и, посмеявшись, сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемою Щековица. Есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

Вопросы и задания

1. Что представлял собой жанр летописи в древнерусской литературе?

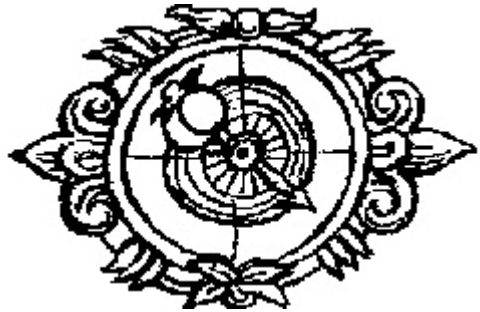
2. Как создавалась летопись?

3. О чем рассказывает «Повесть временных лет»?

4. Перескажите отрывок из летописи от лица князя Олега.

1. Что может привлечь современного читателя в летописном повествовании?

Вошская повесть



Воинская, или историческая, повесть была одним из ведущих жанров древнерусской литературы практически с момента зарождения словесности на Руси.

В исторических повестях рассказывалось о деяниях князей-воинов, их борьбе с внешними врагами, воинских подвигах, княжеских междоусобицах. Содержание воинских повестей проникнуто любовью к Родине и тревогой за ее судьбу, в них отражены стремления русского народа сохранить национальную независимость.

Первые повести были сравнительно невелики по объему и встречались в составе летописи, а затем стали существовать как самостоятельные тексты. В воинских повестях рассказывается о борьбе русских дружин со степными кочевниками, печенегами, половцами, монголо-татарскими захватчиками. Центральный герой повести – реальная историческая личность, князь, наделенный, как правило, идеальными качествами воина, защитника земли Русской.

Повесть о разорении Рязани Батыем. ***Отрывок*** **(*Перевод Д. Лихачева*)**

Вспоминая имена русских былинных богатырей, мы называем Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича. В ряду этих имен стоит и имя бесстрашного воина Евпатия Коловрата. О его подвигах мы узнаем из текста воинской повести «О разорении Рязани Батыем», написанной в XIII веке.

Евпатий Коловрат, воевода рязанского князя Игоря, узнав о нападении Батыя на Рязань, немедленно выступил из Чернигова с небольшой дружиной, чтобы отомстить врагу за поругание родной земли. Много врагов он положил со своими воинами. Еле справились Батыевы полки с Евпатием, даже враги были удивлены храбростью рязанского воинства. Несмотря на гибель героя, у читателей нет ощущения безнадежности.

Русский поэт XIX века Николай Михайлович Языков написал

стихотворение, посвященное отважному защитнику Русской земли Евпатию Коловрату. Начиналось оно такими строками:

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную весть? —
В рязанские стены вломились татары!
Там сильные долго сшибались удары,
Там долго сражалась с насилием честь,
Но всё победили Батыевы рати:
Наш град – пепелище, и князь наш убит!» —
Евпатию бледный гонец говорит,
И страшно бледнея, внимает Евпатий.

Вся повесть проникнута верой в силы русского народа, его отважных богатырей, высоким патриотическим чувством, уверенностью в победе. Русские воины показаны мужественными и доблестными бойцами, нещадно сражающимися с захватчиками.

<…> Некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую: города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался во град Рязань, и увидел город разорен, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаляяся в сердце своем. И собрал небольшую дружину – 1700 человек, соблюденных[19] Богом вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешалися все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские, и сек ими. Татарам почудилось, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил средь полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устрашился.

И едва поймали татары из полка Евпатьева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю, а царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры, и какой земли, и зачем мне много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, а витязи мы великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя,

почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу – рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича[20] своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, желая живым его взять. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на́-полы[21] до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних на-полы рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество орудий для метания камней, и стали бить по нему из бесчисленных камнеметов, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами[22], и князьями, и санчакбеями[23], -и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали царю мурзы, князи и санчакбеи: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвецов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно на конях бьются – один с тысячею и два с тьмою[24]. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал Батый, смотря на тело Евпатьево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной моей орды побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, – держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватали на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Вопросы и задания

▶**1.** Каким чувством проникнуто повествование?

▶▶**1.** Какими изображены Евпатий Коловрат и его дружина? Какие художественные средства помогают передать их доблесть и отвагу?

▶▶▶**1.** Многие исследователи видят сходство повествования о подвиге Евпатия Коловрата с русскими былинами о борьбе народного богатыря с захватчиками Русской земли. Сравните рассказ о подвиге Евпатия Коловрата с фрагментом из былины о бое Ильи Муромца с Калином-царем.

И спустился он с горы высокии,

И подъехал он к богатырям ко святорусским —
Их двенадцать-то богатырей, Илья тринадцатый,
И приехали они ко силушке татарскоей,
Припустили коней богатырскиих,
Стали бить-то силушку татарскую.
Притоптали тут всю силушку великую…

2. Найдите в тексте повести фольклорные элементы: анафору (одинаковое начало строки), гиперболу (преувеличение).

3. Напишите домашнее сочинение на одну из выбранных тем: «Подвиг Евпатия Коловрата», «Евпатий Коловрат и былинный богатырь Илья Муромец».

Житие

Наряду с летописями на Руси была очень популярна **житийная, или агиографическая** (от греч. hágios – святой, grápho – пишу), **литература**. Жанр жития возник в Византии. В древнерусской литературе он появился как жанр заимствованный, переводной. На основе переводной литературы в XI веке на Руси возникает и оригинальная житийная литература. Слово «житие» в церковно-славянском языке означает «жизнь». Житиями назывались произведения, рассказывающие о жизни святых – государственных и религиозных деятелей, чья жизнь и деяния были расценены как образцовые. Жития имели прежде всего религиозно-назидательный смысл. Входящие в них истории – предмет для подражания.

Автор жития преследовал прежде всего задачу дать такой образ святого, который соответствовал бы установившемуся представлению об идеальном герое. Из жизни святого брались те факты, которые соответствовали таким правилам (канонам), и замалчивалось все то, что с этим расходилось. Иногда даже измышлялись события, не имевшие места в реальности. Такое свободное отношение к фактам было следствием того, что

житийная литература ставила целью не достоверное изложение событий, а поучение, и авторов прежде всего интересовало проявление святости героев.

Жития строились следующим образом: повествование начиналось вступлением, в котором объяснялись причины, побудившие автора приступить к повествованию; далее следовала основная часть – рассказ о жизни святого, его смерти и посмертных чудесах. Завершалось житие похвалой святому.

В житиях часто встречаются слова авторов о своей греховности, невежестве, отсутствии дара слова. В действительности создатели жизнеописаний святых были образованными и умными людьми, но они старались подчеркнуть свою скромность, смирение, поскольку осмелились писать жития. Создатели житий упоминали свои имена лишь тогда, когда необходимо было придать достоверность повествованию: например, в тех случаях, когда они были очевидцами событий из жизни святого.

Во второй половине XIII века было создано житие новгородского и великого владимирского князя Александра Ярославовича, прозванного Невским. С его именем связаны победы над шведами (Невская битва 1240 года) и над немецкими рыцарями (Ледовое побоище 1242 года). Автор показывает князя ревностным защитником православия и умелым политиком. «Повесть о житии Александра Невского» впитала в себя традиции как житийной литературы, так и воинской повести (отсюда название – «Повесть о житии…») и стала образцом княжеского жизнеописания.

В 1417–1418 годах Епифаний Премудрый[25] создает житие преподобного Сергия Радонежского – основателя и игумена Троице-Сергиева монастыря. До принятия монашества с Сергием (тогда носившим мирское имя Варфоломей) происходят три чуда, указывающие на его богоизбранность. Еще до рождения Варфоломей во время богослужения трижды громко закричал в чреве матери. Младенцем ребенок отказывался от молока матери, когда она ела мясную пищу в дни поста. В отрочестве Варфоломей обрел дар понимания книжной грамоты благодаря чудотворному хлебцу, который вручил ему некий старец.

Сергий Радонежский играл значительную роль в политической и церковной жизни Руси второй половины XIV века, его нравственный авторитет был непререкаем.

К жизнеописанию святого обращались многие авторы. В XX веке русский писатель Борис Константинович Зайцев написал повесть о Сергии Радонежском, которая свидетельствует о том, что житийный жанр продолжает свою литературную жизнь.

Сказание о житии Александра Невского. ***Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра. В сокращении***
(*Перевод Е. Охотниковой*)

Во имя господа нашего Иисуса Христа, сына Божия.

Я, жалкий и многогрешный, недалекий умом, осмеливаюсь описать житие святого князя Александра, сына Ярославова, внука Всеволодова. Поскольку слышал я от отцов своих и сам был свидетелем зрелого возраста его, то рад был поведать о святой, и честной, и славной жизни его. <…>

Сей князь Александр родился от отца милосердного и человеколюбивого, и более всего – кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Как сказал Исайя-пророк: «Так говорит Господь: „Князей я ставлю, священны ибо они, и я их веду“». И воистину – не без Божьего повеления было княжение его.

И красив он был, как никто другой, и голос его – как труба в народе, лицо его – как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона[26], и дал ему Бог премудрость Соломона[27], храбрость же его – как у царя римского Веспасиана, который покорил всю землю Иудейскую. Однажды приготовился тот к осаде города Иоатапаты, и вышли горожане, и разгромили войско его. И остался один Веспасиан, и повернул выступивших против него к городу, к городским воротам, и посмеялся над дружиною своею, и укорил ее, сказав: «Оставили меня одного». Так же и князь Александр – побеждал, но был непобедим.

Потому-то один из именитых мужей Западной страны, из тех, что называют себя слугами Божьими, пришел, желая видеть зрелость силы его, как в древности приходила к Соломону царица Савская, желая послушать мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреаш, повидав князя Александра, вернулся к своим и сказал: «Прошел я страны, народы и не видел такого ни царя среди царей, ни князя среди князей».

Услышав о такой доблести князя Александра, король страны Римской[28] из северной земли подумал про себя: «Пойду и завоюю землю Александрову». И собрал силу великую, и наполнил многие корабли полками своими, двинулся с огромным войском, пыхая духом ратным. И пришел в Неву, опьяненный безумием, и отправил послов своих, возгордившись, в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разоряю землю твою».

Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем, и

вошел в церковь Святой Софии, и, упав на колени пред алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный, Боже великий, сильный, Боже превечный, сотворивший небо и землю и установивший пределы народам, ты повелел жить, не преступая чужих границ». И, припомнив слова пророка, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне».

И, окончив молитву, он встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же был тогда Спиридон, он благословил его и отпустил. Князь же, выйдя из церкви, осушил слезы и начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца[29], который сказал: „Одни с оружием, а другие на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем; они, поверженные, пали, мы же устояли и стоим прямо“». Сказав это, пошел на врагов с малою дружиною, не дожидаясь своего большого войска, но уповая на Святую Троицу.

Скорбно же было слышать, что отец его, князь великий Ярослав не знал о нашествии на сына своего, милого Александра, и ему некогда было послать весть отцу своему, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться, так как поспешил князь выступить. И выступил против них в воскресенье пятнадцатого июля, имея веру великую к святым мученикам Борису и Глебу[30].

И был один муж, старейшина земли Ижорской, именем Пелугий, ему поручена была ночная стража на море. Был он крещен и жил среди рода своего, язычников, наречено же имя ему в святом крещении Филипп, и жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу, потому и удостоил его Бог видеть видение чудное в тот день. Расскажем вкратце.

Узнав о силе неприятеля, он вышел навстречу князю Александру, чтобы рассказать ему о станах врагов. Стоял он на берегу моря, наблюдая за обоими путями, и провел всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце, он услышал шум сильный на море и увидел один насад[31], плывущий по морю, и стоящих посреди насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одетые. Произнес Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику[32] своему князю Александру». Увидев такое видение и услышав эти слова мучеников, Пелугий стоял трепетен, пока насад не скрылся с глаз его.

Вскоре после этого пришел Александр, и Пелугий, радостно встретив князя Александра, поведал ему одному о видении. Князь же сказал ему: «Не рассказывай этого никому».

После того Александр поспешил напасть на врагов в шестом

часу дня, и была сеча великая с римлянами, и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил след острого копья своего. <…>

Все это слышал я от господина своего великого князя Александра и от иных, участвовавших в то время в этой битве. <…>

На второй же год после возвращения с победою князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр вскоре пошел и разрушил город их до основания, а их самих – одних повесил, других с собою увел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был безмерно милостив.

После победы Александровой, когда победил он короля, на третий год, в зимнее время, пошел он с великой силой на землю немецкую, чтобы не хвастались, говоря: «Покорим себе славянский народ».

А был ими уже взят город Псков и наместники немецкие посажены. Он же вскоре изгнал их из Пскова и немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а других перебил. Немцы же, дерзкие, соединились и сказали: «Пойдем, и победим Александра, и захватим его».

Когда же приблизились немцы, то проведали о них стражи. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. Отец Александра, Ярослав, прислал ему на помощь младшего брата Андрея с большою дружиною. Да и у князя Александра было много храбрых воинов, как в древности у Давида-царя, сильных и стойких. Так и мужи Александра исполнились духа ратного, ведь были сердца их как сердца львов, и воскликнули: «О княже наш славный! Ныне пришло нам время положить головы свои за тебя». Князь же Александр воздел руки к небу и сказал: «Суди меня, Боже, рассуди распрю мою с народом неправедным и помоги мне, Господи…»

Была же тогда суббота, и когда взошло солнце, сошлись противники. И была сеча жестокая, и стоял треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей, и казалось, что двинулось замерзшее озеро, и не было видно льда, ибо покрылось оно кровью.

А это слышал я от очевидца, который поведал мне, что видел воинство Божие в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так победил врагов помощью Божьей, и обратились они в бегство, Александр же рубил их, гоня, как по воздуху, и некуда было им скрыться. Здесь прославил Бог Александра пред всеми полками.

<…>

И когда приблизился князь к городу Пскову, то игумены, и священники, и весь народ встретили его перед городом с крестами, воздавая хвалу Богу и прославляя господина князя Александра, поюще ему песнь: «Ты, Господи, помог… верному князю нашему оружием веры освободить город Псков от иноязычников рукою Александровою». <…>

И прославилось имя его во всех странах, от моря Хонужского и до гор Араратских, и по ту сторону моря Варяжского и до великого Рима. <…>

Много потрудившись Богу, он оставил царство земное и стал монахом, ибо имел безмерное желание принять ангельский образ. Сподобил же его Бог и больший чин принять – схиму[33]. И так с миром Богу дух свой предал месяца ноября в четырнадцатый день, на память святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилл говорил: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской!» <…>

Было же тогда чудо дивное и памяти достойное. Когда было положено святое тело его в гробницу, тогда Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту духовную. Он же, будто живой, простер руку свою и принял грамоту из руки митрополита. И смятение охватило их, и едва отступили они от гробницы его. Об этом возвестили всем митрополит и эконом Севастьян. Кто не удивится тому чуду, ведь тело его было мертво и везли его из дальних краев в зимнее время.

И так прославил Бог угодника своего.

Вопросы и задания

▸**1.** Найдите в тексте портретную характеристику Александра Невского. Какой прием использует автор, давая характеристику героя?

▸▸**1.** Назовите отличительные особенности жанра жития. Кто являлся героем жития? Какую цель преследовали создатели житийного жанра?

2. Что вы можете сказать о композиции жития как художественного произведения?

3. С какими героями сравнивается Александр Невский? Что вы о них знаете? Почему эти персонажи выбраны автором для сравнения?

▸▸▸**1.** Какие эпизоды жития вызывают эмоциональный подъем у читателя? Почему? Какие художественные приемы способствуют

возникновению такого сильного впечатления?

2. Подтвердите с помощью текста, что Александр Невский описан как идеальный герой.

3. На основании текста жития составьте план рассказа о жизни Александра Невского.

Борис Константинович Зайцев (1881–1972)

Преподобный Сергий Радонежский. Отрывок

Св. Сергий родился более шестисот лет назад, умер более пятисот. Его спокойная, чистая и святая жизнь наполнила собой почти столетие. Входя в него скромным мальчиком Варфоломеем, он ушел одной из величайших слав России.

Как святой, Сергий одинаково велик для всякого. Подвиг его всечеловечен. Но для русского в нем есть как раз и нас волнующее: глубокое созвучие народу, великая типичность – сочетание в одном рассеянных черт русских. Отсюда та особая любовь и поклонение ему в России, безмолвная канонизация в народного святого, что навряд ли выпала другому.

Сергий жил во времена татарщины. Лично его она не тронула: укрыли леса радонежские. Но он к татарщине не пребыл равнодушен. Отшельник, он спокойно, как все делал в жизни, поднял крест свой за Россию и благословил Димитрия Донского на ту битву, Куликовскую, которая для нас навсегда примет символический, таинственный оттенок. В поединке Руси с ханом имя Сергия навсегда связано с делом созидания России.

Да, Сергий был не только созерцатель, но и делатель. *Правое дело*, вот как понимали его пять столетий. Все, кто бывали в Лавре, поклоняясь мощам Преподобного, всегда ощущали образ величайшего благообразия, простоты, правды, святости, покоящейся здесь. Жизнь «бесталанна» без героя. Героический дух Средневековья, породивший столько святости, дал здесь блистательное свое проявление.

Автору казалось, что сейчас особенно уместен опыт – очень скромный – вновь, в меру сил, восстановить в памяти знающих и рассказать незнающим дела и жизнь великого святителя и провести читателя чрез ту особенную, горнюю страну, где он живет, откуда светит нам немеркнущей звездой.

Присмотримся же к его жизни.

Весна

Детство Сергия, в доме родительском, для нас в тумане. Все же общий некий дух можно уловить из сообщений Епифания, ученика Сергия, первого его биографа.

По древнему преданию, имение родителей Сергия, бояр Ростовских Кирилла и Марии, находилось в окрестностях Ростова Великого, по дороге в Ярославль. Родители, «бояре знатные», по-видимому, жили просто, были люди тихие, спокойные, с крепким и серьезным складом жизни. Хотя Кирилл не раз сопровождал в

Орду князей Ростовских, как доверенное, близкое лицо, однако сам жил небогато. Ни о какой роскоши, распущенности позднейшего помещика и говорить нельзя. Скорей напротив, можно думать, что домашний быт ближе к крестьянскому: мальчиком Сергия (а тогда – Варфоломея) посылали за лошадьми в поле. Значит, он умел и спутать их, и обротать[34]. И, подведя к какому-нибудь пню, ухватив за челку, вспрыгнуть, с торжеством рысцою гнать домой. Быть может, он гонял их и в ночное. И, конечно, не был барчуком[35].

Родителей можно представить себе людьми почтенными и справедливыми, религиозными в высокой степени. Известно, что особенно они были «страннолюбивы». Помогали бедным и охотно принимали странников. Вероятно, в чинной жизни странники – то начало ищущее, мечтательно противящееся обыденности, которое и в судьбе Варфоломея роль сыграло.

Есть колебания в годе рождения святого: 1314–1322. Жизнеописатель глухо, противоречиво говорит об этом.

Как бы то ни было, известно, что 3 мая у Марии родился сын. Священник дал ему имя Варфоломея, по дню празднования этого святого.

Особенный оттенок, отличающий его, лежит на ребенке с самого раннего детства.

Семи лет Варфоломея отдали учиться грамоте, в церковную школу, вместе с братом Стефаном. Стефан учился хорошо. Варфоломею же наука не давалась. Как и позже Сергий, маленький Варфоломей очень упорен и старается, но нет успеха. Он огорчен. Учитель иногда его наказывает. Товарищи смеются и родители усовещивают. Варфоломей плачет одиноко, но вперед не двигается.

И вот, деревенская картинка, так близкая и так понятная через шестьсот лет! Забрели куда-то жеребята и пропали. Отец послал Варфоломея их разыскивать. Наверно, мальчик уж не раз бродил так, по полям, в лесу, быть может, у прибрежья озера ростовского и кликал их, похлопывал бичом, волочил недоуздки. При всей любви Варфоломея к одиночеству, природе и при всей его мечтательности он, конечно, добросовестнейше исполнял всякое дело – этою чертой отмечена вся его жизнь.

Теперь он – очень удрученный неудачами – нашел не то, чего искал. Под дубом встретил «старца черноризца[36] саном пресвитера». Очевидно, старец его понял.

– Что тебе надо, мальчик?

Варфоломей сквозь слезы рассказал об огорчениях своих и просил молиться, чтобы Бог помог ему одолеть грамоту.

И под тем же дубом стал старец на молитву. Рядом с ним

Варфоломей – через плечо недоуздки. Окончив, незнакомец вынул из-за пазухи ковчежец, взял частицу просфоры[37], благословил ею Варфоломея и велел съесть.

– Это дается тебе в знак благодати и для разумения Священного Писания. Отныне овладеешь грамотою лучше братьев и товарищей.

О чем они беседовали дальше, мы не знаем. Но Варфоломей пригласил старца домой. Родители приняли его хорошо, как и обычно странников. Старец позвал мальчика в моленную и велел читать псалмы. Ребенок отговаривался неумением. Но посетитель сам дал книгу, повторивши приказание.

Тогда Варфоломей начал читать, и все были поражены, как он читает хорошо.

А гостя накормили, за обедом рассказали и о знамениях[38] над сыном. Старец снова подтвердил, что теперь Варфоломей хорошо станет понимать Священное Писание и одолеет чтение. Затем прибавил: «Отрок будет некогда обителью Пресв. Троицы; он многих приведет за собой к уразумению Божественных заповедей».

С этого времени Варфоломей двинулся, читал уже любую книгу без запинки, и Епифаний утверждает – даже обогнал товарищей.

В истории с его учением, неудачами и неожиданным, таинственным успехом видны в мальчике некоторые черты Сергия: знак скромности, смирения есть в том, что будущий святой не мог естественно обучиться грамоте. Заурядный брат его Стефан лучше читал, чем он, *его* больше наказывали, чем обыкновеннейших учеников. Хотя биограф говорит, что Варфоломей обогнал сверстников, но вся жизнь Сергия указывает, что не в способностях к наукам его сила: в этом ведь он ничего не создал. Пожалуй, даже Епифаний, человек образованный и много путешествовавший по св. местам, написавший жития свв. Сергия и Стефана Пермского, был выше его как писатель, как ученый. Но непосредственная связь, живая, с Богом, обозначилась уж очень рано у малоспособного Варфоломея. Есть люди, внешне так блестяще одаренные, – нередко истина последняя для них закрыта. Сергий, кажется, принадлежал к тем, кому обычное дается тяжко, и посредственность обгонит их – зато необычайное раскрыто целиком. Их гений в иной области.

И гений мальчика Варфоломея вел его иным путем, где менее нужна наука: уже к порогу юности отшельник[39], постник[40], инок[41] ярко проступили. Больше всего любит он службы, церковь, чтение священных книг. И удивительно серьезен. Это уже не ребенок.

Главное же: у него является *свое*. Не потому набожен, что среди набожных живет. Он впереди других. Его ведет – призвание. Никто не принуждает к аскетизму[42] – он становится аскетом и постится среды, пятницы, ест хлеб, пьет воду, и всегда он тихий, молчаливый, в обхождении ласковый, но с некоторой *печатью*. Одет скромно. Если же бедняка встретит, отдает последнее.

Замечательны и отношения с родными. Конечно, мать (а может, и отец) давно почувствовала в нем особенное. Но вот казалось, что он слишком изнуряется. Она его упрашивает не насиловать себя. Он возражает. Может быть, из-за его дарений тоже выходили разногласия, упреки (лишь предположение), но какое чувство меры! Сын останется именно *послушным сыном*, житие подчеркивает это, да и факты подтверждают…

А внутренно, за эти годы отрочества, ранней юности, в нем накоплялось, разумеется, стремление уйти из мира низшего и среднего в мир высший, мир незамутненных созерцаний и общенья непосредственного с Богом.

Этому осуществиться надлежало уж в других местах, не там, где проходило детство. <…>

Вопросы и задания

1. Расскажите о родителях Варфоломея. Какие отношения складывались в семье?

2. Какие события, случившиеся с Варфоломеем в детстве, указывают на его избранность?

3. Какие качества характеризуют человека, посвятившего свою жизнь служению Богу и Руси?

4. Прочитайте полностью повесть Б. К. Зайцева о Сергии Радонежском. Перескажите в классе эпизоды, которые произвели на вас наибольшее впечатление.

1. Рассмотрите репродукцию картины М. Нестерова «Видение отроку Варфоломею». Найдите в тексте жития эпизод, изображенный художником. Как передан на картине чудесный момент встречи со старцем?

2. Чем, на ваш взгляд, отличается каноническое (созданное по строгим правилам) житие от художественного авторского текста?

Литература XVIII века

Н. М. Карамзин.

События истории в произведениях XVIII века

В XVIII столетии значительно усиливается интерес русской науки и литературы к мировой и отечественной истории. Изучение летописей и других исторических документов приобретает характер научного исследования. В XVIII веке создаются такие замечательные труды по истории, как «История Российская» в семи томах В. Н. Татищева, начато создание «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Писатели охотно обращаются в своем творчестве к сюжетам античной и родной истории, образам исторических деятелей прошедших эпох. Посредством изображения исторических событий авторы выражают свое осознание огромной значимости России в судьбах мира, а также высказывают собственные философские, нравственные, политические и социальные воззрения. Порой, обращаясь к событиям минувших эпох, они

оценивают современность, высказываются по тем насущным проблемам, которые она поставила. Так, один из образованнейших людей петровской и послепетровской эпохи, архиепископ и писатель Феофан Прокопович создал трагедокомедию «Владимир», в которой обратился ко времени крещения Руси. Автору удалось в пьесе выразить свое отношение к актуальным проблемам XVIII века: распространение просвещения и внутрицерковные распри.

К исторической тематике обращались в своем творчестве М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, М. М. Херасков, Я. Б. Княжнин, Н. М. Карамзин. Опираясь на тот или иной исторический сюжет, они создавали оды, стихотворения, драматические произведения, повести. Таковы, к примеру, трагедии Сумарокова «Хорев», «Вышеслав», «Дмитрий Самозванец», «Синав и Трувор» и др., в которых на фоне событий, происходивших в Киевской Руси, в Смутное время и другие периоды русской истории, драматург рассматривает такие важные для его времени проблемы, как деспотизм, взаимоотношения человека и государства.

Одной из привлекающих внимание писателей и читателей тем была тема Новгорода Великого – его вольности, как в ранний период его развития, так и во времена присоединения к Московской Руси Иоанном III. Среди произведений, написанных на этот сюжет, выделяются трагедия Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» и повесть Н. М. Карамзина «Марфа-посадница».

Трагедия Княжнина была написана в 1789 году. В ее основу автор положил летописный эпизод о мятеже Вадима Храброго против варяжского князя Рюрика, приглашенного славянами княжить на Руси. Вадим возвращается в Новгород после трехлетнего отсутствия. Пока он сражался с врагами, в самом Новгороде было уничтожено народное представительство, а власть полностью передана Рюрику.

В трагедии развертывается и любовная интрига: дочь Вадима и Рюрик любят друг друга, и в душе Рамиды происходит борьба между любовным чувством и долгом перед отцом. Однако в центре трагедии – столкновение Вадима и Рюрика как политических противников. Оба они обрисованы Княжниным как герои благородные, добродетельные и достойные уважения.

Рюрик – разумный монарх, он правит по просьбе народа, призвавшего его в трудный момент жизни Новгорода. Он готов примириться с Вадимом даже после мятежа. Вадим же выступает за республиканскую форму правления Новгородом. Он бескомпромиссен и не может примириться, что вольность сограждан навсегда уничтожена, а Новгородом будет править

монарх. Монархия неприемлема для свободной души Вадима, с ней, по его представлениям, связана тирания. Потерпев поражение, Вадим предпочитает смерть рабству.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826)

Тема Великого Новгорода и новгородской вольницы, борьбы между сторонниками монархии и республиканской формы правления привлекает внимание Николая Михайловича Карамзина, выдающегося историка и писателя XVIII – начала XIX века, как в «Истории государства Российского», так и в художественной повести «Марфа-посадница». В их основе – рассказ о покорении Новгорода великим московским князем Иоанном III.

Как же сложились судьбы Марфы Борецкой и других знатных новгородских бояр после поражения Новгорода и его присоединения к Московскому княжеству? Многие из них были прощены Иоанном в знак миролюбия. Семья Борецких была вывезена в Москву, ее имения были присоединены к княжескому имуществу. Марфу направили в ссылку в Нижний Новгород, где она была пострижена в монахини и получила имя Мария. Дата смерти ее остается неизвестной. Так излагали сведения о дальнейшей судьбе Марфы и Карамзин-историк, и многие другие ученые.

Однако драматизм и яркость событий, связанных с противостоянием Новгорода и Москвы в XV столетии, необычность для того времени личности женщины – политического деятеля, ее бескомпромиссной натуры вдохновили Карамзина на создание исторической художественной повести. В ней Марфа Борецкая наряду с Иоанном III становится главной героиней, и изображение ее существенно отличается от характеристики, данной автором в «Истории государства Российского».

Марфа-посадница, или Покорение Новагорода. *Историческая повесть. В сокращении*

Вот один из самых важнейших случаев российской истории! – говорит издатель сей повести. – Мудрый Иоанн должен был для славы и силы отечества присоединить область Новогородскую к своей державе: хвала ему! Однако ж сопротивление новогородцев не есть бунт каких-нибудь якобинцев; они сражались за древние свои уставы и права, данные им отчасти самими великими князьями, например Ярославом, утвердителем их вольности. Они поступили только безрассудно: им должно было предвидеть, что сопротивление обратится в гибель Новугороду, и благоразумие требовало от них добровольной жертвы.

В наших летописях мало подробностей сего великого происшествия, но случай доставил мне в руки старинный манускрипт, который сообщаю здесь любителям истории и сказок, исправив только слог его, темный и невразумительный. Думаю, что это писано одним из знатных новогородцев, переселенных великим князем Иоанном Васильевичем в другие города. Все главные происшествия согласны с историею. И летописи и старинные песни отдают справедливость великому уму Марфы Борецкой, сей чудной женщины, которая умела овладеть народом и хотела (весьма некстати!) быть Катоном[43] своей республики.

Кажется, что старинный автор сей повести даже и в душе своей не винил Иоанна. Это делает честь его справедливости, хотя при описании некоторых случаев кровь новогородская явно играет в нем. Тайное побуждение, данное им фанатизму Марфы, доказывает, что он видел в ней только *страстную*, пылкую, умную, а не великую и не добродетельную женщину.

Раздался звук *вечевого колокола*, и вздрогнули сердца в Новегороде. Отцы семейств вырываются из объятий супруг и детей, чтобы спешить, куда зовет их отечество. Недоумение, любопытство, страх и надежда влекут граждан шумными толпами на Великую площадь. Все спрашивают; никто не ответствует… Там, против древнего дому Ярославова, уже собралися посадники с золотыми на груди медалями, тысячские с высокими жезлами, бояре, люди житые[44] со знаменами и старосты всех пяти концов новогородских[45] с серебряными секирами. Но еще не видно никого на месте лобном, или Вадимовом (где возвышался мраморный образ сего витязя). Народ криком своим заглушает звон колокола и требует открытия веча. Иосиф Делинский, именитый гражданин, бывший семь раз степенным посадником – и всякий раз с новыми услугами отечеству, с новою честию для своего имени, – всходит на железные ступени, открывает седую, почтенную свою голову, смиренно кланяется народу и говорит ему, что князь московский прислал в Великий Новгород своего боярина, который желает всенародно объявить его требования… Посадник сходит – и боярин Иоаннов является на Вадимовом месте, с видом гордым, препоясанный мечом и в латах. То был воевода, князь Холмский, муж благоразумный и твердый – правая рука Иоаннова в предприятиях воинских, око его в делах государственных – храбрый в битвах, велеречивый в совете. Все безмолвствуют, боярин хочет говорить… Но юные надменные новогородцы восклицают: «Смирись пред великим народом!» Он медлит – тысячи голосов повторяют: «Смирись пред великим народом!» Боярин снимает шлем с головы своей – и шум умолкает.

«Граждане новогородские! – вещает он. – Князь московский и всея России говорит с вами – внимайте!

Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной. Ваши предки хотели править сами собою и были жертвою лютых соседов или еще лютейших внутренних междоусобий. Старец добродетельный, стоя на праге вечности, заклинал их избрать владетеля. Они поверили ему, ибо человек при дверях гроба может говорить только истину.

Граждане новогородские! В стенах ваших родилось, утвердилось, прославилось самодержавие земли русской. Здесь великодушный Рюрик творил суд и правду; на сем месте древние новогородцы лобызали ноги своего отца и князя, который примирил внутренние раздоры, успокоил и возвеличил город их.

На сем месте они проклинали гибельную вольность и благословляли спасительную власть единого. Прежде ужасные только для самих себя и несчастные в глазах соседов, новогородцы под державною рукою варяжского героя сделались ужасом и завистию других народов; и когда Олег храбрый двинулся с воинством к пределам юга, все племена славянские покорялись ему с радостию, и предки ваши, товарищи его славы, едва верили своему величию.

Олег, следуя за течением Днепра, возлюбил красные берега его и в благословенной стране Киевской основал столицу своего обширного государства; но Великий Новгород был всегда десницею князей великих, когда они славили делами имя русское. Олег под щитом новогородцев прибил щит свой к вратам Цареградским. Святослав с дружиною новогородскою рассеял, как прах, воинство Цимисхия, и внук Ольгин вашими предками был прозван Владетелем мира.

Граждане новогородские! Не только воинскою славою обязаны вы государям русским: если глаза мои, обращаясь на все концы вашего града, видят повсюду златые кресты великолепных храмов святой веры; если шум Волхова напоминает вам тот великий день, в который знаки идолослужения погибли с шумом в быстрых волнах его, – то вспомните, что Владимир соорудил здесь первый храм истинному Богу, Владимир низверг Перуна в пучину Волхова!.. Если жизнь и собственность священны в Новегороде, то скажите, чья рука оградила их безопасностию?.. Здесь (указывая на дом Ярослава) – здесь жил мудрый законодатель, благотворитель ваших предков, князь великодушный, друг их, которого называли они вторым Рюриком!.. Потомство неблагодарное! Внимай справедливым укоризнам!

Новогородцы, быв всегда старшими сынами России, вдруг отделились от братий своих; быв верными подданными князей, ныне смеются над их властию… и в какие времена? О стыд имени русского! Родство и дружба познаются в напастях: любовь к отечеству также… Бог в неисповедимом совете своем положил наказать землю русскую. Явились варвары бесчисленные, пришельцы от стран, никому не известных[46]; подобно сим тучам насекомых, которые небо во гневе своем гонит бурею на жатву грешника. Храбрые славяне, изумленные их явлением, сражаются и гибнут, земля русская обагряется кровию русских, города и села пылают, гремят цепи на девах и старцах… Что ж делают новогородцы? Спешат ли на помощь к братьям своим?.. Нет! Пользуясь своим удалением от мест кровопролития, пользуясь общим бедствием князей, отнимают у них власть законную,

держат их в стенах своих, как в темнице, изгоняют, призывают других и снова изгоняют. Государи новогородские, потомки Рюрика и Ярослава, должны были слушаться посадников и трепетать *вечевого колокола*, как трубы Суда Страшного! Наконец никто уже не хотел быть князем вашим, рабом мятежного веча… Наконец русские и новогородцы не узнают друг друга!

Отчего же такая перемена в сердцах ваших? Как древнее племя славянское могло забыть кровь свою?.. Корыстолюбие, корыстолюбие ослепило вас! Русские гибнут, новогородцы богатеют. В Москву, в Киев, в Владимир привозят трупы христианских витязей, убиенных неверными, и народ, осыпав пеплом главу свою, с воплем встречает их; в Новгород привозят товары чужеземные, и народ с радостными восклицаниями приветствует гостей[47] иностранных! Русские считают язвы свои, новогородцы считают златые монеты. Русские в узах, новогородцы славят вольность свою!

Вольность!.. Но вы также рабствуете. Народ! Я говорю с тобою. Бояре честолюбивые, уничтожив власть государей, сами овладели ею. Вы повинуетесь – ибо народ всегда повиноваться должен, – но только не священной крови Рюрика, а купцам богатым. О стыд! Потомки славян ценят златом права властителей! Роды княжеские, издревле именитые, возвысились делами храбрости и славы; ваши посадники, тысячские, люди житые обязаны своим достоинством благоприятному ветру и хитростям корыстолюбия. Привыкшие к выгодам торговли, торгуют и благом народа; кто им обещает злато, тому они вас обещают. Так, известны князю Московскому их дружественные, тайные связи с Литвою и Казимиром. Скоро, скоро вы соберетесь на звук в*ечевого колокола*, и надменный поляк скажет вам на лобном месте: „Вы – рабы мои!..“ Но Бог и великий Иоанн еще о вас пекутся.

Новогородцы! Земля русская воскресает. Иоанн возбудил от сна древнее мужество славян, ободрил унылое воинство, и берега Камы были свидетелями побед наших. Дуга мира и завета воссияла над могилами князей Георгия, Андрея, Михаила. Небо примирилось с нами, и мечи татарские иступились. Настало время мести, время славы и торжества христианского. Еще удар последний не совершился, но Иоанн, избранный Богом, не опустит державной руки своей, доколе не сокрушит врагов и не смешает их праха с земною перстию. Димитрий, поразив Мамая, не освободил России; Иоанн все предвидит, и, зная, что разделение государства было виною бедствий его, он уже соединил все княжества под своею державою и признан властелином земли русской. Дети отечества, после горестной

долговременной разлуки, объемлются с веселием пред очами государя и мудрого отца их.

Но радость его не будет совершенна, доколе Новгород, древний, Великий Новгород, не возвратится под сень отечества. Вы оскорбляли его предков, он все забывает, если ему покоритесь. Иоанн, достойный владеть миром, желает только быть государем новогородским!.. Вспомните, когда он был мирным гостем посреди вас; вспомните, как вы удивлялись его величию, когда он, окруженный своими вельможами, шел по стогнам[48] Новаграда в дом Ярославов; вспомните, с каким благоволением, с какою мудростию он беседовал с вашими боярами о древностях новогородских, сидя на поставленном для него троне близ места Рюрикова, откуда взор его обнимал все концы града и веселые окрестности; вспомните, как вы единодушно восклицали: „Да здравствует князь московский, великий и мудрый!“ Такому ли государю не славно повиноваться, и для того единственно, чтобы вместе с ним совершенно освободить Россию от ига варваров? Тогда Новгород еще более украсится и возвеличится в мире. Вы будете *первыми* сынами России; здесь Иоанн поставит трон свой и воскресит счастливые времена, когда не шумное *вече*, но Рюрик и Ярослав судили вас, как отцы детей, ходили по стогнам и вопрошали бедных, не угнетают ли их богатые? Тогда бедные и богатые равно будут счастливы, ибо все подданные равны пред лицом владыки самодержавного.

Народ и граждане! Да властвует Иоанн в Новегороде, как он в Москве властвует! Или – внимайте его последнему слову – или храброе воинство, готовое сокрушить татар, в грозном ополчении явится прежде глазам вашим, да усмирит мятежников!.. Мир или война? Ответствуйте!»

С сим словом боярин Иоаннов надел шлем и сошел с лобного места.

Еще продолжается молчание. Чиновники и граждане в изумлении. Вдруг колеблются толпы народные, и громко раздаются восклицания: «Марфа! Марфа!» Она всходит на железные ступени, тихо и величаво; взирает на бесчисленное собрание граждан и безмолвствует… Важность и скорбь видны на бледном лице ее… Но скоро осененный горестию взор блеснул огнем вдохновения, бледное лицо покрылось румянцем, и Марфа вещала:

«Вадим! Вадим! Здесь лилась священная кровь твоя; здесь призываю небо и тебя во свидетели, что сердце мое любит славу отечества и благо сограждан, что скажу истину народу новогородскому и готова запечатлеть ее моею кровию. Жена дерзает говорить на вече, но предки мои были друзья Вадимовы, я

родилась в стане воинском под звуком оружия, отец, супруг мой погибли, сражаясь за Новгород. Вот право мое быть защитницею вольности! Оно куплено ценою моего счастия…»

«Говори, славная дочь Новаграда!» – воскликнул народ единогласно – и глубокое безмолвие снова изъявило его внимание.

«Потомки славян великодушных! Вас называют мятежниками!.. За то ли, что вы подъяли из гроба славу их? Они были свободны, когда текли с востока на запад избрать себе жилище во вселенной, свободны подобно орлам, паривши над их главою в обширных пустынях древнего мира…» <…>

Правда, с течением времен родились в душах новые страсти, обычаи древние, спасительные забывались, и неопытная юность презирала мудрые советы старцев; тогда славяне призвали к себе знаменитых храбростию князей варяжских, да повелевают юным, мятежным воинством. Но когда Рюрик захотел самовольно властвовать, гордость славянская ужаснулась своей неосторожности, и Вадим *Храбрый* звал его пред суд народа. «Меч и боги да будут нашими судиями!» – ответствовал Рюрик, – и Вадим пал от руки его, сказав: «Новогородцы! На место, обагренное моею кровию, приходите оплакивать свое неразумие – и славить вольность, когда она с торжеством явится снова в стенах ваших…» Исполнилось желание великого мужа: народ собирается на священной могиле его, свободно и независимо решить судьбу свою.

Так, кончина Рюрика – да отдадим справедливость сему знаменитому витязю! – мудрого и смелого Рюрика, воскресила свободу новогородскую. Народ, изумленный его величием, невольно и смиренно повиновался, но скоро, не видя уже героя, пробудился от глубокого сна, и Олег, испытав многократно его упорную непреклонность, удалился от Новагорода с воинством храбрых варягов и славянских юношей, искать победы, данников и рабов между другими скифскими, менее отважными и гордыми племенами. С того времени Новгород признавал в князьях своих единственно полководцев и военачальников; народ избирал власти гражданские, и, повинуясь им, повиновался уставу воли своей. В киевлянах и других россиянах отцы наши любили кровь славянскую, служили им, как друзьям и братьям, разили их неприятелей и вместе с ними славились победами. Здесь провел юность свою Владимир, здесь, среди примеров народа великодушного образовался великий дух его, здесь мудрая беседа старцев наших возбудила в нем желание вопросить все народы земные о таинствах веры их, да откроется истина ко благу людей; и когда, убежденный в святости христианства, он принял его от

греков, новогородцы, разумнее других племен славянских, изъявили и более ревности к новой истинной вере. Имя Владимира священно в Новегороде; священна и любезна память Ярослава, ибо он первый из князей русских утвердил законы и вольность великого града. Пусть дерзость называет отцов наших неблагодарными за то, что они отражали властолюбивые предприятия его потомков! Дух Ярославов оскорбился бы в небесных селениях, если бы мы не умели сохранить древних прав, освященных его именем. Он любил новогородцев, ибо они были свободны; их признательность радовала его сердце, ибо только души свободные могут быть признательными: рабы повинуются и ненавидят! Нет, благодарность наша торжествует, доколе народ во имя отечества собирается пред домом Ярослава и, смотря на сии древние стены, говорит с любовию: «Там жил друг наш!»

Князь московский укоряет тебя, Новгород, самым твоим благоденствием – и в сей вине не может оправдаться! Так, конечно: цветут области Новогородские, поля златятся класами, житницы полны, богатства льются к нам рекою; Великая Ганза[49] гордится нашим союзом; чужеземные гости ищут дружбы нашей, удивляются славе великого града, красоте его зданий, общему избытку граждан и, возвратясь в страну свою, говорят: «Мы видели Новгород, и ничего подобного ему не видали!» Так, конечно: Россия бедствует – ее земля обагряется кровию, веси и грады опустели, люди, как звери, в лесах укрываются, отец ищет детей и не находит, вдовы и сироты просят милостыни на распутиях. Так, мы счастливы – и виновны, ибо дерзнули повиноваться законам своего блага, дерзнули не участвовать в междоусобиях князей, дерзнули спасти имя русское от стыда и поношения, не принять оков татарских и сохранить драгоценное достоинство народное! <…>

Иоанн желает повелевать великим градом: неудивительно! Он собственными глазами видел славу и богатство его. Но все народы земные и будущие столетия не престали бы дивиться, если бы мы захотели ему повиноваться. Какими надеждами он может обольстить нас? Одни несчастные легковерны; одни несчастные желают перемен – но мы благоденствуем и свободны! благоденствуем оттого, что свободны! Да молит Иоанн небо, чтобы оно во гневе своем ослепило нас: тогда Новгород может возненавидеть счастие и пожелать гибели, но доколе видим славу свою и бедствия княжеств русских, доколе гордимся ею и жалеем об них, дотоле права новогородские всего святее нам по Боге.

Я не дерзну оправдывать вас, мужи, избранные общею доверенностию для правления! Клевета в устах властолюбия и зависти недостойна опровержения. Где страна цветет и народ

ликует, там правители мудры и добродетельны. Как! Вы торгуете благом народным? Но могут ли все сокровища мира заменить вам любовь сограждан вольных? Кто узнал ее сладость, тому чего желать в мире?.. Разве последнего счастия умереть за отечество!

Несправедливость и властолюбие Иоанна не затмевают в глазах наших его похвальных свойств и добродетелей. Давно уже молва народная известила нас о его величии, и люди вольные желали иметь гостем самовластителя; искренние сердца их свободно изливались в радостных восклицаниях при его торжественном въезде. Но знаки усердия нашего, конечно, обманули князя московского; мы хотели изъявить ему приятную надежду, что рука его свергнет с России иго татарское: он вздумал, что мы требуем от него уничтожения нашей собственной вольности! Нет, нет! Да будет велик Иоанн, но да будет велик и Новгород! Да славится князь московский истреблением врагов христианства, а не друзей и не братий земли русской, которыми она еще славится в мире! Да прервет оковы ее, не возлагая их на добрых и свободных новогородцев! Еще Ахмат дерзает называть его своим данником: да идет Иоанн против монгольских варваров, и верная дружина наша откроет ему путь к стану Ахматову! Когда же сокрушит врага, тогда мы скажем ему: «Иоанн! Ты возвратил земле русской честь и свободу, которых мы никогда не теряли. Владей сокровищами, найденными тобою в стане татарском: они были собраны с земли твоей; на них нет клейма новогородского: мы не платили дани ни Батыю, ни потомкам его! Царствуй с мудростию и славою, залечи глубокие язвы России, сделай подданных своих и наших братий счастливыми – и если когда-нибудь соединенные твои княжества превзойдут славою Новгород, если мы позавидуем благоденствию твоего народа, если Всевышний накажет нас раздорами, бедствиями, унижением, тогда – клянемся именем отечества и свободы! – тогда приидем не в столицу польскую, но в царственный град Москву, как некогда древние новогородцы пришли к храброму Рюрику, и скажем не Казимиру, но тебе: „Владей нами! Мы уже не умеем править собою!“»

Ты содрогаешься, о народ великодушный!.. Да идет мимо нас сей печальный жребий! Будь всегда достоин свободы и будешь всегда свободным! Небеса правосудны и ввергают в рабство одни порочные народы. Не страшись угроз Иоанновых, когда сердце твое пылает любовию к отечеству и к святым уставам его, когда можешь умереть за честь предков своих и за благо потомства!

Но если Иоанн говорит истину, если в самом деле гнусное корыстолюбие овладело душами новогородцев, если мы любим сокровища и негу более добродетели и славы, то скоро ударит

последний час нашей вольности и *вечевой колокол*, древний глас ее, падет с башни Ярославовой и навсегда умолкнет!.. Тогда, тогда мы позавидуем счастию народов, которые никогда не знали свободы. Ее грозная тень будет являться нам, подобно мертвецу бледному, и терзать сердце наше бесполезным раскаянием!

Но знай, о Новгород, что с утратою вольности иссохнет и самый источник твоего богатства: она оживляет трудолюбие, изощряет серпы и златит нивы, она привлекает иностранцев в наши стены с сокровищами торговли, она же окриляет суда новогородские, когда они с богатым грузом по волнам несутся… Бедность, бедность накажет недостойных граждан, не умевших сохранить наследия отцов своих! Померкнет слава твоя, град великий, опустеют многолюдные *концы* твои; широкие улицы зарастут травою, и великолепие твое, исчезнув навеки, будет баснею народов. Напрасно любопытный странник среди печальных развалин захочет искать того места, где собиралось вече, где стоял дом Ярославов и мраморный образ Вадима: никто ему не укажет их. Он задумается горестно и скажет только: «Здесь *был* Новгород!..»

Тут страшный вопль народа не дал уже говорить посаднице. «Нет, нет! Мы все умрем за отечество! – восклицают бесчисленные голоса. – Новгород – государь наш! Да явится Иоанн с воинством!» Марфа, стоя на Вадимовом месте, веселится действием ее речи. <…>

Вдруг раздается треск и гром на великой площади… Земля колеблется под ногами… Набат и шум народный умолкают… Все в изумлении. Густое облако пыли закрывает от глаз дом Ярослава и лобное место… Сильный порыв ветра разносит наконец густую мглу, и все с ужасом видят, что высокая башня Ярославова, новое гордое здание народного богатства, пала с *вечевым колоколом* и дымится в своих развалинах…[50]

Пораженные сим явлением, граждане безмолвствуют… Скоро тишина прерывается голосом – внятным, но подобным глухому стону, как будто бы исходящему из глубокой пещеры: «О Новгород! Так падет слава твоя! Так исчезнет твое величие!..» Сердца ужаснулись. Взоры устремились на одно место, но след голоса исчез в воздухе вместе с словами; напрасно искали, напрасно хотели знать, кто произнес их. Все говорили: «Мы слышали!» Никто не мог сказать, от кого? Именитые чиновники, устрашенные народным впечатлением более, нежели самым происшествием, всходили один за другим на Вадимово место и старались успокоить граждан. Народ требовал мудрой, великодушной, смелой Марфы: посланные нигде не могли найти ее.

Между тем настала бурная ночь. Засветились факелы; сильный ветер беспрестанно задувал их, беспрестанно надлежало приносить огонь из домов соседственных. Но тысячские и бояре ревностно трудились с гражданами: отрыли *вечевой колокол* и повесили на другой башне. Народ хотел слышать священный и любезный звон его – услышал и казался покойным. Степенный посадник распустил *вече*. Толпы редели. Еще друзья и ближние останавливались на площади и на улицах говорить между собою, но скоро настала всеобщая тишина, подобно как на море после бури, и самые огни в домах (где жены новогородские с беспокойным любопытством ожидали отцов, супругов и детей) один за другим погасли. <…>

Книга третия

<…> На рассвете загремели воинские бубны. Все легионы московские были в движении, и Холмский с обнаженным мечом скакал по стогнам. Народ трепетал, но собирался на Великой площади узнать судьбу свою. Там, на эшафоте, лежала секира. От конца Славянского до места Вадимова стояли воины с блестящим оружием и с грозным видом; воеводы сидели на конях пред своими дружинами. Наконец железные запоры упали, и врата Борецких растворились: выходит Марфа в златой одежде и в белом покрывале. Старец Феодосий[51] несет образ пред нею. Бледная, но твердая Ксения[52] ведет ее за руку. Копья и мечи окружают их. Не видно лица Марфы, но так величаво ходила она всегда по стогнам, когда чиновники ожидали ее в совете или граждане на *вече*. Народ и воины соблюдали мертвое безмолвие, ужасная тишина царствовала; посадница остановилась пред домом Ярослава. Феодосий благословил ее. Она хотела обнять дочь свою, но Ксения упала; Марфа положила руку на сердце ее – знаком изъявила удовольствие и спешила на высокий эшафот – сорвала покрывало с головы своей; казалась томною, но спокойною – с любопытством посмотрела на лобное место (где разбитый образ Вадимов лежал во прахе) – взглянула на мрачное, облаками покрытое небо – с величественным унынием опустила взор свой на граждан… приближилась к орудию смерти и громко сказала народу: «Подданные Иоанна! Умираю гражданкою новогородскую!..» Не стало Марфы… Многие невольно воскликнули от ужаса, другие закрыли глаза рукою. Тело посадницы одели черным покровом… Ударили в бубны – и Холмский, держа в руке хартию, стал на бывшем Вадимовом месте. Бубны умолкли… Он снял пернатый шлем с головы своей

и читал громогласно следующее:

«Слава правосудию государя! Так гибнут виновники мятежа и кровопролития! Народ и бояре! Не ужасайтесь: Иоанн не нарушит слова; на вас милующая десница его. Кровь Борецкой примиряет вражду единоплеменных; одна жертва, необходимая для вашего спокойствия, навеки утверждает сей союз неразрывный. Отныне предадим забвению все минувшие бедствия; отныне вся земля русская будет вашим любезным отечеством, а государь великий – отцом и главою. Народ! Не вольность, часто гибельная, но *благоустройство, правосудие и безопасность* суть три столпа гражданского счастия: Иоанн обещает их вам пред лицом Бога всемогущего…»

Тут князь московский явился на высоком крыльце Ярославова дому, безоружен и с главою открытою: он взирал на граждан с любовию и положил руку на сердце. Холмский читал далее:

«Обещает России славу и благоденствие, клянется своим и всех его преемников именем, что польза народная во веки веков будет любезна и священна самодержцам российским – или да накажет Бог клятвопреступника! Да исчезнет род его, и, новое, небом благословенное поколение да властвует на троне ко счастию людей»[53].

Холмский надел шлем. Легионы княжеские взывали: «Слава и долголетие Иоанну!» Народ еще безмолвствовал. Заиграли на трубах – и в единое мгновение высокий эшафот разрушился. На место его возвеялось белое знамя Иоанново, и граждане наконец воскликнули: «Слава государю российскому!»

Старец Феодосий снова удалился в пустыню и там, на берегу великого озера Ильменя, погреб тело Марфы и Ксении. Гости чужеземные вырыли для них могилу и на гробе изобразили буквы, которых смысл доныне остается тайною. Из семисот немецких граждан только пятьдесят человек пережили осаду новогородскую: они немедленно удалились во свои земли. *Вечевый колокол* был снят с древней башни и отвезен в Москву; народ и некоторые знаменитые граждане далеко провожали его. Они шли за ним с безмолвною горестию и слезами, как нежные дети за гробом отца своего.

Вопросы и задания

1. Прочтите предисловие к повести. Каков его смысл? Почему Карамзин избирает в качестве рассказчика старинного новгородского гражданина? В чем совпадают и чем отличаются его взгляды на описанные события от взглядов Карамзина-

писателя?

2. Сопоставьте выступления на вече двух ораторов – князя Холмского и Марфы Борецкой. Как они понимают вольность и свободу? Чьи аргументы более убедительны для новгородских граждан и читателей повести?

3. К каким историческим событиям обращаются в своих речах ораторы, как их оценивают? В чем цель их обращения к отечественной истории?

⏩**1.** Сопоставьте используемые в речах Холмского и Борецкой средства эмоциональной выразительности. Чью речь вы можете оценить выше как произведение ораторского искусства по силе убеждения?

2. Какие художественные приемы использует автор для изображения Марфы? Найдите эпитеты, которыми она наделяется в повести.

⏩⏩**1.** Какую оценку дает Марфа Рюрику и Иоанну III? Как это характеризует личные качества Марфы и ее политические взгляды?

2. С какими чувствами завершает свою речь на вече Марфа? Как они ее характеризуют?

3. Почему Карамзин, намеренно отступая от исторических фактов, приводит Марфу на эшафот? Для чего нужна в повести эта сцена?

4. Как изображен в повести новгородский народ? Почему в итоге он принимает власть Иоанна? Как в этом сказалась позиция писателя?

Литература XIX века

И. А. Крылов. А. С. Пушкин. М. Ю. Лермонтов. Н. В. Гоголь. А. К. Толстой. Г. Лонгфелло. В. Скотт.

Проблема человека и времени в произведениях XIX века

Интерес к ушедшему времени всегда жил в искусстве слова всех веков и народов. Важнейшие события истории, которые нашли отражение в художественных текстах, учат читателя умению оценивать события и героев, их решения и поступки, способствуют формированию чувства личной ответственности за все, что происходит вокруг. Конечно, нельзя скопировать действия героев прошлого, но можно увидеть их ошибки и просчеты, их благородство или подлость, вместе с ними пережить то, о чем нам рассказал художник слова, ощутить и эмоционально пережить бег времени, его беспрерывное движение.

Эстетические и нравственные уроки произведений на темы истории очевидны. Особенно привлекательна их отличительная черта – они как бы включают нас в бесконечный процесс жизни поколений.

Проблема человека и времени предстает в XIX веке совершенно в новом свете: из огромного количества жанров

отчетливо выделяется собственно **исторический роман**, создателем которого считается английский писатель Вальтер Скотт. Параллельно с этим сложился и достиг высокого уровня роман о современности.

После Вальтера Скотта началось интенсивное развитие исторической литературы: ее создают А. С. Пушкин и П. Мериме, Н. В. Гоголь и Г. Флобер. «Скотт возвысил роман до степени философии истории…» – утверждал О. Бальзак. Конкретное решение проблемы исторического произведения предложил А. С. Пушкин: «В наше время под словом **роман** разумеем историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании». Именно Пушкин предоставил нам уникальную возможность увидеть одни и те же события на страницах исторического труда и художественного произведения: «История Пугачева» и «Капитанская дочка» дают возможность для сравнения и сопоставления.

Классическая литература XIX века обогатила читателей прекрасными произведениями, в которых прошлое предстает наглядно и зримо. Оно находит воплощение в произведениях самых разных жанров. Так, в творчестве А. К. Толстого мы видим роман и поэму, баллады и сатиры, лирические стихи, которые, с предельной точностью опираясь на исторические свидетельства и в то же время с яркой художественной выразительностью, воссоздают историю нашей Родины. Ярчайшим событием в литературе XIX столетия стал роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир», в котором прошлое и современность выступают в нераздельном единстве.

Войдите в мир истории, отраженный в различных родах и жанрах классической художественной литературы XIX века, и вы увидите, как расширятся ваши читательские горизонты, вы почувствуете безграничность времени и важность тех проблем, которые ставятся и решаются на страницах произведений, обращенных к истории.

Былины и их герои в поэзии XIX века

В русских былинах сосредоточилась память народа о своем прошлом. В них отразились лучшие черты русского национального характера – любовь к родине, прямодушие, стойкость духа, мужество, бесстрашие. Былины вдохновили многих русских музыкантов, художников, писателей на создание оригинальных произведений искусства. Обращаясь к героям и событиям былин, русские поэты стали «применять прежние события к современному течению дел». В стихотворениях, навеянных образами русских былин, художники слова выразили свое представление о подвиге, о богатырской доблести, о человеческой мудрости и доброте. Былинные напевы использовали в своих операх Н. А. Римский-Корсаков, М. П. Мусоргский, А. С. Аренский и другие композиторы. Былинами навеяны и многие произведения изобразительного искусства – картины В. М. Васнецова и М. А. Врубеля, книжные иллюстрации И. Я. Билибина и Е. А. Кибрика.

Алексей Константинович Толстой
(1817–1875)

Многие стихотворные произведения А. К. Толстого обращены к славному прошлому Древней Руси. Его былины и баллады пронизаны восхищением цельными героическими натурами, запечатленными в произведениях устного народного творчества. Героями былин и баллад А. К. Толстого являются Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Садко, в которых писателя привлекают глубокое патриотическое чувство, самоотверженность, храбрость и человечность. Погружаясь в далекое прошлое, автор стремился выразить свои впечатления о современной жизни, преломляя их «в старинном зеркале».

Илья Муромец

1

Под броней с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья.

2

Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

3

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир, что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживешь?

4

Двор мне, княже, твой не диво
Не пиров держусь!
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

5

Но обнес меня ты чарой
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6

Без меня других довольно:
Сядут – полон стол!
Только лакомы уж больно,
Любят женский пол!

7

Все твои богатыри-то,
Значит, молодежь;
Вот без старого Ильи-то
Как ты проживешь!

8

Тем-то я их боле стою,
Что забыл уж баб,
А как тресну булавою,
Так еще не слаб!

9

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свету снова
Без того пора!

10

Не терплю богатых сеней,
Мраморных тех плит;
От царьградских от курений
Голова болит!

11

Душно в Киеве, что в скрине,
Только киснет кровь!
Государыне-пустыне
Поклонюсь я вновь!

12

Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!»

13

И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым
Воздухом дышать;

14

Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой и земляникой
Пахнет темный бор.

Вопросы и задания для самостоятельного прочтения стихотворения

1. Большая часть стихотворения А. К. Толстого представляет собой монолог Ильи Муромца. Почему в строфах, составивших монолог Ильи, преобладают восклицательные предложения? Чего этим достигает поэт? Вчитайтесь в монолог Ильи Муромца и найдите в нем противопоставления (антитезы). Как они

подчеркивают жизненную позицию героя?

2. Перечитайте строфы, обрамляющие монолог богатыря. Как автор характеризует в них настроение и переживания героя?

⏩**1.** Думы о «красоте нашей истории» Толстой соединял с мыслями о «красоте нашего языка», широко опираясь в своих былинах и балладах на народно-поэтический стиль. Какие элементы былинного стиля использовал поэт в стихотворении «Илья Муромец»?

⏩⏩**1.** Тургенев отметил, что «гуманная натура Толстого сквозит и дышит во всем, что он написал». Обращаясь к давнему прошлому, поэт искал в нем идеал гармонической личности. Какие качества Ильи Муромца воспел поэт в своем стихотворении?

2. В русской былине «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» Илья, «разгневанный» и «раздраженный» тем, что стольный князь Владимир забыл позвать его как «лучшего богатыря» «на почестный пир», стал стрелять из лука по «маковкам золоченым», которые «отпали на сыру землю». Положив в основу своего стихотворения былинный конфликт русского богатыря с князем Владимиром, Толстой во многом смягчил его. Каким предстает в этом конфликте Илья Муромец?

3. Сопоставляя народные былины об Илье Муромце и стихотворение Толстого, можно проследить судьбу героя в ее развитии. Попытайтесь создать такое жизнеописание.

Правда

Ах ты гой еси, правда-матушка!
Велика ты, правда, широка стоишь!
Ты горами поднялась до поднебесья,
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами изукрасилась людными,
Разрослася лесами дремучими!
Не объехать кругом тебя во сто лет,
Посмотреть на тебя – шапка валится!

Выезжало семеро братиев,
Семеро выезжало добрых молодцев,
Посмотреть выезжали молодцы,
Какова она, правда, на свете живет?
А и много про нее говорено,
А и много про нее писано,

А и много про нее лыгано[54].
Поскакали добры молодцы,
Все семеро братьев удалыих,
И подъехали к правде со семи концов,
И увидели правду со семи сторон.
Посмотрели добры молодцы,
Покачали головами удалыми
И вернулись на свою родину,
А вернувшись на свою родину,
Всяк рассказывал правду по-своему;
Кто горой называл ее высокою,
Кто городом людным торговыим,
Кто морем, кто лесом, кто степию.

И поспорили братья промеж собой,
И вымали мечи булатные,
И рубили друг друга до смерти,
И, рубяся, корились, ругалися,
И брат брата звал обманщиком.
Наконец полегли до единого
Все семеро братьев удалыих;
Умирая ж, каждый сыну наказывал,
Рубитися наказывал до смерти,
Полегти за правду за истину;
То ж и сын сыну наказывал,
И доселе их внуки рубятся,
Все рубятся за правду за истину,
На великое себе разорение.

А сказана притча не в осуждение,
Не в укор сказана – в поучение,
Людям добрым в уразумение.

Вопросы и задания

1. С чем сопоставляет поэт правду в первой строфе стихотворения, напоминающей былинный зачин? Какой показалась правда семерым братьям, увидевшим ее «со семи сторон»? Как соотносятся рассказы братьев о правде с ее описанием в начале стихотворения? Почему каждый из братьев «рассказывал правду по-своему»?

1. Какие художественные средства, характерные для

былины, использует Толстой в стихотворении «Правда»?

2. Почему в стихотворении поэт использует былинные приемы? Назовите их.

1. Каков смысл «поучения», данного в заключительной части стихотворения, напоминающей былинный исход?

2. Почему братья поспорили и «рубили друг друга до смерти»? Что они «наказывали» своим сыновьям, а сыновья – внукам?

Генри Уодсворт Лонгфелло (1807–1882)

Генри Лонгфелло – выдающийся американский поэт. Он был очень популярен и у себя на родине, и в Европе. Красота и гармония его поэзии вызывали восхищение. Популярность Лонгфелло объяснялась также тем, что героями его произведений были простые люди, в которых поэт видел носителей самых высоких человеческих качеств.

Генри родился в семье, в которой гордились своими предками – первыми переселенцами, приплывшими в Новый Свет. В родном, тихом и спокойном городе Портленде на берегу Атлантического океана он научился любить природу, нелегкий труд моряков. С юности впитав романтические идеи и настроения, поэт сохранил их в течение жизни. Лонгфелло увлекался историей колонизации Америки, познакомился с легендами и преданиями индейцев, что отразилось впоследствии в его творчестве.

После путешествия по Европе, которое дало возможность познакомиться с европейским искусством и культурой, Лонгфелло начал задумываться о судьбе американской культуры и литературы. Он хотел создать национальную поэзию, чтобы она дышала «тем очарованием, каким дышит на островах Греции». Поэт верил, что его мечты сбудутся, и свою творческую жизнь посвятил их воплощению. Замечательно сказал о Лонгфелло И. А. Бунин, автор первого полного русского перевода «Песни о Гайавате»: «Всю жизнь посвятил служению возвышенному и прекрасному. „Добро и красота незримо разлиты в мире“, – говорил он и всю жизнь искал их. Ему всегда были особенно дороги чистые сердцем люди, его увлекала девственная природа, манили к себе древние народные предания с их величавой простотой и благородством, потому что сам он до глубокой старости сохранил в себе возвышенную, чуткую и нежную душу».

В 1855 году появилась «Песнь о Гайавате». Успех поэмы был огромен, она была сразу признана великим произведением и

сделала имя автора широко известным. «Песнь о Гайавате» – это поэтическое переложение индейских легенд. Лонгфелло стремился создать произведение, которое могло бы стать национальным эпосом. Захваченный поэзией древних легенд, положенных в основу поэмы, он писал о той Америке, в которую еще не пришли белые люди и не уничтожили царившую в ней гармонию природы и человека. Он обращался к далекой эпохе, когда на американских землях царили другие законы и другой дух.

В центре поэмы – образ народного героя индейца Гайаваты (что означает пророк, учитель). Гайавата – историческое лицо. Он жил в XV веке и принадлежал к племени онондага, в сказаниях индейцев выступает под разными именами. В поэме рассказывается о рождении, детстве и подвигах Гайаваты. Гайавату волнует благо людей: он обучает индейцев ремеслам, письменности, врачеванию, помогает приручать зверей. Он сражается и побеждает страшных чудовищ Мише-Мокву (Великого Медведя) и Мише-Наму (Великого Осетра). Гайавата кладет конец кровавым распрям между племенами, призывает жить в мире. «Песнь о Гайавате» – это великий гимн миру.

Песнь о Гайавате. В сокращении (Перевод И. Бунина)

Вступление

Если спросите – откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов[55],
Шумом рек и водопадов,
Шумом, диким и стозвучным,
Как в горах раскаты грома? —
Я скажу вам, я отвечу:

«От лесов, равнин пустынных,
От озер Страны Полночной,
Из страны Оджибуэев,
Из страны Дакотов[56] диких,
С гор и тундр, с болотных топей,

Где среди осоки бродит
Цапля сизая, Шух-шух-га.
Повторяю эти сказки,
Эти старые преданья
По напевам сладкозвучным
Музыканта Навадаги».
Если спросите, где слышал,
Где нашел их Навадага, —
Я скажу вам, я отвечу:
«В гнездах певчих птиц, по рощам,
На прудах, в норах бобровых,
На лугах, в следах бизонов,
На скалах, в орлиных гнездах.

Эти песни раздавались
На болотах и на топях,
В тундрах севера печальных:
Читовэйк, зуек, там пел их,
Манг, нырок, гусь дикий, Ва́ва,
Цапля сизая, Шух-шух-га,
И глухарка, Мушкода́за».

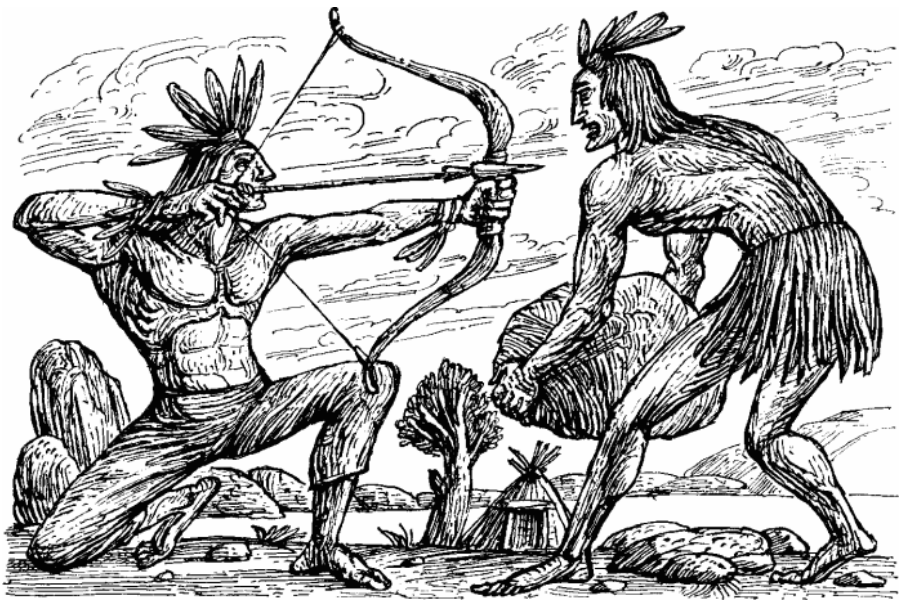
Если б дальше вы спросили:
«Кто же этот Навадага?
Расскажи про Навадагу!», —
Я тотчас бы вам ответил
На вопрос такою речью:

«Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых,
У излучистых потоков,
Жил когда-то Навадага.
Вкруг индейского селенья
Расстилались нивы, долы,
А вдали стояли сосны,
Бор стоял, зеленый – летом,
Белый – в зимние морозы,
Полный вздохов, полный песен.

Те веселые потоки
Были видны на долине
По разливам их – весною,
По ольхам сребристым – летом,
По туману – в день осенний,

По руслу – зимой холодной.
Возле них жил Навадага
Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых.

Там он пел о Гайавате,
Пел мне Песнь о Гайавате, —
О его рожденье дивном,
О его великой жизни:
Как постился и молился,
Как трудился Гайавата,
Чтоб народ его был счастлив,
Чтоб он шел к добру и правде».
……



Детство Гайаваты

В летний вечер, в полнолунье,
В незапамятное время,
В незапамятные годы,
Прямо с месяца упала
К нам прекрасная Нокомис,
Дочь ночных светил, Нокомис.

Как дитя, она играла,
На ветвях на виноградных
Меж подруг своих качалась,
И одна из них, сгорая
Злобой ревности и мести,
Эти ветви подрубила,
И на Мускодэ упала,
На цветущую долину,
Замирая от испуга,
Летним вечером Нокомис.
«Вон звезда упала с неба!» —
Говорил народ в селеньях.

Там, на мягких мхах и травах,
Там, среди стыдливых лилий,
В тихой Мускодэ, в долине,
В звездном блеске, в лунном свете,
Стала матерью Нокомис,
Назвала дочь первородной —
Назвала ее Веноной.
И, как лилия в долине,
Расцвела ее Венона:
Стала гибкой, стала стройной,
Точно лунный свет, прекрасной,
Точно звездный отблеск, нежной.

И Нокомис часто стала
Говорить, твердить Веноне:
«О, страшись, остерегайся
Мэджекивиса, Венона!
Никогда его не слушай,
Не гуляй одна в долине,
Не ложись в траве меж лилий!»

Но не слушалась Венона,
Не внимала мудрой речи,
И пришел к ней Мэджекивис,
Темным вечером подкрался,
С тихим шепотом склоняя
На лугу цветы и травы.
Там прекрасная Венона
Меж цветов одна лежала,
Там нашел ее коварный
Ветер Западный – и начал

Очаровывать Венону
Сладкой речью, нежной лаской, —
И родился сын печали,
Нежной страсти и печали,
Дивной тайны – Гайавата.

Так родился Гайавата;
А коварный Мэджекивис,
Бессердечный Мэджекивис
Уж покинул дочь Нокомис,
И недолго после билось
Сердце нежное Веноны:
Умерла она в печали.
……

Гайавата и Жемчужное Перо

На прибрежье Гитчи-Гюми,
Светлых вод Большого Моря,
Вышла старая Нокомис,
Простирая в гневе руку
Над водой к стране заката,
К тучам огненным заката.

В гневе солнце заходило,
Пролагая путь багряный,
Зажигая тучи в небе,
Как вожди сжигают степи,
Отступая пред врагами;
А луна, ночное солнце,
Вдруг восстала из засады
И направилась в погоню
По следам его кровавым,
В ярком зареве пожара.

И Нокомис, простирая
Руку слабую к закату,
Говорила Гайавате:
«Там живет волшебник злобный
Меджисогвон, Дух Богатства,
Тот, кого Пером Жемчужным
Называют все народы;

Там озера смоляные
Разливаются, чернея,
До багряных туч заката;
Там, среди трясины мрачной,
Вьются огненные змеи,
Змеи страшные, Кинэбик!
То хранители и слуги
Меджисогвона-убийцы.

Это им убит коварно
Мой отец, когда на землю
Он с луны за мной спустился
И меня искал повсюду.
Это злобный Меджисогвон
Посылает к нам недуги,
Посылает лихорадки,
Дышит белой мглою с тундры,
Дышит сыростью болотных,
Смертоносных испарений!

Лук возьми свой, Гайавата,
Острых стрел возьми с собою,
Томагаук, Поггэвогон[57],
Рукавицы, Минджикэвон,
И березовую лодку.
Желтым жиром Мише-Намы[58]
Смажь бока ее, чтоб легче
Было плыть ей по болотам,
И убей ты чародея,
Отомсти врагу Нокомис,
Отомсти врагу народа!»

Быстро в путь вооружился
Благородный Гайавата;
Легкий челн он сдвинул в воду,
Потрепал его рукою,
Говоря: «Вперед, пирога[59],
Друг мой верный и любимый,
К змеям огненным, Кинэбик,
К смоляным озерам черным!»

Гордо вдаль неслась пирога,
Грозно песню боевую
Пел отважный Гайавата;

А над ним Киню могучий,
Боевой орел могучий,
Вождь пернатых, с диким криком
В небесах кругами плавал.

Скоро он и змей увидел,
Исполинских змей увидел,
Что лежали средь болота,
Ежась, искрясь средь болота,
На пути сплетаясь в кольца,
Подымаясь, наполняя
Воздух огненным дыханьем,
Чтоб никто не мог проникнуть
К Меджисогвону в жилище.

Но бесстрашный Гайавата,
Громко крикнув, так сказал им:
«Прочь с дороги, о Кинэбик!
Прочь с дороги Гайаваты!»
А они, свирепо ежась,
Отвечали Гайавате
Свистом, огненным дыханьем:
«Отступи, о Шогодайя![60]
Воротись к Нокомис старой!»

И тогда во гневе поднял
Мощный лук свой Гайавата,
Сбросил с плеч колчан[61] – и начал
Поражать их беспощадно:
Каждый звук тугой и крепкой
Тетивы был криком смерти,
Каждый свист стрелы певучей —
Песнью смерти и победы!

Тяжело в воде кровавой
Змеи мертвые качались,
И победно Гайавата
Плыл меж ними, восклицая:
«О, вперед, моя пирога,
К смоляным озерам черным!»
……

Так держал путь Гайавата,
Так держал он путь на запад,

Плыл всю ночь, пока не скрылся
С неба бледный, полный месяц.
А когда пригрело солнце,
Стало плечи жечь лучами,
Увидал он пред собою
На холме Вигвам Жемчужный —
Меджисогвона жилище.

Вновь тогда своей пироге
Он сказал: «Вперед!» – и быстро,
Величаво и победно
Пронеслась она средь лилий,
Чрез густой прибрежный шпажник.
И на берег Гайавата
Вышел, ног не замочивши.

Тотчас взял он лук свой верный,
Утвердил в песке, коленом
Надавил посередине
И могучей тетивою
Запустил стрелу-певунью,
Запустил в Вигвам Жемчужный,
Как гонца с своим посланьем,
С гордым вызовом на битву:
«Выходи, о Меджисогвон:
Гайавата ожидает».

Быстро вышел Меджисогвон
Из Жемчужного Вигвама,
Быстро вышел он, могучий,
Рослый и широкоплечий,
Сумрачный и страшный видом,
С головы до ног покрытый
Украшеньями, оружьем,
В алых, синих, желтых красках,
Словно небо на рассвете,
В развевающихся перьях
Из орлиных длинных крыльев.

«А, да это Гайавата! —
Громко крикнул он с насмешкой,
И, как гром, тот крик раздался. —
Отступи, о Шогодайя!
Уходи скорее к бабам.

Уходи к Нокомис старой!
Я убью тебя на месте,
Как ее отца убил я!»

Но без страха, без смущенья
Отвечал мой Гайавата:
«Хвастовством и грубым словом
Не сразишь, как томагавком;
Дело лучше слов бесплодных
И острей насмешек стрелы.
Лучше действовать, чем хвастать!»

И начался бой великий,
Бой, невиданный под солнцем!
От восхода до заката —
Целый летний день он длился,
Ибо стрелы Гайаваты
Бесполезно ударялись
О жемчужную кольчугу.
Бесполезны были даже
Рукавицы, Минджикэвон,
И тяжелый томагаук:
Раздроблять он мог утесы,
Но колец не мог разбить он
В заколдованной кольчуге.

Наконец перед закатом,
Весь израненный, усталый,
С расщепленным томагавком,
С рукавицами, в лохмотьях
И с тремя стрелами только,
Гайавата безнадежно
На упругий лук склонился
Под старинною сосною;
Мох с ветвей ее тянулся,
А на пне грибы желтели —
Мертвецов печальных обувь.

Вдруг зеленый дятел, Мэма,
Закричал над Гайаватой:
«Целься в темя, Гайавата,
Прямо в темя чародея,
В корни кос ударь стрелою:
Только там и уязвим он!»

В легких перьях, в халцедоне,
Понеслась стрела-певунья
В тот момент, как Меджисогвон
Поднимал тяжелый камень,
И вонзилась прямо в темя,
В корни длинных кос вонзилась.
И споткнулся, зашатался
Меджисогвон, словно буйвол,
Да, как буйвол, пораженный
На лугу, покрытом снегом.

Вслед за первою стрелою
Полетела и вторая,
Понеслась быстрее первой,
Поразила глубже первой;
И колени чародея,
Как тростник, затрепетали,
Как тростник, под ним согнулись.
……

Из вигвама чародея
Гайавата снес в пирогу
Все сокровища, весь вампум[62],
Снес меха бобров, бизонов,
Соболей и горностаев,
Нитки жемчуга, колчаны
И серебряные стрелы —
И поплыл домой, ликуя,
С громкой песнею победы.

Там к нему на берег вышли
Престарелая Нокомис,
Чайбайабос, мощный Квазинд;
А народ героя встретил
Пляской, пеньем, восклицая:
«Слава, слава Гайавате!
Побежден им Меджисогвон,
Побежден волшебник злобный!»

Навсегда остался дорог
Гайавате дятел, Мэма.
В честь его и в память битвы
Он свою украсил трубку

Хохолком из красных перьев,
Гребешком багровым Мэмы,
А богатство чародея
Разделил с своим народом,
Разделил по равной части.

Вопросы и задания

▸**1.** Расскажите о создании «Песни о Гайавате». Что легло в основу сюжета?

2. Каким рисует автор Гайавату? Какими качествами наделен герой?

3. Что помогает нам составить представление о характере героя? Найдите в тексте художественные средства (образные выражения, сравнения, метафоры, эпитеты), помогающие ярче представить образ Гайаваты.

4. Подумайте, с какими мифологическими персонажами можно сравнить Гайавату. Обоснуйте свой ответ. Какие подвиги этих героев напоминают подвиги Гайаваты?

▸▸**1.** Какую роль играет мир природы в «Песне о Гайавате»?

2. Какое значение имеет образ певца (музыканта Навадаги) в поэме? В каких произведениях вы встречались с образами певцов, ведущих повествование?

3. Почему Лонгфелло назвал свое произведение песней? Найдите в тексте художественные особенности, характерные для песенного жанра (образы, изобразительно-выразительные средства, музыкальность речи).

4. Бунин отмечал «редкую красоту художественных образов и картин» поэмы. Докажите это утверждение.

▸▸▸**1.** Вспомните, с кем сражались былинные богатыри, герои русских народных сказок. Кто помогал им? Кто помогает Гайавате?

2. Попытайтесь объяснить сходство русских фольклорных образов и сюжетов с образами и сюжетами из индейских преданий.

3. Если вы читали произведения о жизни индейцев Ф. Купера, М. Рида и других писателей, то попробуйте сравнить эти книги с «Песней о Гайавате».

Вальтер Скотт (1771–1832)

Айвенго

Вальтер Скотт – создатель жанра исторического романа. Конечно, и до Вальтера Скотта многих писателей интересовала история. Однако авторы, которые обращались к историческим событиям, отличали одну эпоху от другой лишь именами королей и сменой династий. В художественных произведениях о прошлом творцами истории выступали властители или сильные личности. Писатели и читатели были убеждены, что цари и вожди решают судьбы народов. Взгляд Скотта на ход истории был шире. «В его романах толпятся люди, волнуются страсти, кипят интересы великие и малые, высокие и низкие, и во всем проявляется пафос эпохи, с удивительным искусством схваченный. Прочитать его роман – значит прожить описанную им эпоху, сделаться на время современником изображаемых им лиц, мыслить на время их мыслью, чувствовать их чувством…» – писал в XIX веке критик В. Г. Белинский.

Вальтеру Скотту принадлежат не только художественные произведения, но и исторические труды. Его творчество оказало влияние на создание исторических жанров художественной литературы и на развитие исторической науки.

Знакомясь с его романами, читатель входит в мир иных веков и проживает рядом с героями жизнь, полную опасностей и приключений. Особенностью произведений английского писателя является совершенно ясная система оценок всего происходящего: Вальтер Скотт отчетливо провозглашает кодекс чести и благородства.

В романе «Айвенго» воссоздано историческое время феодальных усобиц XII века, третьего крестового похода (1189–1192). Однако люди жили не только событиями такого глобального масштаба. Читатель видит не сами походы, а нарисованную яркими красками картину жизни в эпоху феодализма: некоторых из участников крестового похода, отзвуки военных неудач и ожесточенные распри феодалов. И все это дается на фоне увлекательного описания реального быта в жилищах богачей и отшельников, популярных развлечений и праздников, привычек людей и примет той поры. В центре сюжета романа эпизоды, типичные для эпохи: турнир рыцарей, осада и штурм замка с целью освобождения заложников.

События романа развиваются вокруг молодого рыцаря Уильфреда Айвенго и прекрасной леди Ровены. Сюжет стремителен. Спасению героев от жестокого крестоносца Бриана де Буагильбера помогает вмешательство короля Ричарда Львиное Сердце и защитника угнетенных Робина Гуда. Любящие сердца

выдержали все испытания и соединились.

Ричард Львиное Сердце правил страной с 1189 по 1199 год. Его образ на страницах романа не столько напоминает реального человека, который прожил бурную жизнь, сколько доброго короля из народных преданий. Это герой, которого автор рисует с неподдельной симпатией. Таково его поведение на рыцарском турнире. Способность короля оставаться в стороне от событий и активно вмешиваться только в самой крайней необходимости заслуживает у зрителей насмешливое прозвище Черный Лентяй. Если он не таков, каким был реальный Ричард, то все же очень интересен как герой, который воплощает представление автора об идеальном человеке и властителе. Айвенго – лишь слабая тень его. В этих героях – Ричарде и Айвенго – нет ни одного штриха, который бы испортил облик безупречного рыцаря.

Если учитель вместе с учениками выберут для обсуждения роман В. Скотта «Айвенго», то урок внеклассного чтения можно провести по предложенным вопросам и заданиям.

Вопросы и задания для самостоятельного прочтения романа

▸**1.** Сколько сюжетных линий видите вы в романе? Кто их герои?

2. Назовите важнейшие моменты сюжетной линии, которая повествует о рыцаре Айвенго и леди Ровене.

3. Какие сцены повествования о рыцаре Бриане де Буагильбере и Ревекке можно считать кульминационными?

4. Как вы представляете себе природу Англии XII века?

5. Есть ли в романе эпилог, который завершает сюжетные линии?

▸▸**1.** Как объяснить, что название исторического романа посвящено выдуманному персонажу – рыцарю-крестоносцу Айвенго?

2. Какие герои романа достаточно долго скрывают свои подлинные имена? Чем это вызвано: фантазией автора или обычаями описываемого времени? Когда и почему автор открывает нам имена героев: рыцаря Лишенного Наследства, Черного Рыцаря (Черного Лентяя), Локсли? Попробуйте объяснить использованные в романе псевдонимы.

3. Как вы можете объяснить, почему в историческом романе, очень ярко рисующем события XII века, есть также и специальные исторические справки от автора?

4. Найдите этнографические детали, которые органически входят в сюжет произведения.

5. Какая сцена романа представляется вам самой важной для развития действия?

1. Опишите одного из героев романа. Подумайте над тем, чем портрет вымышленного героя может отличаться от портрета реально существовавшего исторического лица. Постарайтесь подчеркнуть в своем ответе приметы той далекой эпохи. Не забудьте сказать и о том, каким представляется вам отношение автора к герою.

2. Подготовьте рассказ об английском короле, прозванном Ричардом Львиное Сердце. Напомним, что события романа «Айвенго» относятся к последним годам его правления. Возможно, вам нужно будет обратиться к дополнительной литературе.

3. Среди сцен романа есть встреча отшельника Тука и Черного Рыцаря, которая, как пишет В. Скотт в предисловии к роману, воспроизводит события народных баллад о встрече короля с веселым монахом-отшельником. Как вы объясните внимание автора к этому эпизоду (главы XVI и XVII)?

4. Какой женский характер вас заинтересовал? Попробуйте создать портрет одной из героинь романа.

5. Какие доказательства того, что перед нами исторический роман, могли бы вы представить?

Иван Андреевич Крылов (1769 (1768)—1844)

Любое значительное событие в жизни страны всегда вызывает отклик в искусстве. События Отечественной войны 1812 года породили множество ярких произведений, среди них басни Ивана Андреевича Крылова.

Его басни и раньше часто воспринимались современниками не только как моральные поучения: в них видели сатиру на конкретные события. Даже знакомый вам «Квартет» трактовался современниками и как насмешка над литературными обществами, и как насмешка над Государственным Советом. Вот свидетельство современника: «Известно, что продолжительным прениям о том, как их (членов Совета. – *Авт.*) рассадить, и даже нескольким последующим пересадкам мы обязаны остроумною баснею Крылова „Квартет“».

С самого начала Отечественной войны Крылов целиком поглощен этим событием. Доказательство тому – басни и эпиграммы этих месяцев, созданные великим баснописцем.

В августе 1812 года были опубликованы две басни: «Кот и Повар» и «Раздел». Так начался цикл басен Крылова об

Отечественной войне. В басне «Кот и Повар» Кот ассоциировался с Наполеоном, который пользуется бездействием Повара. Басня «Раздел» повествует о том, как несколько торговцев стали делить прибыли и так рассорились, что даже не заметили пожара, от которого погибли. Обе басни призывали навести порядок в действиях против Наполеона. Они часто рассматривались как пролог к известной тетралогии басен, посвященных М. И. Кутузову.

Басни «Ворона и Курица», «Волк на псарне», «Обоз», «Щука и Кот» показывают историческую роль Кутузова и полемически заострены против его противников. Напомним, что среди тех, кто не одобрял действия полководца, был и Александр I.

Басня «Ворона и Курица» навеяна карикатурой И. Теребенева «Французский вороний суп». В том же номере журнала, в котором была помещена карикатура, была заметка: «Очевидцы рассказывают, что в Москве французы ежедневно ходили на охоту – стрелять ворон…» Басня «Обоз» оправдывает осторожную тактику Кутузова в противоположность действиям, которые осуществлял Александр I в войне с Наполеоном в 1805–1807 годах.

Басня «Щука и Кот» осмеивает неудачу адмирала Чичагова, который должен был задержать Наполеона при его отступлении из России через Березину. Чичагов опоздал, что вызвало негодование в обществе. «Крылов написал басню о пирожнике, который берется шить сапоги, то есть о моряке, начальствующем над сухопутным войском», – писал современник. В этой басне, в отличие от многих других, в которых не всегда зафиксирована мораль, есть два фрагмента, которые можно считать моралью: одной басня начинается («Беда, коль пироги начнет печи сапожник, / А сапоги тачать пирожник, / И дело не пойдет на лад…»), а другой заканчивается («И дельно! Это, Щука, / Тебе наука: / Вперед умнее быть / И за мышами не ходить»).

В этой басне уже нет Наполеона: противопоставлены друг другу мудрый и добродушный Кот и завистливый его подчиненный – Щука, адмирал Чичагов, о неуживчивости, упрямстве и надменности которого писали современники. Он не только опоздал перекрыть пути отступления Наполеона, но и пытался в своих неудачах обвинить Кутузова. Позже, эмигрировав из России, в своих «Записках адмирала Чичагова, заключающих то, что он видел и что, по его мнению, знал», он выдвигал обвинения против покойного полководца, и соратники Кутузова были вынуждены публиковать документы, которые опровергали эти обвинения.

Патриотический отклик писателя на исторические события

Отечественной войны 1812 года достиг наибольшей силы в известной басне «Волк на псарне». Как свидетельствуют современники, Крылов, своею рукою переписав басню «Волк на псарне», отдал ее жене Кутузова, которая и отправила ее мужу в своем письме. Полководец прочитал басню после сражения под Красным и при словах «а я, приятель, сед», снял свою белую фуражку и потряс наклоненною головой. Так об этом рассказывает А. И. Михайловский-Данилевский в истории военных событий.

Тесная связь сюжета и образов с событиями истории не лишала басню тех свойств и качеств, которые делают ее одним из самых прочных и длительно существующих жанров. Это можно подтвердить судьбой басни «Волк на псарне». Она была очень популярна во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Волк на псарне

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор —
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!» —
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
«Огня! – кричат; – огня!» Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом,
И что приходит, наконец,
Ему расчесться за овец, —
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,

Что я…» – «Послушай-ка, сосед, —
Тут ловчий перервал в ответ, —
Ты сер[63], а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Вопросы и задания

1. Каким образом сюжет басни связан с событиями Отечественной войны 1812 года?

2. Каким изображен Волк в этой басне? Таков ли он в других баснях, например в «Волке и Ягненке»? Какие новые для вас качества Волка увидели вы в басне?

1. Как выражение «ты сер» связано с образом Наполеона?

1. Наполеон из Москвы дважды пытался вступить в переговоры с Александром I. Он делал эти попытки, посылая к русскому правительству то директора Воспитательного дома Тутолмина, то И. А. Яковлева (отца А. И. Герцена – революционера, писателя, философа) с тем, чтобы донести до Александра I мирные предложения. В сентябре в Тарутинский лагерь к Кутузову прибыл граф Лористон (бывший посол Франции при русском дворе). Наполеон, отправляя графа с ответственным поручением, сказал ему: «Мне нужен мир». Кутузов ответил отказом на это предложение.

В вариантах басни подчеркивалось стремление Волка вступить в переговоры. Сравните варианты и объясните окончательный выбор автора.

Первый вариант

Пришлось ему расчесться за овец;
Однако ж, думает хитрец,
Дай попытаюся вступить в переговоры
И зачал…

Второй вариант

Однако же хитрец
Вступил в переговоры
Как добрый дипломат

И начал…

Окончательный вариант

Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так…

2. Каким представляется вам Ловчий?

3. Подумайте, почему басня была популярна в годы Великой Отечественной войны.

4. Какую роль могут играть басни в осмыслении обществом исторических событий?

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)

Еще с лицейских лет Пушкина интересовали события мировой и русской истории. В ранних лирических произведениях он часто использует исторические события, образы государственных деятелей для подтверждения своих мыслей, позиций, для выражения гражданских чувств. Так, в стихотворении «Лицинию» юный поэт размышляет о древнеримской истории, о причинах упадка империи и заявляет: «Свободой Рим возрос, а рабством погублен». В другом юношеском стихотворении, которое Пушкин читал на экзамене перед Г. Р. Державиным, – «Воспоминание в Царском Селе», поэта привлекают события екатерининского века, который он назвал «громкий век военных споров, свидетель славы россиян»:

Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась, дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

Патриотическая гордость владеет молодым поэтом при воспоминании о совсем недавних исторических событиях – Отечественной войне 1812 года и победе над Наполеоном.

Интерес к истории с годами углубляется. Уже в оде «Вольность» Пушкин рассуждает о взаимоотношении закона,

высшей власти и народа. Он приводит исторические примеры возмездия за неповиновение высшему закону: беззакония, совершенные в период Французской революции, самовластие Наполеона, убийство российского императора Павла I.

Находясь в ссылке в Михайловском, Пушкин вновь обращается к историческим трудам, собирает материалы для истории народного движения Степана Разина. В письме к брату он называет Разина «единственным поэтическим лицом русской истории». О народном бунтаре поэт написал три песни, изобразив в них лихого атамана разбойников, разгульного буяна, подкупающего подарками астраханского воеводу, мечтающего о кораблях с золотом, серебром и «душой-девицей».

Могущественная фигура преобразователя России императора Петра I побуждала Пушкина к творчеству. В стихотворении «Стансы» он дает такую оценку деятельности царя и его личности:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник:
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

В 1827 году был начат роман «Арап Петра Великого», исторический роман об эпохе Петра I. О напечатанных отрывках из этого произведения В. Г. Белинский писал: «Будь этот роман кончен так же хорошо, как начат, мы имели бы превосходный исторический русский роман, изображающий нравы величайшей эпохи русской истории…»

Теме Петра посвящена написанная в 1828 году поэма «Полтава». И наконец, к образу Петра Пушкин обращается в поэме «Медный всадник».

Глубокий интерес к народным движениям, «русскому бунту», тщательное изучение материалов пугачевского восстания привели Пушкина к созданию двух произведений на эту тему – повести «Капитанская дочка» и «Истории Пугачева».

Песнь о вещем Олеге

Сюжет летописного сказания «Смерть Олега от своего коня» Пушкин положил в основу баллады «Песнь о вещем Олеге». Полемизируя с А. Бестужевым, Пушкин так характеризует понравившееся ему летописное предание: «Тебе, кажется, Олег не нравится, напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе – есть черта трогательного

простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического». Именно поэтический настрой получил свое развитие в балладе Пушкина, при точной передаче исторической картины Древней Руси времен князя Олега.

Колорит баллады «Песнь о вещем Олеге» таинственный и мрачный. Она написана характерным для этого жанра стихотворным размером – амфибрахием. В ней используется своеобразная звукопись (чередование повторяющихся сонорных звуков, преобладание звонких согласных), обращает на себя внимание торжественная лексика. Известный исследователь творчества Пушкина Б. Томашевский отмечает в стихотворении характерные балладные приемы описания и повествование, принятое в летописи. Так, вопрос Олега: «От чего ми есть умрети?» – получает распространение в двух стихах:

«…И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?..»

В этих словах и художественное восприятие смерти, и штрихи к портрету могущественного князя Олега.

Вместо кратких предложений летописи мы читаем развернутое описание внешности и духовного облика кудесника, выдержанное в торжественно высоком стиле: вдохновенный, «покорный Перуну старик одному», «заветов грядущего вестник», проживший большую жизнь «в мольбах и гаданьях», мудрый, не боящийся могучих владык.

Развернутая характеристика, выдержанная в высоком стиле, дана князю Олегу в словах кудесника. В них нет и намека на лесть и преувеличение заслуг – это разговор равных людей. Сила и мощь одного из них – в величии власти и военных доблестей, другого – в мудрости, пророчестве и заслуженном своим образом жизни покровительстве богов.

Торжественный, высокий стиль, архаичная лексика сочетаются в балладе с простым обращением Олега к умершему коню:

«…Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил…»

Обращение к возвышенному стилю вновь происходит при описании смерти Олега.

В балладную систему образов и языка Пушкин вводит большое количество бытовых и исторических реалий из летописи.

Так, согласно ей, Олег назван вещим, упомянут ритуал заклания жертвы на тризне. На летописном сказании основана строка: «Твой щит на вратах Цареграда».

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам[64],
Их сёла и нивы за буйный набег
Обрёк он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну[65] старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведший свой век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава – отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда[66],
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ[67], и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы…
Под грозной броней ты не ведаешь ран;

Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,
И холод и сеча[68] ему ничего.
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся – однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся – да помни меня.
Вы, отроки-други[69], возьмите коня!
Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещий Олег
При звоне веселом стакана,
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана…
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они…

«А где мой товарищ? – промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? все так же ль легок его бег?
Все тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник

И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят: на холме, у брега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вкруг ног обвилась:
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Вопросы и задания

1. Докажите, что «Песнь о вещем Олеге» – баллада.

2. Когда и почему прозвучала резкая оценка кудесника, данная Олегом: «лживый, безумный старик»?

1. Какие художественные приемы помогают сделать выразительными и запоминающимися образы Олега и кудесника? Попробуйте сравнить некоторые из этих приемов и решить, что

же особенно важно для автора в характерах героев.

2. Во всех ли строфах использован одинаковый порядок рифм?

3. Определите количество строф стихотворения и найдите строфу, которая содержит кульминацию событий.

1. Сравните балладу Пушкина и летописный источник. В чем видите разницу?

2. Подготовьте планы баллады и отрывка из летописи. Сравните их.

3. Подготовьте пересказ по одному из этих планов. В пересказе баллады старайтесь использовать стихотворные строки.

Полтава. *Фрагменты*

Героическая поэма «Полтава» многопланова. В ней говорится об исторических деяниях Петра I, о его войне со шведами за выход к Балтийскому морю, о взаимоотношениях России и Украины, о предательстве гетмана Мазепы и, наконец, о любви. Обо всем этом вы узнаете, прочитав полный текст поэмы самостоятельно. Мы же сосредоточим внимание на одном из центральных эпизодов поэмы – изображении Полтавского боя, решающего события всей русско-шведской войны. По словам В. Г. Белинского, «Полтавская битва была не просто сражение, замечательное по огромности военных сил, по упорству сражающихся и по количеству пролитой крови; нет, это была битва за существование целого народа, за будущее целого государства». Об изображении Пушкиным боя критик писал: «Картина Полтавской битвы начертана кистью широкою и смелою, она исполнена жизни и движения: живописец мог бы писать с нее, как с натуры».

В центре картины боя образы двух монархов-полководцев – Петра I и короля Карла. Петр – любимец русского войска, личным примером вдохновляющий бойцов на достижение победы. Пушкин находит выразительные эпитеты, метафоры и сравнения для изображения царя-воина: «могущ и радостен, как бой», он «прекрасен», «он весь, как Божия гроза». Мы ощущаем единство русского командования, сосредоточенного вокруг личности Петра.

И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин… —

все они не просто подчиненные своему главнокомандующему военачальники, они – его «товарищи, сыны». Так торжественно и вместе с тем тепло говорит поэт о единении Петра и его ближайшего окружения. А выражение «птенцы гнезда Петрова» стало афористичным и часто употребляется в исторических и литературных контекстах. Благороден, «горд и ясен» Петр I и на победном пиру:

И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает…

По контрасту с Петром создан образ шведского короля Карла XII. Он ранен («несомый верными слугами»), неподвижен, задумчив, взор его изображает «необычайное волненье».

Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье…

Боевому кличу Петра контрастно слабое движение руки Карла, которым он дает команду войскам. Пушкин отдает должное сильному противнику, но вместе с тем показывает, что ни Карл, ни его воины не воодушевлены ничем высоким, в то время как Петр и его армия исполнены патриотизма, уверенности в победе.

Песнь первая

……
Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданный и кровавый
Задал ей шведский паладин[70].
Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

……

Песнь третия

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огнь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ее стремление крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там;
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлипенбах.
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И Бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с Богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как Божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,

Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирев,
Прервали свой голодный рев.
И се – равнину оглашая,
Далече грянуло *ура*:
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье…
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины:

И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча.
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский – колет, рубит, режет,
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

……
Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор – и враг бежит:
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.

Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает…

Вопросы и задания

1. Почему поэма получила название «Полтава»?
2. Назовите главное событие поэмы и его участников.
1. Отметьте особенности звукописи и их роль в описании

Полтавского боя. Какое впечатление производит на слушателя сочетание различных согласных звуков, как они передают настроение самих участников и свидетелей событий?

2. Объясните значение таких выражений, как «сыны любимые победы», «битвы поле роковое», «темнеет слава их знамен», «Бога браней благодатью», «счастья баловень безродный, полудержавный властелин».

⏩**1.** Как обрисован в поэме Петр I? Какими художественными средствами выражено отношение поэта к Петру как императору и воину?

2. Сопоставьте изображение Петра перед боем, во время боя и во время празднования победы. Что объединяет и что отличает эти описания?

3. Сопоставьте описание Петра и Карла. Какой прием использует Пушкин в создании образов? В чем, по-вашему, значение этого приема?

Борис Годунов. *Отрывок*

В начале 1824 года вышли X и XI тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, которые Пушкин внимательно прочел. В них описывалось царствование Федора Иоанновича, Бориса Годунова и начало Смутного времени. Труд Карамзина восхищал Пушкина, его поражала научная точность и честность исследователя, обширная ученость. «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец… Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий». «История государства Российского» вдохновила Александра Сергеевича на создание величайшего произведения – трагедии в стихах «Борис Годунов», которую он посвятил памяти выдающегося историка. В неопубликованном предисловии к трагедии он писал: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории… Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов, Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. Источники богатые!..»

Трагедия была написана в 1825 году в михайловской ссылке. В основу трагедии положены эпизоды правления российского царя Бориса Годунова с момента его избрания на царство до его кончины и захвата престола Дмитрием Самозванцем.

Конфликт трагедии – это конфликт между Борисом

Годуновым и Григорием Отрепьевым, который выдавал себя за убиенного царевича Дмитрия. Однако существо этого противостояния значительно шире. Царь Борис встречает противодействие народа, который не принимает его, считая, что на нем кровь убитого царевича. Перед нами столкновение преступной власти и нравственных позиций народа.

Ночь. Келья в Чудовом монастыре. (1603 года)

Отец Пимен, Григорий спящий.

Пимен (*пишет перед лампадой*)

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий[71] отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет, —
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось событий полно,
Волнуяся, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Немного лиц мне память сохранила,
Немного слов доходят до меня,
А прочее погибло невозвратно…
Но близок день, лампада догорает —
Еще одно, последнее сказанье.

(*Пишет.*)

Григорий (*пробуждается*)

Все тот же сон! возможно ль? в третий раз!
Проклятый сон!.. А все перед лампадой
Старик сидит, да пишет – и дремотой,
Знать, во всю ночь он не смыкал очей.
Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погруженный,
Он летопись свою ведет; и часто
Я угадать хотел, о чем он пишет?
О темном ли владычестве татар?
О казнях ли свирепых Иоанна?
О бурном ли новогородском Вече?
О славе ли отечества? напрасно.
Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;
Все тот же вид смиренный, величавый.
Так точно дьяк, в приказах поседелый,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Пимен

Проснулся, брат.

Григорий

Благослови меня,
Честный отец.

Пимен

Благослови, Господь,
Тебя и днесь, и присно[72], и вовеки.

Григорий

Ты все писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил.

Мне снилося, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно становилось —
И, падая стремглав, я пробуждался…
И три раза мне снился тот же сон.
Не чудно ли?

Пимен

Младая кровь играет;
Смиряй себя молитвой и постом.
И сны твои видений легких будут
Исполнены. Доныне – если я,
Невольною дремотой обессилен,
Не сотворю молитвы долгой к ночи, —
Мой старый сон не тих и не безгрешен,
Мне чудятся то шумные пиры,
То ратный стан, то схватки боевые,
Безумные потехи юных лет!

Григорий

Как весело провел свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! а я от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой?
Успел бы я, как ты, на старость лет
От суеты, от мира отложиться,
Произнести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

Пимен

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений

Послал тебе Всевышний. Верь ты мне:
Нас издали пленяет слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жил и многим насладился;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь Господь меня привел,
Подумай, сын, ты о царях великих.
Кто выше их? Единый Бог. Кто смеет
Противу их? Никто. А что же? Часто
Златый венец тяжел им становился:
Они его меняли на клобук[73].
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:
Кромешники[74] в тафьях[75] и власяницах[76]
Послушными являлись чернецами[77],
А грозный царь игуменом смиренным.
Я видел здесь – вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл многострадальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня
Сподобил Бог уразуметь ничтожность
Мирских сует), здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный,
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вел.

Он говорил игумену и братье:
«Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь, алкающий спасенья.
Ты, Никодим, ты, Сергий, ты, Кирилл,
Вы все – обет примите мой духовный:
Прииду к вам, преступник окаянный,
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святый отец, припадши».
Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася —
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет Господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.
А сын его Феодор? На престоле
Он воздыхал о мирном житие
Молчальника. Он царские чертоги

Преобратил в молитвенную келью;
Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась – а в час его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
К его одру, царю едину зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом.
И все кругом объяты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане[78] святый владыка пред царем
Во храмине тогда не находился.
Когда же он преставился, палаты
Исполнились святым благоуханьем,
И лик его, как солнце, просиял —
Уж не видать такого нам царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Григорий

Давно, честный отец,
Хотелось мне тебя спросить о смерти
Димитрия-царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

Пимен

Ох, помню!
Привел меня Бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
На некое был послан послушанье;
Пришел я в ночь. Наутро, в час обедни,
Вдруг слышу звон, ударили в набат,
Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я
Спешу туда ж – а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный царевич;
Царица-мать в беспамятстве над ним,

Кормилица в отчаянье рыдает,
А тут народ, остервенясь, волочит
Безбожную предательницу-мамку…
Вдруг между их, свиреп, от злости бледен,
Является Иуда Битяговский.
«Вот, вот злодей!» – раздался общий вопль,
И вмиг его не стало. Тут народ
Вслед бросился бежавшим трем убийцам;
Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред теплый труп младенца,
И чудо – вдруг мертвец затрепетал.
«Покайтеся!» – народ им завопил:
И в ужасе под топором злодеи
Покаялись – и назвали Бориса.

Григорий

Каких был лет царевич убиенный?

Пимен

Да лет семи; ему бы ныне было
(Тому прошло уж десять лет… нет, больше:
Двенадцать лет) – он был бы твой ровесник
И царствовал; но Бог судил иное.
Сей повестью плачевной заключу
Я летопись мою; с тех пор я мало
Вникал в дела мирские. Брат Григорий,
Ты грамотой свой разум просветил,
Тебе свой труд передаю. В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай не мудрствуя лукаво
Все то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны —
А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду… Но звонят
К заутрене… благослови, Господь,
Своих рабов!.. подай костыль, Григорий.

(*Уходит.*)

Григорий

Борис, Борис! все пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца, —
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда.

Вопросы и задания

1. Какое событие описано в сцене «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»?

2. В диалоге Пимена и Григория противопоставляется суетное, мирское (пиры, битвы, честолюбивые замыслы и т. д.) и божественное, духовное. В чем смысл этого противопоставления?

3. В чем видит Пимен достоинство власти и властителя? О чем, с его точки зрения, говорит известный исторический факт, что «царь Иоанн искал успокоенья / В подобии монашеских трудов»?

1. Как рассказывает Пимен об убийстве царевича Димитрия? Как это характеризует самого Пимена как историка-летописца, который «сей повестью плачевной» собирается заключить свою летопись?

1. Охарактеризуйте Пимена как человека и летописца. Как относится он к историческим событиям, которые описывает, и обязанностям летописца? Приведите примеры из текста.

2. Как воспринимает Григорий своего наставника, его духовный облик и летописный труд? Прав ли он, что Пимен «Спокойно зрит на правых и виновных, / Добру и злу внимая равнодушно, / Не ведая ни жалости, ни гнева»?

3. Перечитайте заключительную реплику Григория. В чем смысл его пророчества?

4. Какие проблемы – исторические и нравственные – рассматриваются Пушкиным в прочитанной вами сцене из трагедии «Борис Годунов»?

Капитанская дочка. *В сокращении*

Береги честь смолоду.

Пословица

Повесть «Капитанская дочка» была завершена 19 октября 1834 года. Произведение было задумано Пушкиным, когда он писал «Дубровского». Судьба героя-дворянина, который покинул ряды своего полка, интересовала писателя. Еще более привлекала его возможность рассказать о судьбах русского крестьянства и дворянства, о крестьянском восстании.

Композиция повести. Для того чтобы читатель ощутил себя свидетелем событий прошлого, нужно помочь ему освоиться в ушедшем времени. В художественном произведении этому помогает экспозиция: события, обстоятельства, характеристики вводят читателя в нужную атмосферу.

В главе I мы неторопливо «обживаем» XVIII век. Перед нами быт дворянского поместья, патриархальные обычаи среды, характер воспитания дворянского недоросля. Мы наблюдаем, как выглядят заботы Савельича и мосье Бопре…

Далее совершаем вместе с Гриневым путь к месту службы в Оренбурге.

Встреча с «вожатым» во время бурана – очевидная завязка одной из сюжетных линий. Пугачев и Гринев с этого момента связаны цепью событий. Несколько ярких эпизодов пересечения их путей – наиболее напряженные моменты повествования. Сцена расправы в Белогорской крепости и неожиданного помилования Гринева, сцена в мятежной слободе, рассказ Пугачевым калмыцкой сказки, освобождение Маши, сражение под командой Зурина, арест – вот важнейшие эпизоды жизни офицера Гринева, которые непосредственно связаны с Пугачевым и пугачевщиной.

Сюжетная линия, связывающая Машу и Гринева, начинается вскоре после их встречи. Дуэль и ранение Петра Гринева, письмо отцу и матери с просьбой о благословении на брак, их отказ, казнь родителей Маши, ее заточение в плен Швабриным, освобождение Пугачевым, путь к родителям Гринева и, наконец, встреча Маши с Екатериной II – вот события этой сюжетной линии.

Очевидно, что сюжетные линии постоянно пересекаются и взаимозависимы. За границами сюжета находится небольшая справка от издателя. Но мы не можем рассматривать ее как развязку – это краткий эпилог.

«Семейственные предания» охватили события колоссального масштаба. Пушкину удалось через судьбы вымышленных героев, которые действуют рядом с героями историческими, показать мир XVIII века с его могучими потрясениями. Созданию нужной атмосферы помогают эпиграфы, которые ориентируют читателя,

придают повествованию определенное настроение.

Глава I. Сержант гвардии

– Был бы гвардии он завтра ж капитан.

– Того не надобно; пусть в армии послужит.

– Изрядно сказано! пускай его потужит…

……

Да кто его отец?

Княжнин

Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году. С тех пор жил он в своей симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве.

Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нонешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава Богу, – ворчал он про себя, – кажется, дитя умыт, причесан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусье, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour etre out-chitel[79], не очень понимая значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и *врагом бутылки,* т. е. (говоря по-русски) любил

хлебнуть лишнее. Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причем учителя обыкновенно и обносили, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке и даже стал предпочитать ее винам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка. Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня *по-французски, по-немецки и всем наукам,* но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, – и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю:

Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости и с плачем жалуясь на мусье, обольстившего их неопытность. Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью француза. Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошел в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из нее змей и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошел в то самое время, как я прилаживал мочальный

хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дернул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно и стал осыпать укоризнами. Бопре в смятении хотел было привстать и не мог: несчастный француз был мертво пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал со двора, к неописанной радости Савельича. Тем и кончилось мое воспитание.

Я жил недорослем[80], гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменилась.

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь[81], ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он ее без особенного участия, и чтение это производило в нем всегда удивительное волнение желчи. Матушка, знавшая наизусть все его свычаи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подалее, и таким образом Придворный календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато когда он случайно его находил, то, бывало, по целым часам не выпускал уж из своих рук. Итак, батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли мы…» Наконец батюшка швырнул календарь на диван и погрузился в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго.

Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

– Да вот пошел семнадцатый годок, – отвечала матушка. – Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще…

«Добро, – прервал батюшка, – пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим да лазить на голубятни».

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слезы потекли по ее лицу. Напротив того, трудно описать мое восхищение. Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого.

Батюшка не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезду моему был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал пера и бумаги.

– Не забудь, Андрей Петрович, – сказала матушка, – поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями.

– Что за вздор! – отвечал батюшка нахмурясь. – К какой стати стану я писать к князю Б.?

– Да ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Петруши?

– Ну, а там что?

– Да ведь начальник Петрушин – князь Б. Ведь Петруша записан в Семеновский полк.

– Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон. Записан в гвардии! Где его пашпорт? подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в ее шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою. Батюшка прочел его со вниманием, положил перед собою на стол и начал свое письмо.

Любопытство меня мучило: куда ж отправляют меня, если уж не в Петербург? Я не сводил глаз с пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконец он кончил, запечатал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подозвав меня, сказал: «Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством».

Итак, все мои блестящие надежды рушились! Вместо веселой петербургской жизни ожидала меня гарнизонная скука в стороне глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, показалась мне тяжким несчастием. Но спорить было нечего. На другой день поутру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка; уложили в нее чемодан, погребец с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». Матушка в слезах наказывала мне беречь мое здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей. Надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами.

В ту же ночь приехал я в Симбирск, где должен был пробыть сутки для закупки нужных вещей, что и было поручено Савельичу.

Я остановился в трактире. Савельич с утра отправился по лавкам. Соскуча глядеть из окна на грязный переулок, я пошел бродить по всем комнатам. Вошед в биллиардную, увидел я высокого барина лет тридцати пяти, с длинными черными усами, в халате, с кием в руке и с трубкой в зубах. Он играл с маркером, который при выигрыше выпивал рюмку водки, а при проигрыше должен был лезть под биллиард на четверинках. Я стал смотреть на их игру. Чем долее она продолжалась, тем прогулки на четверинках становились чаще, пока наконец маркер остался под биллиардом. Барин произнес над ним несколько сильных выражений в виде надгробного слова и предложил мне сыграть партию. Я отказался по неумению. Это показалось ему, по-видимому, странным. Он поглядел на меня как бы с сожалением; однако мы разговорились. Я узнал, что его зовут Иваном Ивановичем Зуриным, что он ротмистр ** гусарского полку и находится в Симбирске при приеме рекрут[82], а стоит в трактире. Зурин пригласил меня отобедать с ним вместе чем бог послал, по-солдатски. Я с охотою согласился. Мы сели за стол. Зурин пил много и потчевал и меня, говоря, что надобно привыкать ко службе; он рассказывал мне армейские анекдоты, от которых я со смеху чуть не валялся, и мы встали из-за стола совершенными приятелями. Тут вызвался он выучить меня играть на биллиарде. «Это, – говорил он, – необходимо для нашего брата служивого. В походе, например, придешь в местечко – чем прикажешь заняться? Ведь не все же бить жидов. Поневоле пойдешь в трактир и станешь играть на биллиарде; а для того надобно уметь играть!» Я совершенно был убежден и с большим прилежанием принялся за учение. Зурин громко ободрял меня, дивился моим быстрым успехам и, после нескольких уроков, предложил мне играть в деньги, по одному грошу, не для выигрыша, а так, чтоб только не играть даром, что, по его словам, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зурин велел подать пуншу и уговорил меня попробовать, повторяя, что к службе надобно мне привыкать; а без пуншу что и служба! Я послушался его. Между тем игра наша продолжалась. Чем чаще прихлебывал я от моего стакана, тем становился отважнее. Шары поминутно летали у меня через борт; я горячился, бранил маркера, который считал Бог ведает как, час от часу умножал игру, словом – вел себя как мальчишка, вырвавшийся на волю. Между тем время прошло незаметно. Зурин взглянул на часы, положил кий и объявил мне, что я проиграл сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я стал извиняться. Зурин меня прервал: «Помилуй! Не изволь и беспокоиться. Я могу и подождать, а покамест поедем к Аринушке».

Что прикажете? День я кончил так же беспутно, как и начал. Мы отужинали у Аринушки. Зурин поминутно мне подливал, повторяя, что надобно к службе привыкать. Встав из-за стола, я чуть держался на ногах; в полночь Зурин отвез меня в трактир.

Савельич встретил нас на крыльце. Он ахнул, увидя несомненные признаки моего усердия к службе. «Что это, сударь, с тобою сделалось? – сказал он жалким голосом, – где ты это нагрузился? Ахти Господи! отроду такого греха не бывало!» – «Молчи, хрыч! – отвечал я ему, запинаясь; – ты, верно, пьян, пошел спать… и уложи меня».

На другой день я проснулся с головною болью, смутно припоминая себе вчерашние происшествия. Размышления мои прерваны были Савельичем, вошедшим ко мне с чашкою чая. «Рано, Петр Андреич, – сказал он мне, качая головою, – рано начинаешь гулять. И в кого ты пошел? Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бывали; о матушке и говорить нечего: отроду, кроме квасу, в рот ничего не изволили брать. А кто всему виноват? проклятый мусье. То и дело, бывало, к Антипьевне забежит: „Мадам, же ву при, водкю“. Вот тебе и же ву при! Нечего сказать: добру наставил, собачий сын. И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей!»

Мне было стыдно. Я отвернулся и сказал ему: «Поди вон, Савельич; я чаю не хочу». Но Савельича мудрено было унять, когда, бывало, примется за проповедь. «Вот видишь ли, Петр Андреич, каково подгуливать. И головке-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человек пьющий ни на что не годен… Выпей-ка огуречного рассолу с медом, а всего бы лучше опохмелиться полстаканчиком настойки. Не прикажешь ли?»

В это время мальчик вошел и подал мне записку от И. И. Зурина. Я развернул ее и прочел следующие строки:

> «Любезный Петр Андреевич, пожалуйста пришли мне с моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл. Мне крайняя нужда в деньгах.
>
> Готовый к услугам
>
> *Иван Зурин».*

Делать было нечего. Я взял на себя вид равнодушный и, обратясь к Савельичу, который был *и денег, и белья, и дел моих рачитель*, приказал отдать мальчику сто рублей. «Как! зачем?» – спросил изумленный Савельич. «Я их ему должен», – отвечал я со всевозможной холодностию. «Должен! – возразил Савельич, час от часу приведенный в большее изумление; – да когда же, сударь, успел ты ему задолжать? Дело что-то не ладно. Воля твоя, сударь,

а денег я не выдам».

Я подумал, что если в сию решительную минуту не переспорю упрямого старика, то уж в последствии времени трудно мне будет освободиться от его опеки, и, взглянув на него гордо, сказал: «Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать и делать то, что тебе приказывают».

Савельич так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остолбенел. «Что же ты стоишь!» – закричал я сердито. Савельич заплакал. «Батюшка Петр Андреич, – произнес он дрожащим голосом, – не умори меня с печали. Свет ты мой! послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутил, что у нас и денег-то таких не водится. Сто рублей! Боже ты милостивый! Скажи, что тебе родители крепко-накрепко заказали не играть, окроме как в орехи…» – «Полно врать, – прервал я строго, – подавай сюда деньги, или я тебя взашеи прогоню».

Савельич поглядел на меня с глубокой горестью и пошел за моим долгом. Мне было жаль бедного старика; но я хотел вырваться на волю и доказать, что уж я не ребенок. Деньги были доставлены Зурину. Савельич поспешил вывезти меня из проклятого трактира. Он явился с известием, что лошади готовы. С неспокойной совестию и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска, не простясь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь увидеться.

Вопросы и задания к главе I

▶**1.** Расскажите о жизни дворянского недоросля.

2. Какие причины вызвали перемену в судьбе Петруши? Какую роль сыграл Придворный календарь в решениях отца?

3. Опишите начало пути молодого офицера к месту службы.

▶▶**1.** Объясните, как раскрывает смысл главы пословица, использованная в качестве эпиграфа ко всей повести.

▶▶▶**1.** Создайте краткие портреты-характеристики родителей Петруши. Как относится автор к этим героям?

Глава II. Вожатый

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,

Что не добрый ли да меня конь завез:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признаться в душе, что поведение мое в симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Все это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке, отворотясь от меня, и молчал, изредка только покрякивая. Я непременно хотел с ним помириться и не знал с чего начать. Наконец я сказал ему: «Ну, ну, Савельич! полно, помиримся, виноват; вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперед вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся».

– Эх, батюшка Петр Андреич! – отвечал он с глубоким вздохом. – Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашел к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только!.. Как покажусь я на глаза господам? что скажут они, как узнают, что дитя пьет и играет.

Чтоб утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он мало-помалу успокоился, хотя все еще изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дело!»

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал: «Барин, не прикажешь ли воротиться?»

– Это зачем?

– Время ненадежно: ветер слегка подымается; вишь, как он сметает порошу.

– Что ж за беда!

– А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

– Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

– А вон – вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое

принял было сперва за отдаленный холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

Я слыхал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно со мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силен; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но все поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошел мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, – закричал ямщик, – беда: буран!»…

Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностию, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом – и скоро стали. «Что же ты не едешь?» – спросил я ямщика с нетерпением. «Да что ехать? – отвечал он, слезая с облучка; – невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом». Я стал было его бранить. Савельич за него заступился. «И охота было не слушаться, – говорил он сердито, – воротился бы на постоялый двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу!» Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила[83] или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели… Вдруг увидел я что-то черное. «Эй, ямщик! – закричал я, – смотри: что там такое чернеется?» Ямщик стал всматриваться. «А Бог знает, барин, – сказал он, садясь на свое место, – воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек». Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас и стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поравнялись с человеком.

– Гей, добрый человек! – закричал ему ямщик. – Скажи, не знаешь ли, где дорога?

– Дорога-то здесь; я стою на твердой полосе, – отвечал дорожный, – да что толку?

– Послушай, мужичок, – сказал я ему, – знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?

– Сторона мне знакомая, – отвечал дорожный, – слава Богу,

исхожена и изъезжена вдоль и поперек. Да, вишь, какая погода: как раз собьешься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдем дорогу по звездам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уж решился, предав себя Божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай».

– А почему мне ехать вправо? – спросил ямщик с неудовольствием. – Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. – Ямщик казался мне прав. «В самом деле, – сказал я, – почему думаешь ты, что жило недалече?» – «А потому, что ветер оттоль потянул, – отвечал дорожный, – и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил циновку, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды.

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам.

Я находился в том состоянии чувств и души, когда существенность, уступая мечтаниям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран еще свирепствовал и мы еще блуждали по снежной пустыне… Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтобы батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почел бы его умышленным ослушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, – говорит она мне, – отец болен при смерти и желает с тобою проститься». Пораженный страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постеле; матушка приподымает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего вижу в постеле лежит

мужик с черной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» – «Все равно, Петруша, – отвечала мне матушка, – это твой посажёный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит…» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать… и не мог; комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах… Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под мое благословение…» Ужас и недоумение овладели мною… И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич дергал меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: приехали».

– Куда приехали? – спросил я, протирая глаза.

– На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее да обогрейся.

Я вышел из кибитки. Буран еще продолжался, хотя с меньшею силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввел меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала ее. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяин, родом яицкий казак, казался мужик лет шестидесяти, еще свежий и бодрый. Савельич внес за мною погребец, потребовал огня, чтоб готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошел хлопотать.

– Где же вожатый? – спросил я у Савельича.

«Здесь, ваше благородие», – отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полати и увидел черную бороду и два сверкающие глаза. «Что, брат, прозяб?» – «Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? заложил вечор у целовальника[84]: мороз показался не велик». В эту минуту хозяин вошел с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательна: он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднес ему чашку чаю; он отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость, – прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питье». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца штоф и стакан, подошел к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, – сказал он, – опять ты в нашем краю! Отколе Бог принес?» Вожатый мой мигнул

значительно и отвечал поговоркою: «В огород летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком – да мимо. Ну, а что ваши?»

– Да что наши! – отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. – Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте.

«Молчи, дядя, – возразил мой бродяга, – будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье!» При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмиренного после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого неудовольствия. Он посматривал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, *умет*, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лег на лавку. Савельич решился убраться на печь; хозяин лег на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что даже Савельич с ним не заспорил и не стал торговаться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его. Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помочь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился. «Полтину на водку! – сказал он, – за что это? За то, что ты же изволил подвезти его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придется голодать». Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно, однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения. «Хорошо, – сказал я хладнокровно, – если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп».

– Помилуй, батюшка Петр Андреич! – сказал Савельич. – Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом

кабаке.

– Это, старинушка, уж не твоя печаль, – сказал мой бродяга, – пропью ли я или нет. Его благородие мне жалует шубу со своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дело не спорить и слушаться.

– Бога ты не боишься, разбойник! – отвечал ему Савельич сердитым голосом. – Ты видишь, что дитя еще не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напялишь его на свои окаянные плечища.

– Прошу не умничать, – сказал я своему дядьке, – сейчас неси сюда тулуп.

– Господи Владыко! – простонал мой Савельич. – Заячий тулуп почти новешенький! и добро бы кому, а то пьянице оголелому!

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас Господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей». Он пошел в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своем вожатом и о заячьем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину росту высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времен Анны Иоанновны, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от батюшки. При имени его он взглянул на меня быстро: «Поже мой! – сказал он. – Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет, а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!» Он распечатал письмо и стал читать его вполголоса, делая свои замечания. «Милостивый государь Андрей Карлович, надеюсь, что ваше превосходительство»… Это что за серемонии? Фуй, как ему не софестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад?.. «ваше превосходительство не забыло»… гм… «и… когда… покойным фельдмаршалом Мин… походе… также и… Каролинку»… Эхе, брудер! так он еще помнит стары наши проказ? «Теперь о деле… К вам моего повесу»… гм… «держать в ежовых рукавицах»… Что такое ешовы рукавиц? Это, должно быть, русска поговорк… Что такое «дершать в ешовых рукавицах»? – повторил он, обращаясь ко мне.

– Это значит, – отвечал я ему с видом как можно более невинным, – обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах.

– Гм, понимаю… «и не давать ему воли»… нет, видно, ешовы рукавицы значит не то… «При сем… его паспорт»… Где же он? А, вот… «отписать в Семеновский»… Хорошо, хорошо: все будет сделано… «Позволишь без чинов обнять себя и… старым товарищем и другом» – а! наконец догадался… и прочая и прочая… «Ну, батюшка, – сказал он, прочитав письмо и отложив в сторону мой паспорт, – все будет сделано: ты будешь офицером переведен в *** полк, и чтоб тебе времени не терять, то завтра же поезжай в Белогорскую крепость, где ты будешь в команде капитана Миронова, доброго и честного человека. Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине. В Оренбурге делать тебе нечего; рассеяние вредно молодому человеку. А сегодня милости просим: отобедать у меня».

«Час от часу не легче! – подумал я про себя, – к чему послужило мне то, что еще в утробе матери я был уже гвардии сержантом! Куда это меня завело? В *** полк и в глухую крепость на границу киргиз-кайсацких степей!..» Я отобедал у Андрея Карловича, втроем с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон. На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения.

Вопросы и задания к главе II

▸**1.** Внимательно прочтите описание пейзажа от слов: «Я приближался к месту моего назначения…» до слов «Я проснулся. Лошади стояли…». Подготовьте выразительное чтение описания бурана.

2. Опишите первое появление Пугачева. Обратите внимание на фразу: «Вдруг увидел я что-то черное».

▸▸**1.** Как сон Петруши связан с бураном и всеми последующими событиями?

2. Опишите разговор с «вожатым» в избе и при прощании. Каковы особенности этого разговора? Какую роль играл в этом диалоге Савельич?

▸▸▸**1.** Почему так запоминаются слова рассказчика: «…я отправился далее… и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своем вожатом и о заячьем тулупе»?

2. Сравните описание бурана в очерке Аксакова и «Капитанской дочке».

Глава III. Крепость

Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем;
А как люты враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку.

Солдатская песня

Старинные люди, мой батюшка.

«Недоросль»

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река еще не замерзала, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи. Я погрузился в размышления, большею частию печальные. Гарнизонная жизнь мало имела для меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и представлял его

строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. Между тем начало смеркаться. Мы ехали довольно скоро. «Далече ли до крепости?» – спросил я у своего ямщика. «Недалече, – отвечал он. – Вон уж видна». Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирда сена, полузанесенные снегом; с другой – скривившаяся мельница, с лубочными крыльями, лениво опущенными. «Где же крепость?» – спросил я с удивлением. «Да вот она», – отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломою. Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошел в сени и отворил дверь в переднюю. Старый инвалид, сидя на столе, нашивал синюю заплату на локоть зеленого мундира. Я велел ему доложить обо мне. «Войди, батюшка, – отвечал инвалид, – наши дома». Я вошел в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой; на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова, также выбор невесты и погребение кота. У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, которые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире. «Что вам угодно, батюшка?» – спросила она, продолжая свое занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною речь. «Ивана Кузмича дома нет, – сказала она, – он пошел в гости к отцу Герасиму; да все равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула девку и велела ей позвать урядника. Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством. «Смею спросить, – сказал он, – вы в каком полку изволили служить?» Я удовлетворил его любопытству. «А смею спросить, – продолжал он, – зачем изволили вы перейти из гвардии в гарнизон?» Я отвечал, что такова была воля начальства. «Чаятельно, за неприличные гвардии офицеру поступки», – продолжал неутомимый вопрошатель. «Полно врать пустяки, – сказала ему капитанша, – ты видишь, молодой человек с дороги устал; ему не

до тебя… (держи-ка руки прямее…). А ты, мой батюшка, – продолжала она, обращаясь ко мне, – не печалься, что тебя упекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится. Швабрин Алексей Иваныч вот уж пятый год как к нам переведен за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяли с собою шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иваныч и заколол поручика, да еще при двух свидетелях! Что прикажешь делать? На грех мастера нет».

В эту минуту вошел урядник[85], молодой и статный казак. «Максимыч! – сказала ему капитанша. – Отведи господину офицеру квартиру, да почище». – «Слушаю, Василиса Егоровна, – отвечал урядник. – Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?» – «Врешь, Максимыч, – сказала капитанша, – у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники. Отведи господина офицера… как ваше имя и отчество, мой батюшка? Петр Андреич?.. Отведи Петра Андреича к Семену Кузову. Он, мошенник, лошадь свою пустил ко мне в огород. Ну, что, Максимыч, все ли благополучно?»

– Все, слава Богу, тихо, – отвечал казак, – только капрал Прохоров подрался в бане с Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

– Иван Игнатьич! – сказала капитанша кривому старичку. – Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи. Ну, Максимыч, ступай себе с Богом. Петр Андреич, Максимыч ответет вас на вашу квартиру.

Я откланялся. Урядник привел меня в избу, стоявшую на высоком берегу реки, на самом краю крепости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую отвели мне. Она состояла из одной горницы довольно опрятной, разделенной надвое перегородкой. Савельич стал в ней распоряжаться; я стал глядеть в узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько избушек; по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем. И вот в какой стороне осужден я был проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошел от окошка и лег спать без ужина, несмотря на увещания Савельича, который повторял с сокрушением: «Господи Владыко! ничего кушать не изволит! Что скажет барыня, коли дитя занеможет?»

На другой день поутру я только что стал одеваться, как дверь отворилась, и ко мне вошел молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым. «Извините меня, – сказал он мне по-французски, – что я без

церемонии прихожу с вами познакомиться. Вчера узнал я о вашем приезде; желание увидеть наконец человеческое лицо так овладело мною, что я не вытерпел. Вы это поймете, когда проживете здесь еще несколько времени». Я догадался, что это был офицер, выписанный из гвардии за поединок. Мы тотчас познакомились. Швабрин был очень не глуп. Разговор его был остер и занимателен. Он с большой веселостию описал мне семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смеялся от чистого сердца, как вошел ко мне тот самый инвалид, который чинил мундир в передней коменданта, и от имени Василисы Егоровны позвал меня к ним обедать. Швабрин вызвался идти со мною вместе.

Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фрунт. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого росту, в колпаке и в китайчатом халате. Увидя нас, он к нам подошел, сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать. Мы остановились было смотреть на учение; но он просил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами. «А здесь, – прибавил он, – нечего вам смотреть».

Василиса Егоровна приняла нас запросто и радушно и обошлась со мною как бы век была знакома. Инвалид и Палашка накрывали на стол. «Что это мой Иван Кузмич сегодня так заучился! – сказала комендантша. – Палашка, позови барина обедать. Да где же Маша?» Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на нее с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить. Между тем подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за ним Палашку. «Скажи барину: гости-де ждут, щи простынут; слава Богу, ученье не уйдет; успеет накричаться». Капитан вскоре явился, сопровождаемый кривым старичком. «Что это, мой батюшка? – сказала ему жена. – Кушанье давным-давно подано, а тебя не дозовешься». – «А слышь ты, Василиса Егоровна, – отвечал Иван Кузмич, – я был занят службой: солдатушек учил». – «И, полно! – возразила капитанша. – Только слава, что солдат учишь: ни им служба не дается, ни ты в ней толку не ведаешь. Сидел бы дома да Богу молился; так было бы лучше. Дорогие гости, милости просим за стол».

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли

они, где живут и каково их состояние? Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли! – сказала она, – ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; да слава Богу, живем помаленьку. Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег (прости Бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человек; а то сиди себе в девках вековечной невестою». Я взглянул на Марью Ивановну; она вся покраснела, и даже слезы капнули на ее тарелку. Мне стало жаль ее, и я спешил переменить разговор. «Я слышал, – сказал я довольно некстати, – что на вашу крепость собираются напасть башкирцы». – «От кого, батюшка, ты изволил это слышать?» – спросил Иван Кузмич. «Мне так сказывали в Оренбурге», – отвечал я. «Пустяки! – сказал комендант. – У нас давно ничего не слыхать. Башкирцы – народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острастку, что лет на десять угомоню». – «И вам не страшно, – продолжал я, обращаясь к капитанше, – оставаться в крепости, подверженной таким опасностям?» – «Привычка, мой батюшка, – отвечала она. – Тому лет двадцать как нас из полка перевели сюда, и не приведи Господи, как я боялась проклятых этих нехристей! Как завижу, бывало, рысьи шапки, да как заслышу их визг, веришь ли, отец мой, сердце так и замрет! А теперь так привыкла, что и с места не тронусь, как придут нам сказать, что злодеи около крепости рыщут».

– Василиса Егоровна прехрабрая дама, – заметил важно Швабрин. – Иван Кузмич может это засвидетельствовать.

– Да, слышь ты, – сказал Иван Кузмич, – баба-то не робкого десятка.

– А Марья Ивановна? – спросил я, – так же ли смела, как и вы?

– Смела ли Маша? – отвечала ее мать. – Нет, Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья: так и затрепещется. А как тому два года Иван Кузмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страха на тот свет не отправилась. С тех пор уж и не палим из проклятой пушки.

Мы встали из-за стола. Капитан с капитаншею отправились спать; а я пошел к Швабрину, с которым и провел целый вечер. <…>

Вопросы и задания к главе III

▸**1.** Зрительно представьте себе картину, которая заключена всего в одной фразе: «Река еще не замерзала, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом». Охарактеризуйте эпитеты, которые здесь использованы.

2. Внимательно прочтите описание Белогорской крепости и сравните ее с той воображаемой крепостью, какую ожидал увидеть Петруша. Как могло сформироваться в сознании недоросля представление о могучей крепости?

3. Опишите первое появление нового офицера у коменданта крепости. С каким чувством описывает эту сцену повествователь? Как это описание связано со вторым эпиграфом главы («Старинные люди, мой батюшка»)? Напомним, что это слова из «Недоросля» Д. И. Фонвизина. Кто произносит в комедии эту фразу?

▸▸**1.** Внимательно прочитайте краткое описание пейзажа, открывавшегося из окна избы Семена Кузова, к которому Гринев был определен на постой. Какую роль это описание играет в главе?

▸▸▸**1.** Дайте портреты тех «старинных людей», которых Гринев узнал в Белогорской крепости.

2. Желающие могут подготовить рассказ – жанровую зарисовку жизни Белогорской крепости в мирное время.

3. Охарактеризуйте участников разговора о Пугачеве и его восстании. О чем прежде всего шла речь?

Вопросы и задания к главе IV

▸**1.** Как вы объясните, почему глава названа не «Дуэль», а «Поединок»?

2. Прочитайте комическое описание первой дуэли и ее неожиданного окончания. Как автор относится к участникам этой сцены?

3. Как повел себя Швабрин во время состоявшейся дуэли?

▸▸**1.** Как вы оцениваете стихотворный опыт Гринева? Попробуйте доказать, что эти строки сочинил человек, который жил в XVIII веке.

▸▸▸**1.** Объясните причины дуэли Гринева и Швабрина. Как вы оцениваете решимость героя повести? Дает ли этот поступок представление о его «кодексе чести»? Верно ли он поступил, с вашей точки зрения?

Вопросы и задания к главе V

1. Почему глава названа «Любовь»?

1. Охарактеризуйте ту психологическую ситуацию, которая сложилась в доме коменданта после ранения Гринева.

2. Как вы объясняете резкое письмо Петруше из дома? Оцените ответ, который написал Савельич.

Глава VI. Пугачевщина

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем сказывати.

Песня

Прежде нежели приступлю к описанию странных происшествий, коим я был свидетель, я должен сказать несколько слов о положении, в котором находилась Оренбургская губерния в конце 1773 года.

Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших еще недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непрестанного надзора для удержания их в повиновении. Крепости выстроены были в местах, признанных удобными, заселены по большей части казаками, давнишними обладателями яицких берегов. Но яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства неспокойными и опасными подданными. В 1772 году произошло возмущение в их главном городке. Причиною тому были строгие меры, предпринятые генерал-майором Траубенбергом, дабы привести войско к должному повиновению. Следствием было варварское убиение Траубенберга, своевольная перемена в управлении и, наконец, усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями.

Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость. Все было уже тихо или казалось таковым; начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников, которые злобствовали втайне и выжидали удобного случая для возобновления беспорядков.

Обращаюсь к своему рассказу.

Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на

тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от имени коменданта. Я тотчас отправился. У коменданта нашел я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкого урядника. В комнате не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендант со мною поздоровался с видом озабоченным. Он запер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей, вынул из кармана бумагу и сказал нам: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал». Тут он надел очки и прочел следующее:

> «Господину коменданту Белогорской крепости капитану Миронову.
>
> *По секрету.*
>
> Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник Емельян Пугачев, учиня непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвел возмущение в яицких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства. Того ради, с получением сего, имеете вы, господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно, и к совершенному уничтожению оного, если он обратится на крепость, вверенную вашему попечению».

– Принять надлежащие меры! – сказал комендант, снимая очки и складывая бумагу. – Слышь ты, легко сказать. Злодей-то, видно, силен; а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых плоха надежда, не в укор буди тебе сказано, Максимыч. (Урядник усмехнулся.) Однако делать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; в случае нападения запирайте ворота да выводите солдат. Ты, Максимыч, смотри крепко за своими казаками. Пушку осмотреть да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите все это в тайне, чтоб в крепости никто не мог о том узнать преждевременно.

Раздав сии повеления, Иван Кузмич нас распустил. Я вышел вместе со Швабриным, рассуждая о том, что мы слышали. «Как ты думаешь, чем это кончится?» – спросил я его. «Бог знает, – отвечал он, – посмотрим. Важного покамест еще ничего не вижу. Если же…» Тут он задумался и в рассеянии стал насвистывать французскую арию.

Несмотря на все наши предосторожности, весть о появлении Пугачева разнеслась по крепости. Иван Кузмич, хоть и очень

уважал свою супругу, но ни за что на свете не открыл бы ей тайны, вверенной ему по службе. Получив письмо от генерала, он довольно искусным образом выпроводил Василису Егоровну, сказав ей, будто бы отец Герасим получил из Оренбурга какие-то чудные известия, которые содержит в великой тайне. Василиса Егоровна тотчас захотела отправиться в гости к попадье и, по совету Ивана Кузмича, взяла с собою и Машу, чтоб ей не было скучно одной.

Иван Кузмич, оставшись полным хозяином, тотчас послал за нами, а Палашку запер в чулан, чтоб она не могла нас подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успев ничего выведать от попадьи, и узнала, что во время ее отсутствия было у Ивана Кузмича совещание и что Палашка была под замком. Она догадалась, что была обманута мужем, и приступила к нему с допросом. Но Иван Кузмич приготовился к нападению. Он нимало не смутился и бодро отвечал своей любопытной сожительнице: «А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломою; а как от того может произойти несчастие, то я и отдал строгий приказ впредь соломою бабам печей не топить, а топить хворостом и валежником». – «А для чего ж было тебе запирать Палашку? – спросила комендантша. – За что бедная девка просидела в чулане, пока мы не воротились?» Иван Кузмич не был приготовлен к таковому вопросу; он запутался и пробормотал что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидела коварство своего мужа; но, зная, что ничего от него не добьется, прекратила свои вопросы и завела речь о соленых огурцах, которые Акулина Памфиловна приготовляла совершенно особенным образом. Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть и никак не могла догадаться, что бы такое было в голове ее мужа, о чем бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь от обедни, она увидела Ивана Игнатьича, который вытаскивал из пушки тряпички, камушки, щепки, бабки и сор всякого рода, запиханный в нее ребятишками. «Что бы значили эти военные приготовления? – думала комендантша, – уж не ждут ли нападения от киргизцев? Но неужто Иван Кузмич стал бы от меня таить такие пустяки?» Она кликнула Ивана Игнатьича, с твердым намерением выведать от него тайну, которая мучила ее дамское любопытство.

Василиса Егоровна сделала ему несколько замечаний касательно хозяйства, как судия, начинающий следствие вопросами посторонними, дабы сперва усыпить осторожность ответчика. Потом, помолчав несколько минут, она глубоко вздохнула и сказала, качая головою: «Господи Боже мой! Вишь,

какие новости! Что из этого будет?»

– И, матушка! – отвечал Иван Игнатьич. – Бог милостив: солдат у нас довольно, пороху много, пушку я вычистил. Авось дадим отпор Пугачеву. Господь не выдаст, свинья не съест!

– А что за человек этот Пугачев? – спросила комендантша.

Тут Иван Игнатьич заметил, что проговорился, и закусил язык. Но уже было поздно. Василиса Егоровна принудила его во всем признаться, дав ему слово не рассказывать о том никому.

Василиса Егоровна сдержала свое обещание и никому не сказала ни одного слова, кроме как попадье, и то потому только, что корова ее ходила еще в степи и могла быть захвачена злодеями.

Вскоре все заговорили о Пугачеве. Толки были различны. Комендант послал урядника с поручением разведать хорошенько обо всем по соседним селениям и крепостям. Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи верст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идет неведомая сила. Впрочем, не мог он сказать ничего положительного, потому что ехать дальше побоялся.

В крепости между казаками заметно стало необыкновенное волнение; во всех улицах они толпились в кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизонного солдата. Посланы были к ним лазутчики. Юлай, крещеный калмык, сделал коменданту важное донесение. Показания урядника, по словам Юлая, были ложны: по возвращении своем лукавый казак объявил своим товарищам, что он был у бунтовщиков, представлялся самому их предводителю, который допустил его к своей руке и долго с ним разговаривал. Комендант немедленно посадил урядника под караул, а Юлая назначил на его место. Эта новость принята была казаками с явным неудовольствием. Они громко роптали, и Иван Игнатьич, исполнитель комендантского распоряжения, слышал своими ушами, как они говорили: «Вот ужо тебе будет, гарнизонная крыса!» Комендант думал в тот же день допросить своего арестанта; но урядник бежал из-под караула, вероятно, при помощи своих единомышленников.

Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с возмутительными листами. По сему случаю комендант думал опять собрать своих офицеров и для того хотел опять удалить Василису Егоровну под благовидным предлогом. Но как Иван Кузмич был человек самый прямодушный и правдивый, то и не нашел другого способа, кроме как единожды уже им употребленного.

«Слышь ты, Василиса Егоровна, – сказал он ей покашливая. –

Отец Герасим получил, говорят, из города…» – «Полно врать, Иван Кузмич, – перервала комендантша, – ты, знать, хочешь собрать совещание да без меня потолковать об Емельяне Пугачеве; да лих не проведешь!» Иван Кузмич вытаращил глаза. «Ну, матушка, – сказал он, – коли ты уже все знаешь, так, пожалуй, оставайся; мы потолкуем и при тебе». – «То-то, батька мой, – отвечала она, – не тебе бы хитрить; посылай-ка за офицерами».

Мы собрались опять. Иван Кузмич в присутствии жены прочел нам воззвание Пугачева, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о своем намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал не супротивляться, угрожая казнию в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.

«Каков мошенник! – воскликнула комендантша. – Что смеет еще нам предлагать! Выйти к нему навстречу и положить к ногам его знамена! Ах он собачий сын! Да разве не знает он, что мы уже сорок лет в службе и всего, слава Богу, насмотрелись? Неужто нашлись такие командиры, которые послушались разбойника?»

– Кажется, не должно бы, – отвечал Иван Кузмич. – А слышно, злодей завладел уж многими крепостями.

– Видно, он в самом деле силен, – заметил Швабрин.

– А вот сейчас узнаем настоящую его силу, – сказал комендант. – Василиса Егоровна, дай мне ключ от анбара. Иван Игнатьич, приведи-ка башкирца да прикажи Юлаю принести сюда плетей.

– Постой, Иван Кузмич, – сказала комендантша, вставая с места. – Дай уведу Машу куда-нибудь из дому; а то услышит крик, перепугается. Да и я, правду сказать, не охотница до розыска. Счастливо оставаться.

Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ, уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, – мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности. Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении варварского обычая. В наше же время никто не сомневался в необходимости пытки, ни судьи, ни подсудимые. Итак, приказание коменданта

никого из нас не удивило и не встревожило. Иван Игнатьич отправился за башкирцем, который сидел в анбаре под ключом у комендантши, и через несколько минут невольника привели в переднюю. Комендант велел его к себе представить.

Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого росту, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем. «Эхе! – сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году. – Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?»

Старый башкирец молчал и глядел на коменданта с видом совершенного бессмыслия. «Что же ты молчишь? – продолжал Иван Кузмич, – али бельмес по-русски не разумеешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подослал в нашу крепость?»

Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузмича. Но башкирец глядел на него с тем же выражением и не отвечал ни слова.

– Якши, – сказал комендант, – ты у меня заговоришь. Ребята! сымите-ка с него дурацкий полосатый халат да выстрочите ему спину. Смотри ж, Юлай: хорошенько его!

Два инвалида стали башкирца раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверок, пойманный детьми. Когда ж один из инвалидов взял его руки и, положив их себе около шеи, поднял старика на свои плечи, а Юлай взял плеть и замахнулся, – тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок.

Когда вспомню, что это случилось на моем веку и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений.

Все были поражены. «Ну, – сказал комендант, – видно, нам от него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца в анбар. А мы, господа, кой о чем еще потолкуем».

Мы стали рассуждать о нашем положении, как вдруг

Василиса Егоровна вошла в комнату, задыхаясь и с видом чрезвычайно встревоженным.

– Что это с тобою сделалось? – спросил изумленный комендант.

– Батюшки, беда! – отвечала Василиса Егоровна. – Нижнеозерная взята сегодня утром. Работник отца Герасима сейчас оттуда воротился. Он видел, как ее брали. Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон. Того и гляди, злодеи будут сюда.

Неожиданная весть сильно меня поразила. Комендант Нижнеозерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузмича. Нижнеозерная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти. С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачева. Участь Марьи Ивановны живо представилась мне, и сердце у меня так и замерло.

– Послушайте, Иван Кузмич! – сказал я коменданту. – Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыхания; об этом и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщин. Отправьте их в Оренбург, если дорога еще свободна, или в отдаленную, более надежную крепость, куда злодеи не успели бы достигнуть.

Иван Кузмич оборотился к жене и сказал ей:

– А слышь ты, матушка, и в самом деле, не отправить ли вас подале, пока не управимся мы с бунтовщиками?

– И, пустое! – сказала комендантша. – Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская ненадежна? Слава Богу, двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев и киргизцев: авось и от Пугачева отсидимся!

– Ну, матушка, – возразил Иван Кузмич, – оставайся, пожалуй, коли ты на крепость нашу надеешься. Да с Машей-то что нам делать? Хорошо, коли отсидимся или дождемся сикурса[86]; ну, а коли злодеи возьмут крепость?

– Ну, тогда… – Тут Василиса Егоровна заикнулась и замолчала с видом чрезвычайного волнения.

– Нет, Василиса Егоровна, – продолжал комендант, замечая, что слова его подействовали, может быть, в первый раз в его жизни. – Маше здесь оставаться негоже. Отправим ее в Оренбург к ее крестной матери: там и войска, и пушек довольно, и стена каменная. Да и тебе советовал бы с нею туда же отправиться; даром что ты старуха, а посмотри, что с тобою будет, коли возьмут фортецию приступом.

– Добро, – сказала комендантша, – так и быть, отправим

Машу. А меня и во сне не проси: не поеду. Нечего мне под старость лет расставаться с тобою да искать одинокой могилы на чужой сторонке. Вместе жить, вместе и умирать.

– И то дело, – сказал комендант. – Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу в дорогу. Завтра чем свет ее и отправим, да дадим ей и конвой, хоть людей лишних у нас и нет. Да где же Маша?

– У Акулины Памфиловны, – отвечала комендантша. – Ей сделалось дурно, как услышала о взятии Нижнеозерной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи Владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать об отъезде дочери. Разговор у коменданта продолжался; но я уже в него не мешался и ничего не слушал. Марья Ивановна явилась к ужину бледная и заплаканная. Мы отужинали молча и встали из-за стола скорее обыкновенного; простясь со всем семейством, мы отправились по домам. Но я нарочно забыл свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовал, что застану Марью Ивановну одну. В самом деле, она встретила меня в дверях и вручила мне шпагу. «Прощайте, Петр Андреич! – сказала она мне со слезами. – Меня посылают в Оренбург. Будьте живы и счастливы; может быть, Господь приведет нас друг с другом увидеться; если же нет…» Тут она зарыдала. Я обнял ее. «Прощай, ангел мой, – сказал я, – прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе!» Маша рыдала, прильнув к моей груди. Я с жаром ее поцеловал и поспешно вышел из комнаты.

Вопросы и задания к главе VI

1. Опишите совещание у коменданта, которое проходило в обстановке «полной секретности».

2. Опишите сцену допроса пленного башкирца. Какие распоряжения были отданы комендантом и почему их не удалось выполнить?

1. Когда Василиса Егоровна подумала: «Что бы значили эти военные приготовления?»? Как ей удалось выяснить «военную тайну»?

Глава VII. Приступ

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!

Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости.
Как ни слова себе доброго
И ни рангу себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народная песня

В эту ночь я не спал и не раздевался. Я намерен был отправиться на заре к крепостным воротам, откуда Марья Ивановна должна была выехать, и там проститься с нею в последний раз. Я чувствовал в себе великую перемену: волнение души моей было мне гораздо менее тягостно, нежели то уныние, в котором еще недавно был я погружен. С грустию разлуки сливались во мне и неясные, но сладостные надежды, и нетерпеливое ожидание опасностей, и чувства благородного честолюбия. Ночь прошла незаметно. Я хотел уже выйти из дому, как дверь моя отворилась и ко мне явился капрал с донесением, что наши казаки ночью выступили из крепости, взяв насильно с собою Юлая, и что около крепости разъезжают неведомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успеет выехать, ужаснула меня; я поспешно дал капралу несколько наставлений и тотчас бросился к коменданту.

Уж рассветало. Я летел по улице, как услышал, что зовут меня. Я остановился. «Куда вы? – сказал Иван Игнатьич, догоняя меня. – Иван Кузмич на валу и послал меня за вами. Пугач пришел». – «Уехала ли Марья Ивановна?» – спросил я с сердечным трепетом. – «Не успела, – отвечал Иван Игнатьич, – дорога в Оренбург отрезана; крепость окружена. Плохо, Петр Андреич!»

Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укрепленное частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизон стоял в ружье. Пушку туда перетащили накануне. Комендант расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростию необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалося, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысьим шапкам и по колчанам. Комендант обошел свое войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, постоим сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы

люди бравые и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на их толпу и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеясь, тотчас ускакали из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от нее. «Ну, что? – сказала комендантша. – Каково идет баталья? Где же неприятель?» – «Неприятель недалече, – отвечал Иван Кузмич. – Бог даст, все будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» – «Нет, папенька, – отвечала Марья Ивановна, – дома одной страшнее». Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомня, что накануне получил ее из ее рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце мое горело. Я воображал себя ее рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин ее доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооруженных копьями и сайдаками. Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане с обнаженной саблею в руке: это был сам Пугачев. Он остановился; его окружили, и, как видно, по его повелению, четыре человека отделились и во весь опор подскакали под самую крепость. Мы в них узнали своих изменников. Один из них держал под шапкою лист бумаги; у другого на копье воткнута была голова Юлая, которую, стряхнув, перекинул он к нам чрез частокол. Голова бедного калмыка упала к ногам коменданта. Изменники кричали: «Не стреляйте; выходите вон к государю. Государь здесь!»

«Вот я вас! – закричал Иван Кузмич. – Ребята! стреляй!» Солдаты наши дали залп. Казак, державший письмо, зашатался и свалился с лошади; другие поскакали назад. Я взглянул на Марью Ивановну. Пораженная видом окровавленной головы Юлая, оглушенная залпом, она казалась без памяти. Комендант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака. Капрал вышел в поле и возвратился, ведя под уздцы лошадь убитого. Он вручил коменданту письмо. Иван Кузмич прочел его про себя и разорвал потом в клочки. Между тем мятежники, видимо, приготовлялись к действию. Вскоре пули начали свистать около наших ушей, и несколько стрел воткнулись около нас в землю и в частокол. «Василиса Егоровна! – сказал комендант. – Здесь не бабье дело; уведи Машу; видишь: девка ни

жива ни мертва».

Василиса Егоровна, присмиревшая под пулями, взглянула на степь, на которой заметно было большое движение; потом оборотилась к мужу и сказала ему: «Иван Кузмич, в животе и смерти Бог волен: благослови Машу. Маша, подойди к отцу».

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил ее трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: он тебя не оставит. Коли найдется добрый человек, дай Бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорей». (Маша кинулась ему на шею и зарыдала.) «Поцелуемся ж и мы, – сказала, заплакав, комендантша. – Прощай, мой Иван Кузмич. Отпусти мне, коли в чем я тебе досадила!» – «Прощай, прощай, матушка! – сказал комендант, обняв свою старуху. – Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Комендантша с дочерью удалились. Я глядел вослед Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мне головой. Тут Иван Кузмич оборотился к нам, и все внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, – сказал комендант, – будет приступ…» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечь хватила в самую середину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятились. Предводитель их остался один впереди… Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал… Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. «Ну, ребята, – сказал комендант, – теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята! вперед, на вылазку, за мною!»

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но обробелый гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? – закричал Иван Кузмич. – Умирать так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошел в крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь: несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот ужо вам будет, государевым ослушникам!» Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался

колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погнали туда же.

Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приближились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачеву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» – спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича. Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!» Пугачев мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На ее перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке веревку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича, вздернутого на воздух. Тогда привели к Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай, – сказал ему Пугачев, – государю Петру Феодоровичу!» – «Ты нам не государь, – отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. – Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачев махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неописанному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошел к Пугачеву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» – сказал Пугачев, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», – повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачева. «Отец родной! – говорил бедный дядька. – Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха

ради вели повесить хоть меня старика!» Пугачев дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. «Батюшка наш тебя милует», – говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нем и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» – говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Петр Андреич! – шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. – Не упрямься! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод… (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачев опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачева, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. Все это продолжалось около трех часов. Наконец Пугачев встал с кресел и сошел с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в ее душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, белье и всю рухлядь. «Батюшки мои! – кричала бедная старушка. – Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! – закричала она в исступлении. – Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» – «Унять старую ведьму!» – сказал Пугачев. Тут молодой казак ударил ее саблею по голове, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачев уехал; народ бросился за ним.

Вопросы и задания к главе VII

1. Почему гарнизону так и не удалось осуществить вылазку?

1. Как вы объясните, почему возникло «нетерпеливое ожидание опасности», охватившее Петрушу?

2. Как вы объясните состояние помилованного Гринева: «В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нем и сожалел»?

Глава VIII. Незваный гость

Незваный гость хуже татарина.

Пословица

Площадь опустела. Я все стоял на одном месте и не мог привести в порядок мысли, смущенные столь ужасными впечатлениями.

Неизвестность о судьбе Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Где она? что с нею? успела ли спрятаться? надежно ли ее убежище?.. Полный тревожными мыслями, я вошел в комендантский дом… Все было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; все растаскано. Я взбежал по маленькой лестнице, которая вела в светлицу, и в первый раз отроду вошел в комнату Марьи Ивановны. Я увидел ее постелю, перерытую разбойниками; шкап был разломан и ограблен; лампадка теплилась еще перед опустелым кивотом. Уцелело и зеркальце, висевшее в простенке… Где ж была хозяйка этой смиренной девической кельи? Страшная мысль мелькнула в уме моем: я вообразил ее в руках у разбойников… Сердце мое сжалось… Я горько, горько заплакал и громко произнес имя моей любезной… В эту минуту послышался легкий шум, и из-за шкапа явилась Палаша, бледная и трепещущая.

– Ах, Петр Андреич! – сказала она, сплеснув руками. – Какой денек! какие страсти!..

– А Марья Ивановна? – спросил я нетерпеливо, – что Марья Ивановна?

– Барышня жива, – отвечала Палаша. – Она спрятана у Акулины Памфиловны.

– У попадьи! – вскричал я с ужасом. – Боже мой! да там Пугачев!..

Я бросился вон из комнаты, мигом очутился на улице и опрометью побежал в дом священника, ничего не видя и не чувствуя. Там раздавались крики, хохот и песни… Пугачев пировал с своими товарищами. Палаша прибежала туда же за мною. Я подослал ее вызвать тихонько Акулину Памфиловну.

Через минуту попадья вышла ко мне в сени с пустым штофом в руках.

– Ради Бога! где Марья Ивановна? – спросил я с неизъяснимым волнением.

– Лежит, моя голубушка, у меня на кровати, там за перегородкою, – отвечала попадья. – Ну, Петр Андреич, чуть было не стряслась беда, да, слава Богу, все прошло благополучно: злодей только что уселся обедать, как она, моя бедняжка, очнется да застонет!.. Я так и обмерла. Он услышал: «А кто это у тебя охает, старуха?» Я вору в пояс: «Племянница моя, государь; захворала, лежит, вот уж другая неделя». – «А молода твоя племянница?» – «Молода, государь». – «А покажи-ка мне, старуха, свою племянницу». У меня сердце так и екнуло, да нечего было делать. «Изволь, государь; только девка-то не сможет встать и прийти к твоей милости». – «Ничего, старуха, я и сам пойду погляжу». И ведь пошел окаянный за перегородку; как ты думаешь! ведь отдернул занавес, взглянул ястребиными своими глазами! – и ничего… Бог вынес! А веришь ли, я и батька мой так уж и приготовились к мученической смерти. К счастию, она, моя голубушка, не узнала его. Господи Владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бедный Иван Кузмич! кто бы подумал!.. А Василиса-то Егоровна? А Иван-то Игнатьич? Его-то за что?.. Как это вас пощадили? А каков Швабрин, Алексей Иваныч? Ведь остригся в кружок и теперь у нас тут же с ними пирует! Проворен, нечего сказать. А как сказала я про больную племянницу, так он, веришь ли, так взглянул на меня, как бы ножом насквозь; однако не выдал, спасибо ему и за то. – В эту минуту раздались пьяные крики гостей и голос отца Герасима. Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу. Попадья расхлопоталась. – Ступайте себе домой, Петр Андреич, – сказала она, – теперь не до вас; у злодеев попойка идет. Беда, попадетесь под пьяную руку. Прощайте, Петр Андреич. Что будет, то будет; авось Бог не оставит.

Попадья ушла. Несколько успокоенный, я отправился к себе на квартиру. Проходя мимо площади, я увидел несколько башкирцев, которые теснились около виселицы и стаскивали сапоги с повешенных; с трудом удержал я порыв негодования, чувствуя бесполезность заступления. По крепости бегали разбойники, грабя офицерские дома. Везде раздавались крики пьянствующих мятежников. Я пришел домой. Савельич встретил меня у порога. «Слава Богу! – вскричал он, увидя меня. – Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Петр Андреич! веришь ли? все у нас разграбили, мошенники: платье, белье, вещи, посуду – ничего не оставили. Да что уж! Слава Богу,

что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?»

– Нет, не узнал; а кто ж он такой?

– Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новешенький; а он, бестия, его так и распорол, напяливая на себя!

Я изумился. В самом деле сходство Пугачева с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачев и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоялым дворам, осаждал крепости и потрясал государством!

– Не изволишь ли покушать? – спросил Савельич, неизменный в своих привычках. – Дома ничего нет; пойду пошарю да что-нибудь тебе изготовлю.

Оставшись один, я погрузился в размышления. Что мне было делать? Оставаться в крепости, подвластной злодею, или следовать за его шайкою было неприлично офицеру. Долг требовал, чтобы я явился туда, где служба моя могла еще быть полезна отечеству в настоящих затруднительных обстоятельствах… Но любовь сильно советовала мне оставаться при Марье Ивановне и быть ей защитником и покровителем. Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах, но все же не мог не трепетать, воображая опасность ее положения.

Размышления мои были прерваны приходом одного из казаков, который прибежал с объявлением, что-де «великий государь требует тебя к себе». – «Где же он?» – спросил я, готовясь повиноваться.

– В комендантском, – отвечал казак. – После обеда батюшка наш отправился в баню, а теперь отдыхает. Ну, ваше благородие, по всему видно, что персона знатная: за обедом скушать изволил двух жареных поросят, а парится так жарко, что и Тарас Курочкин не вытерпел, отдал веник Фомке Бикбаеву да насилу холодной водой откачался. Нечего сказать: все приемы такие важные… А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой персона его.

Я не почел нужным оспоривать мнения казака и с ним вместе отправился в комендантский дом, заранее воображая себе свидание с Пугачевым и стараясь предугадать, чем оно кончится. Читатель легко может себе представить, что я не был совершенно хладнокровен.

Начинало смеркаться, когда пришел я к комендантскому

дому. Виселица с своими жертвами страшно чернела. Тело бедной комендантши все еще валялось под крыльцом, у которого два казака стояли на карауле. Казак, приведший меня, отправился про меня доложить и, тотчас же воротившись, ввел меня в ту комнату, где накануне так нежно прощался я с Марьей Ивановною.

Необыкновенная картина мне представилась: за столом, накрытым скатертью и установленным штофами и стаканами, Пугачев и человек десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгоряченные вином, с красными рожами и блистающими глазами. Между ими не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобраных изменников. «А, ваше благородие! – сказал Пугачев, увидя меня. – Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Собеседники потеснились. Я молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся. С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачев на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая черную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъявляли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкою. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шел об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспоривал Пугачева. И на сем-то странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню. «Ну, братцы, – сказал Пугачев, – затянем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! начинай!» Сосед мой затянул тонким голоском заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати.
Что заутра мне, доброму молодцу, в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надежа православный царь,
Всеё правду скажу тебе, всю истину,

Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ темная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищ, то тугой лук,
Что рассыльщики мои, то калены стрелы.
Что возговорит надежа православный царь:
Исполать тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Середи поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной.

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, – все потрясало меня каким-то пиитическим ужасом.

Гости выпили еще по стакану, встали из-за стола и простились с Пугачевым. Я хотел за ними последовать, но Пугачев сказал мне: «Сиди; я хочу с тобою переговорить». Мы остались глаз на глаз.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной веселостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

– Что, ваше благородие? – сказал он мне. – Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебе веревку на шею? Я чаю, небо с овчинку показалось… А покачался бы на перекладине, если бы не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умету, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко передо мною виноват, – продолжал он, – но я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов. То ли еще увидишь! Так ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

– Чему ты усмехаешься? – спросил он меня нахмурясь. – Или

ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился: признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком – было подвергнуть себя погибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачев мрачно ждал моего ответа. Наконец (и еще ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачеву: «Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смышленый: ты сам увидел бы, что я лукавствую».

– Кто же я таков, по твоему разумению?

– Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачев взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, – сказал он, – чтоб я был государь Петр Федорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?»

– Нет, – отвечал я с твердостию. – Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачев задумался. «А коли отпущу, – сказал он, – так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

– Как могу тебе в этом обещаться? – отвечал я. – Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя – пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня – спасибо; казнишь – Бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачева. «Так и быть, – сказал он, ударя меня по плечу. – Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрема клонит».

Я оставил Пугачева и вышел на улицу. Ночь была тихая и морозная. Месяц и звезды ярко сияли, освещая площадь и виселицу. В крепости все было спокойно и темно. Только в кабаке светился огонь и раздавались крики запоздалых гуляк. Я взглянул на дом священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, все

в нем было тихо.

Я пришел к себе на квартиру и нашел Савельича, горюющего по моем отсутствии. Весть о свободе моей обрадовала его несказанно. «Слава тебе, Владыко! – сказал он перекрестившись. – Чем свет оставим крепость и пойдем куда глаза глядят. Я тебе кое-что заготовил; покушай-ка, батюшка, да и почивай себе до утра, как у Христа за пазушкой».

Я последовал его совету и, поужинав с большим аппетитом, заснул на голом полу, утомленный душевно и физически.

Вопросы и задания к главе VIII

▶**1.** Найдите описание размышлений главного героя, которые говорят читателю о том, как долг и чувство боролись в сознании помилованного Пугачевым Гринева. Удалось ли ему принять сколько-нибудь самостоятельное решение или судьба все решила сама?

2. Опишите первое застолье Пугачева, которое увидел Гринев. Какую роль в этом описании занимает облик самого Пугачева?

3. Почему хор казаков, исполнявших разбойничью песню «Не шуми, мати зеленая дубровушка…», потряс Петрушу «каким-то пиитическим ужасом»?

▶▶**1.** В главе VII Маша обращается к отцу за благословением – «бледная и трепещущая», а в главе VIII в разгромленной комнате Маши из-за шкапа выбирается Палаша тоже «бледная и трепещущая». Как объяснить такое повторение эпитетов?

2. В связи с чем Петруша пишет: «Я изумился», и чуть позже: «Я не мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств»? Чему он изумился и о каком «сцеплении обстоятельств» идет речь?

3. Когда Пугачев говорит: «Казнить так казнить, миловать так миловать»?

▶▶▶**1.** В связи с чем Петруша написал: «и еще ныне с самодовольствием поминаю эту минуту»?

2. Прочитайте последнюю фразу главы VIII: «Я последовал его совету…» Как она характеризует Гринева?

Глава IX. Разлука

Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой;

Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой.

Херасков

Рано утром разбудил меня барабан. Я пошел на сборное место. Там строились уже толпы пугачевские около виселицы, где все еще висели вчерашние жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты под ружьем. Знамена развевались. Несколько пушек, между коих узнал я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Все жители находились тут же, ожидая самозванца. У крыльца комендантского дома казак держал под уздцы прекрасную белую лошадь киргизской породы. Я искал глазами тела комендантши. Оно было отнесено немного в сторону и прикрыто рогожею. Наконец Пугачев вышел из сеней. Народ снял шапки. Пугачев остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями. Народ с криком бросился их подбирать, и дело обошлось не без увечья. Пугачева окружали главные из его сообщников. Между ими стоял и Швабрин. Взоры наши встретились; в моем он мог прочесть презрение, и он отворотился с выражением искренней злобы и притворной насмешливости. Пугачев, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и подозвал к себе. «Слушай, – сказал он мне. – Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присоветуй им встретить меня с детской любовию и послушанием; не то не избежать им лютой казни. Счастливый путь, ваше благородие! – Потом обратился он к народу и сказал, указывая на Швабрина: – Вот вам, детушки, новый командир: слушайтесь его во всем, а он отвечает мне за вас и за крепость». С ужасом услышал я сии слова: Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставалась в его власти! Боже, что с нею будет! Пугачев сошел с крыльца. Ему подвели лошадь. Он проворно вскочил в седло, не дождавшись казаков, которые хотели было подсадить его.

В это время из толпы народа, вижу, выступил мой Савельич, подходит к Пугачеву и подает ему лист бумаги. Я не мог придумать, что из того выйдет. «Это что?» – спросил важно Пугачев. «Прочитай, так изволишь увидеть», – отвечал Савельич. Пугачев принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. «Что ты так мудрено пишешь? – сказал он наконец. – Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?»

Молодой малый в капральском мундире проворно подбежал к Пугачеву. «Читай вслух», – сказал самозванец, отдавая ему

бумагу. Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чем дядька мой вздумал писать Пугачеву. Обер-секретарь громогласно стал по складам читать следующее:

– «Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей».

– Это что значит? – сказал, нахмурясь, Пугачев.

– Прикажи читать далее, – отвечал спокойно Савельич.

Обер-секретарь продолжал:

– «Мундир из тонкого зеленого сукна на семь рублей. Штаны белые суконные на пять рублей. Двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами на десять рублей. Погребец с чайною посудою на два рубля с полтиною…»

– Что за вранье? – прервал Пугачев. – Какое мне дело до погребцов и до штанов с манжетами?

Савельич крякнул и стал объясняться.

– Это, батюшка, изволишь видеть, реестр барскому добру, раскраденному злодеями…

– Какими злодеями? – спросил грозно Пугачев.

– Виноват: обмолвился, – отвечал Савельич. – Злодеи не злодеи, а твои ребята таки пошарили да порастаскали. Не гневись: конь и о четырех ногах, да спотыкается. Прикажи уж дочитать.

– Дочитывай, – сказал Пугачев. Секретарь продолжал:

– «Одеяло ситцевое, другое тафтяное на хлопчатой бумаге, четыре рубля. Шуба лисья, крытая алым ратином, 40 рублей. Еще заячий тулупчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе, 15 рублей».

– Это что еще! – вскричал Пугачев, сверкнув огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бедного моего дядьку. Он хотел было пуститься опять в объяснения, но Пугачев его прервал: «Как ты смел лезть ко мне с такими пустяками? – вскричал он, выхватя бумагу из рук секретаря и бросив ее в лицо Савельичу. – Глупый старик! Их обобрали: экая беда? Да ты должен, старый хрыч, вечно Бога молить за меня да за моих ребят за то, что ты и с барином-то своим не висите здесь вместе с моими ослушниками… Заячий тулуп! Я те дам заячий тулуп! Да знаешь ли ты, что я с тебя живого кожу велю содрать на тулупы?»

– Как изволишь, – отвечал Савельич, – а я человек подневольный и за барское добро должен отвечать.

Пугачев был, видно, в припадке великодушия. Он отворотился и отъехал, не сказав более ни слова. Швабрин и старшины последовали за ним. Шайка выступила из крепости в порядке. Народ пошел провожать Пугачева. Я остался на площади

один с Савельичем. Дядька мой держал в руках свой реестр и рассматривал его с видом глубокого сожаления.

Видя мое доброе согласие с Пугачевым, он думал употребить оное в пользу; но мудрое намерение ему не удалось. Я стал было его бранить за неуместное усердие и не мог удержаться от смеха. «Смейся, сударь, – отвечал Савельич, – смейся; а как придется нам сызнова заводиться всем хозяйством, так посмотрим, смешно ли будет».

Я спешил в дом священника увидеться с Марьей Ивановной. Попадья встретила меня с печальным известием. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала без памяти и в бреду. Попадья ввела меня в ее комнату. Я тихо подошел к ее кровати. Перемена в ее лице поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоял я перед нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утешали. Мрачные мысли волновали меня. Состояние бедной, беззащитной сироты, оставленной посреди злобных мятежников, собственное мое бессилие устрашали меня. Швабрин, Швабрин пуще всего терзал мое воображение. Облеченный властию от самозванца, предводительствуя в крепости, где оставалась несчастная девушка – невинный предмет его ненависти, он мог решиться на все. Что мне было делать? Как подать ей помощь? Как освободить из рук злодея? Оставалось одно средство: я решился тот же час отправиться в Оренбург, дабы торопить освобождение Белогорской крепости и по возможности тому содействовать. Я простился с священником и с Акулиной Памфиловной, с жаром поручая ей ту, которую почитал уже своею женою. Я взял руку бедной девушки и поцеловал ее, орошая слезами. «Прощайте, – говорила мне попадья, провожая меня, – прощайте, Петр Андреич. Авось увидимся в лучшее время. Не забывайте нас и пишите к нам почаще. Бедная Марья Ивановна, кроме вас, не имеет теперь ни утешения, ни покровителя».

Вышед на площадь, я остановился на минуту, взглянул на виселицу, поклонился ей, вышел из крепости и пошел по Оренбургской дороге, сопровождаемый Савельичем, который от меня не отставал.

Я шел, занятый своими размышлениями, как вдруг услышал за собою конский топот. Оглянулся; вижу: из крепости скачет казак, держа башкирскую лошадь в поводья и делая издали мне знаки. Я остановился и вскоре узнал нашего урядника. Он, подскакав, слез с своей лошади и сказал, отдавая мне поводья другой: «Ваше благородие! Отец наш вам жалует лошадь и шубу с своего плеча (к седлу привязан был овчинный тулуп). Да еще, – примолвил, запинаясь, урядник, – жалует он вам… полтину

денег… да я растерял ее дорогою; простите великодушно». Савельич посмотрел на него косо и проворчал: «Растерял дорогою! А что же у тебя побрякивает за пазухой? Бессовестный!» – «Что у меня за пазухой-то побрякивает? – возразил урядник, нимало не смутясь. – Бог с тобою, старинушка! Это бренчит уздечка, а не полтина». – «Добро, – сказал я, прерывая спор. – Благодари от меня того, кто тебя прислал; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратном пути и возьми себе на водку». – «Очень благодарен, ваше благородие, – отвечал он, поворачивая свою лошадь, – вечно за вас буду Бога молить». При сих словах он поскакал назад, держась одной рукою за пазуху, и через минуту скрылся из виду.

Я надел тулуп и сел верхом, посадив за собою Савельича. «Вот видишь ли, сударь, – сказал старик, – что я недаром подал мошеннику челобитье: вору-то стало совестно, хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они, мошенники, у нас украли, и того, что ты ему сам изволил пожаловать; да все же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок». <…>

Вопросы и задания к главе IX

▸**1.** Почему глава названа «Разлука»?

2. Опишите выезд Пугачева из Белогорской крепости.

▸▸▸**1.** Как пытался Савельич отстоять барское добро? Объясните поведение преданного слуги. Какие эпизоды дополняют эту сценку?

2. Сравните отъезд Гринева из крепости с торжественным выездом Пугачева.

Вопросы и задания к главе X

▸**1.** Опишите военный совет в Оренбурге. Напомним, что «между ими, кроме самого генерала, не было ни одного военного человека».

2. Опишите осаду Оренбурга. Как были организованы вылазки гарнизона из города?

3. Какое решение принял Гринев, прочитав письмо Маши?

▸▸▸**1.** Как объяснить окончательный выбор между действиями оборонительными и наступательными? Почему был выбран путь оборонительный? Как объяснить, почему определения этих путей в тексте повести набраны курсивом? Какой третий путь был

предложен господином коллежским советником? Почему этот путь не обозначен курсивом?

Вопросы и задания к главе XI

▸**1.** Опишите «дворец» Пугачева.

2. Опишите поездку Гринева с Пугачевым из мятежной Бердской слободы в Белогорскую крепость.

3. Дайте портреты «наперсников самозванца».

4. Перескажите близко к тексту калмыцкую сказку об орле и вороне.

«– Слушай, – сказал Пугачев с каким-то диким вдохновением. – Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-на-все только тридцать три года? – Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать, да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст! – Какова калмыцкая сказка?

– Затейлива, – отвечал я ему. – Но жить убийством и разбоем значит, по мне, клевать мертвечину.

Пугачев посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погрузясь каждый в свои размышления».

Поможет ли точности вашего пересказа понимание «дикого вдохновения» Пугачева и смысла нравоучительной сентенции Гринева?

▸▸▸**1.** Почему «логика старого злодея» Белобородова по поводу Гринева показалась убедительной самому Гриневу, хотя эта логика и предполагала его казнь?

2. Как объяснить, почему спор Белобородова и Хлопуши спас Гринева?

Задание к главе XII

▸▸▸**1.** Подготовьте рассказ о спасении Маши Мироновой из плена.

Вопросы и задания к главе XIII

1. В какой момент получает Зурин приказ об аресте Гринева?

1. Опишите вторую встречу Гринева с Иваном Ивановичем Зуриным. Сопоставьте ее со сценой знакомства Гринева и Зурина. Подумайте, изменились ли герои, как повлияли на них обстоятельства.

2. Как объяснить, что именно в этой главе находим мы знаменитую фразу поэта: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»? В связи с какими впечатлениями произносит эти слова Гринев?

Глава XIV. Суд

Мирская молва -
Морская волна.

Пословица

Я был уверен, что виною всему было самовольное мое отсутствие из Оренбурга. Я легко мог оправдаться: наездничество не только никогда не было запрещено, но еще всеми силами было ободряемо. Я мог быть обвинен в излишней запальчивости, а не в ослушании. Но приятельские сношения мои с Пугачевым могли быть доказаны множеством свидетелей и должны были казаться по крайней мере весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлял я о допросах, меня ожидающих, обдумывал свои ответы и решился перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надежным.

Я приехал в Казань, опустошенную и погорелую. По улицам, наместо домов, лежали груды углей и торчали закоптелые стены без крыш и окон. Таков был след, оставленный Пугачевым! Меня привезли в крепость, уцелевшую посереди сгоревшего города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Он велел кликнуть кузнеца. Надели мне на ноги цепь и заковали ее наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и темной конурке, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решеткою.

Таковое начало не предвещало мне ничего доброго. Однако ж я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, излиянной из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не

заботясь о том, что со мною будет.

На другой день тюремный сторож меня разбудил с объявлением, что меня требуют в комиссию. Два солдата повели меня через двор в комендантский дом, остановились в передней и впустили одного во внутренние комнаты.

Я вошел в залу довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагою, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Меня спросили о моем имени и звании. Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринева? И на ответ мой возразил сурово: «Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!» Я спокойно отвечал, что каковы бы ни были обвинения, тяготеющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердечным объяснением истины. Уверенность моя ему не понравилась. «Ты, брат, востер, – сказал он мне нахмурясь, – но видали мы и не таких!»

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошел я в службу к Пугачеву и по каким поручениям был я им употреблен? Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачеву вступать и никаких поручений от него принять не мог.

– Каким же образом, – возразил мой допросчик, – дворянин и офицер один пощажен самозванцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и дворянин дружески пирует с бунтовщиками, принимает от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег? Отчего произошла такая странная дружба и на чем она основана, если не на измене или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?

Я был глубоко оскорблен словами гвардейского офицера и с жаром начал свое оправдание. Я рассказал, как началось мое знакомство с Пугачевым в степи, во время бурана; как при взятии Белогорской крепости он меня узнал и пощадил. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посовестился я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал я противу злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвидетельствовать мое усердие во время бедственной оренбургской осады.

Строгий старик взял со стола открытое письмо и стал читать его вслух:

– «На запрос вашего превосходительства касательно

прапорщика Гринева, якобы замешанного в нынешнем смятении и вошедшего в сношения с злодеем, службою недозволенные и долгу присяги противные, объяснить имею честь: оный прапорщик Гринев находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился и с той поры уже в команду мою не являлся. А слышно от перебежчиков, что он был у Пугачева в слободе и с ним вместе ездил в Белогорскую крепость, в коей прежде находился он на службе; что касается до его поведения, то я могу…» Тут он прервал свое чтение и сказал мне сурово: «Что ты теперь скажешь себе в оправдание?»

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и все прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если назову ее, то комиссия потребует ее к ответу; и мысль впутать имя ее между гнусными изветами злодеев и ее самую привести на очную с ними ставку – эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть *вчерашнего злодея*. Я с живостию обратился к дверям, ожидая появления своего обвинителя. Через несколько минут загремели цепи, двери отворились, и вошел – Швабрин. Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно черные как смоль, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я отряжен был от Пугачева в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всем, что делалось в городе; что наконец явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца. Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его с презрением; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, – как бы то ни было, имя дочери белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии. Я утвердился еще более в моем намерении, и когда судьи спросили: чем могу опровергнуть показания Швабрина, я отвечал, что держусь первого своего

объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свидетелем всему, о чем остается мне уведомить читателя; но я так часто слыхал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал.

Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать Божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренно привязались, потому что нельзя было ее узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшке пустою блажью; а матушка только того и желала, чтоб ее Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моем аресте поразил все мое семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моем с Пугачевым, что оно не только не беспокоило их, но еще заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачева и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностию и осторожностию.

Прошло несколько недель… Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Б**. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного приступа, он объявлял ему, что подозрения насчет участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастию, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решилась помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдаленный край Сибири на вечное поселение.

Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. «Как! – повторял он,

выходя из себя. – Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не казнь страшна: пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущевым[87].

Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!..» Испуганная его отчаянием матушка не смела при нем плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о неверности молвы, о шаткости людского мнения. Отец мой был неутешен.

Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она догадывалась об истине и почитала себя виновницею моего несчастия. Она скрывала от всех свои слезы и страдания и между тем непрестанно думала о средствах, как бы меня спасти.

Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевертывая листы Придворного календаря; но мысли его были далеко, и чтение не производило над ним обыкновенного своего действия. Он насвистывал старинный марш. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слезы изредка капали на ее работу. Вдруг Марья Ивановна, тут же сидевшая за работой, объявила, что необходимость ее заставляет ехать в Петербург и что она просит дать ей способ отправиться. Матушка очень огорчилась. «Зачем тебе в Петербург? – сказала она. – Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты нас покинуть?» Марья Ивановна отвечала, что вся будущая судьба ее зависит от этого путешествия, что она едет искать покровительства и помощи у сильных людей, как дочь человека, пострадавшего за свою верность.

Отец мой потупил голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступление сына, было ему тягостно и казалось колким упреком. «Поезжай, матушка! – сказал он ей со вздохом. – Мы твоему счастию помехи сделать не хотим. Дай Бог тебе в женихи доброго человека, не ошельмованного изменника». Он встал и вышел из комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наедине с матушкою, отчасти объяснила ей свои предположения. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучном конце замышленного дела. Марью Ивановну снарядили, и через несколько дней она отправилась в дорогу с верной Палашей и с верным Савельичем, который, насильственно разлученный со мною, утешался по крайней мере мыслию, что служит нареченной моей невесте.

Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию и, узнав на почтовом дворе, что Двор находился в то время в Царском Селе,

решилась тут остановиться. Ей отвели уголок за перегородкой. Жена смотрителя тотчас с нею разговорилась, объявила, что она племянница придворного истопника, и посвятила ее во все таинства придворной жизни. Она рассказала, в котором часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофей, прогуливалась; какие вельможи находились в то время при ней; что изволила она вчерашний день говорить у себя за столом, кого принимала вечером, – словом, разговор Анны Власьевны стоил нескольких страниц исторических записок и был бы драгоценен для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманием. Они пошли в сад. Анна Власьевна рассказала историю каждой аллеи и каждого мостика, и, нагулявшись, они возвратились на станцию очень довольные друг другом.

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на нее смотрела; а Марья Ивановна, со своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть ее с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая перервала молчание.

– Вы, верно, не здешние? – сказала она.

– Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.

– Вы приехали с вашими родными?

– Никак нет-с. Я приехала одна.

– Одна! Но вы так еще молоды.

– У меня нет ни отца, ни матери.

– Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?

– Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

– Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

– Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

– Позвольте спросить, кто вы таковы?

– Я дочь капитана Миронова.

– Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?

– Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, – сказала она голосом еще более ласковым, – если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чем состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительнице, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг лицо ее переменилось, – и Марья Ивановна, следовавшая глазами за всеми ее движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

– Вы просите за Гринева? – сказала дама с холодным видом. – Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй.

– Ах, неправда! – вскрикнула Марья Ивановна.

– Как неправда! – возразила дама, вся вспыхнув.

– Неправда, ей-богу неправда! Я знаю все, я все вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня. – Тут она с жаром рассказала все, что уже известно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманием. «Где вы остановились?» – спросила она потом; и, услыша, что у Анны Власьевны, примолвила с улыбкою: «А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо».

С этим словом она встала и вошла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды. Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ее словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар и за чашкою чая только было принялась за бесконечные рассказы о дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца, и камер-лакей вошел с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, Господи! – закричала она. – Государыня требует вас ко двору. Как

же это она про вас узнала? Да как же вы, матушка, представитесь к императрице? Вы, я чай, и ступить по-придворному не умеете… Не проводить ли мне вас? Все-таки я вас хоть в чем-нибудь да могу предостеречь. И как же вам ехать в дорожном платье? Не послать ли к повивальной бабушке за ее желтым роброном[88]?»

Камер-лакей объявил, что государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна и в том, в чем ее застанут. Делать было нечего: Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец, сопровождаемая советами и благословениями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала решение нашей судьбы; сердце ее сильно билось и замирало. Чрез несколько минут карета остановилась у дворца. Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. Двери перед нею отворились настежь. Она прошла длинный ряд пустых великолепных комнат; камер-лакей указывал дорогу. Наконец, подошед к запертым дверям, он объявил, что сейчас об ней доложит, и оставил ее одну.

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так устрашала ее, что она с трудом могла держаться на ногах. Через минуту двери отворились, и она вошла в уборную государыни.

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала ее и сказала с улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вам свое слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свекру».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла ее и поцеловала. Государыня разговорилась с нею. «Знаю, что вы не богаты, – сказала она, – но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние».

Обласкав бедную сироту, государыня ее отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете. Анна Власьевна, нетерпеливо ожидавшая ее возвращения, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьевна хотя и была недовольна ее беспамятством, но приписала оное провинциальной застенчивости и извинила великодушно. В тот же день Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню…

* * *

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева. Из семейственных преданий известно, что он был освобожден от заключения в конце 1774 года, по именному повелению; что он присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Петр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать ее особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Издатель

Вопросы и задания к главе XIV

1. Какова причина ареста Петра Гринева?

2. Опишите последнюю встречу Гринева со Швабриным. Именно на этом описании завершается рассказ Петра Гринева. Как вы это объясните?

1. «Я не был свидетелем всему, о чем остается мне уведомить читателя…» Расскажите кратко об этих событиях.

2. Изложите содержание строк от издателя, которые также входят в главу XIV.

Вопросы и задания ко всему тексту повести

1. Объясните причины, по которым повесть получила свое название.

2. Перескажите кратко события экспозиции повести.

3. Охарактеризуйте наиболее напряженные моменты повести. В какой сюжетной линии больше таких острых моментов?

4. Какие приметы исторической повести видите вы в композиции этого произведения?

5. Объясните смысл эпиграфа к любой из глав повести.

⏩**1.** В какой из глав, как вам показалось при чтении, звучит более всего пословиц и поговорок? Проанализируйте их роль.

2. Как вы понимаете слово «самозванец»? Почему предводитель народного восстания выдавал себя за царя Петра III? Есть ли на этот вопрос ответ в повести?

3. Оцените исторический анекдот, который В. И. Даль рассказал Пушкину: «…Пугач, ворвавшись в Берды, где испуганный народ собрался в церкви и на паперти, вошел также в церковь. Народ расступился в страхе, кланялся, падал ниц. Приняв важный вид, Пугач прошел прямо в алтарь, сел на церковный престол и сказал вслух: „Как я давно не сидел на престоле!“ В мужицком невежестве своем он воображал, что престол церковный есть царское седалище». Пушкин не включил этот эпизод в повесть. Есть ли в ней другие эпизоды, которые показывают, что перед нами простой и даже неграмотный казак?

4. Какую роль в повести играет пейзаж? Заметили ли вы такое описание картин природы, которое не связано с развитием сюжета? Почему таких описаний нет? Как вы это объясните?

⏩⏩**1.** Какое из портретных описаний героев повести вам запомнилось? Попробуйте создать словесный портрет.

2. Попробуйте создать два портрета-миниатюры Пугачева. Один – глазами Гринева, а другой – глазами Савельича.

3. Подготовьте сообщение о том, как изобразил Пушкин Пугачева – руководителя народного восстания. Удалось ли ему показать, какие особенности этой необычной личности способствовали длительному успеху повстанцев?

4. Создайте краткое описание внешности одного из героев повести.

5. В романе приводится текст народной разбойничьей песни «Не шуми, мати зеленая дубровушка…». Сравните это произведение с исторической песней «Правеж» и подумайте, что общего и в чем разница в описании «суда царя над разбойником».

Герои исторической повести

Емельян Пугачев. Емельян Пугачев – руководитель народного восстания, он же самозванец, выступавший под именем Петра III. На страницах «Капитанской дочки» мы видим не только исторического деятеля, но обычного человека, которому свойственны достоинства и недостатки, ошибки и заблуждения.

Автор знакомит читателя с Пугачевым в главе II.

Наблюдения за поведением Пугачева, описание его внешности дают интересный материал для оценки этого человека. Его динамизм, быстрота и активность реакции на окружающее, находчивость и смелость, умение общаться с людьми, способность приноровиться к обстоятельствам очевидны уже при первой встрече.

Когда же «вожатый» предстает перед рассказчиком как руководитель восстания? «В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооруженных копьями и сайдаками. Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане с обнаженной саблею в руке: это был сам Пугачев». Гринев пока, конечно, не мог на таком расстоянии узнать своего «вожатого». Узнавание приходит чуть позже: «Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо».

Понимание роли Пугачева в событиях, происходящих в Белогорской крепости, определил капитан Иван Кузмич Миронов, который осмелился сказать: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец…» Однако «вор и самозванец» проявил и иные качества: не казнил Петрушу. Читателю сразу становится ясно почему, и он ценит способность Пугачева помнить добро.

Что же узнает читатель о Пугачеве как человеке и как руководителе восстания? Он – отважный казак. И он же – неграмотный человек, с цепким и изобретательным умом, который проявляется в его поступках и решениях (и в хороших, и в плохих). Пугачев хочет воли и власти. «Улица моя тесна, воли

мне мало!» – утверждает Пугачев. И для него это главное. Кровь, которая льется рекой, ему не страшна. Именно поэтому понять друг друга они с Гриневым не могут. Для Пугачева возможность хоть немного пожить по своей воле – предел желаний. Для Гринева – безбедное существование за счет грабежа и убийств кажется отвратительным и вызывает отторжение.

Сподвижники Пугачева. Пугачев – организатор и руководитель восстания. Естественно, что рядом с ним – его сподвижники и помощники. Обратимся к главе XI «Мятежная слобода»: «Пугачев сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия».

Наиболее подробно даны портреты двух ближайших соратников Пугачева: «Я взглянул наискось на наперсников самозванца. Один из них, щедушный и сгорбленный старичок с седою бородкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой через плечо по серому армяку. Но ввек не забуду его товарища. Он был высокого росту, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому широкому лицу выражение неизъяснимое. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в казацких шароварах. Первый (как узнал я после) был беглый капрал Белобородов; второй – Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей), ссыльный преступник, три раза бежавший из сибирских рудников».

В ссоре, которая произошла между Белобородовым и Хлопушей, ярко проявились их характеры.

«– Полно, Наумыч, – сказал он (Хлопуша. – *Авт.*) ему. – Тебе бы все душить да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чем душа держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести?

– Да ты-то что за угодник? – возразил Белобородов. – У тебя-то откуда жалость взялась?

– Конечно, – отвечал Хлопуша, – и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костлявый кулак и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутье да в темном лесу, не дома, сидя за печью; кистенем и обухом, а не бабьим наговором.

Старик отворотился и проворчал слова: „рваные ноздри!“…»

Об этих двух героях не так много сказано в повести, но авторское описание так ярко и психологически убедительно, что можно говорить о достаточно полных характеристиках.

Петр Гринев. Обращаясь к образу Гринева, мы видим перед собой не только главного героя повествования, но и рассказчика событий. Обычно рассказ о Петруше распадается на две неравные части: в первой – перед нами недоросль, главная забота которого – доступные возрасту развлечения; во второй – молодой человек, полностью осознавший свою ответственность и как офицер, и как защитник своей невесты. Кроме того, он – рассказчик, которому доверено повествование.

Какое главное качество характера Гринева можно выделить? Наверное, надежность. С ним связано и чувство долга, и точное осознание своих обязанностей. Однако в характере Гринева остается не так уж мало признаков легкомысленной юности: он часто стремительно и без раздумья принимает решения, совершает рискованные поступки.

Почему Гринев попадает под суд? Арест вызвали прежде всего доносы коварного Швабрина, который очень хочет погубить удачливого соперника. Но к причинам ареста нужно отнести и опрометчивые поступки Гринева, которые он совершал. Обратим внимание на нежелание Гринева объяснять причины своих поездок в стан врага. Они, действительно, выглядели очень подозрительно, а рассказать обо всех обстоятельствах он не мог: ведь его откровенность могла нанести вред Маше. Такое поведение всегда и везде считается благородным.

Добавим к очерку характера Петра Гринева немного наблюдений о том, как он ведет повествование. Ему принадлежат наиболее ответственные суждения в повести и в том числе фраза, которая стала трагическим афоризмом: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» Отметим также, что эпиграф повести – народная пословица «Береги честь смолоду» полностью воплотилась в судьбе героя и повествователя.

Маша Миронова. Сколько бы раз на страницах повести ни появлялась героиня, даже в самые трагические минуты ее сопровождают предметы, обстоятельства, которые убеждают, что она принадлежит к патриархальной среде. Маша, как и Гринев, всегда верна долгу, чести, взятым обязательствам, постоянна в своих привязанностях и симпатиях, неизменно чистосердечна и благородна.

Натура цельная и надежная, она внушает читателю веру в человека вообще, поскольку каждому ясно, что перед ним самая простая и обыкновенная девушка, нравственное совершенство которой доступно каждому. Ясно, что эпиграф повести имеет прямое отношение и к главной героине.

Маша совершила решительный поступок. Она отказала

Швабрину, который просил ее руки, и не изменила своего решения позже, когда была в заточении и полностью находилась в его власти. Напомним, что именно Маша добилась решения судьбы своего жениха, обвиненного в измене.

Историческая повесть и исторический труд

Историческая повесть – жанр художественной литературы. На ее страницах ушедший мир предстает в живых и увлекательных художественных образах. **Исторический труд** – научное исследование. Его главное достоинство – документальная точность, логическая четкость и доказательность. На примере творчества Пушкина мы попытаемся понять особенности художественного произведения на историческую тему и научного труда. Работая над созданием исторической повести «Капитанская дочка», Пушкин пишет «Историю Пугачева». В «Архивных тетрадях» писателя есть специальные таблицы, которые показывают, насколько активно и щедро накапливал автор исторический материал, как экономно он его включал в свой исторический труд, как вдохновенно и психологически точно использовал то одну, то другую деталь в самых различных сценах повести. Из десятков зафиксированных документов Пушкин использовал единицы, которые и отмечал в этих таблицах. Материалы, которыми он пользовался, очень обширны. Даже те извлечения, которые сделаны из них, заняли в полном издании «Истории Пугачева» целый том. Чтобы получить представление о характере работы писателя с документами, внимательно прочтите описание внешности Пугачева в материалах Военной коллегии, «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке».

Материалы Военной коллегии	«История Пугачева»	«Капитанская дочка»
По объявлению жены его Софьи Дмитриевой: «...от роду будет лет сорок, лицом сухощав, во рту верхнего спереди зуба нет, который он выбил саласками (здесь: удар в челюсть. — Авт.), еще в малолетстве в игре, а от того времени и доныне не вырастает. На левом виску от болезни круглый белый признак... величиною с двухкопеечник. На лице имеет желтые ко-нопатины; сам собою смугловат, волосы на голове темно-русые по-казацки по-	Глава II «Незнакомец был росту среднего, широкоплеч и худощав. Черная борода его начинала седеть». Глава IV «Он был сорока лет от роду, росту среднего, смугл и худощав; волосы имел темно-русые, бороду черную, небольшую и клином. Верхний зуб был вышиблен еще в ребячестве, в кулачном бою. На левом виску имел он белое пятно, а на обеих грудях знаки, оставшиеся после болезни, называемой черной немочью».	Глава II «Я взглянул на полати и увидел черную бороду и два сверкающие глаза... мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательна: он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок...» Глава VII «...На белом коне ехал человек в красном кафтане с обнаженной саблею в руке: это был сам Пугачев.

Окончание табл.

Материалы Военной коллегии	«История Пугачева»	«Капитанская дочка»
стригал, росту среднего, борода была клином черная, небольшая».		...Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза». Глава VIII «Пугачев на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая черную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъявляли ничего свирепого». Глава XI «Пугачев сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась... Глаза у Пугачева засверкали... Лицо самозванца изобразило довольное самолюбие».

Сравнение портретов в архивных документах, историческом труде и «Капитанской дочке» дает возможность увидеть разницу между научным и художественным произведениями. Она проявляется в характере использования подлинных исторических свидетельств, в особенности оформления материала, в

стилистической манере подачи текста.

Историк стремится преподнести факты так, как они зафиксированы в документах: по возможности строго и беспристрастно. Писатель в исторической повести рисует яркую картину прошлого. Автор создает сюжет художественного произведения, который вводит читателя в гущу событий, знакомит его с героями, обстановкой, природой тех лет. Перед читателем предстают события живой жизни, образы яркие и достоверные – история оживает благодаря мастеру художественного слова. Мир логики и мир эмоций не отделены друг от друга непроницаемой стеной, но отличие исторического труда «История Пугачева» от исторической повести «Капитанская дочка» очевидно.

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)

События русской истории, идеи, рожденные в ее недрах, борьба за их осуществление, быт и нравы, а также образы далеких и не столь далеких предков вызывали глубокий интерес Михаила Юрьевича Лермонтова и постоянно находили отражение на страницах его произведений. Например, известное вам стихотворение «Бородино», поэмы «Олег» (сохранились только варианты начала), «Последний сын вольности», «Литвинка», «Боярин Орша», «Песнь про царя Ивана Васильевича, молодого опричника[89] и удалого купца Калашникова» и другие.

Для поэта-романтика Лермонтова в его интересе к истории преобладали настроения, воплощенные в начале поэмы «Олег».

Ах, было время, время боев
На милой нашей стороне.
Где ж те года? – прошли оне
С мгновенной славою героев.

Но тени сильных я видал
И громкий голос их слыхал:

В часы суровой непогоды,
Когда бушуя плещут воды,

И вихрь, клубя седую пыль,
Волнует по полям ковыль,
Они на темно-сизых тучах
Разнообразною толпой

Летят…

В набросках к этой поэме внимание автора привлекают языческие кумиры прошлого, атрибуты быта и воинской славы, наконец, сам Олег, «владетель русского народа, варяг, боец» и «его рушительный набег почти от Пскова до Онеги».

Материалы древнерусской истории о борьбе Новгорода Великого за вольность против единодержавного правителя, интересовавшие в свое время русских историков и писателей XVIII века, привлекают художественное воображение Лермонтова. Поэма «Последний сын вольности» посвящена Вадиму Новгородскому, который не принял установление в городе единоличной власти князя Рюрика. Рюрик у Лермонтова, в отличие от литературных предшественников, например Княжнина, изображен человеком вероломным: он нарушил клятву и вместе с братьями явился в Новгород с огромным войском и силой поработил славян.

Обманулись вы, сыны славян!
Чей белеет стан под городом?
Завтра, завтра дерзостный варяг
Будет князем Новагорода,
Завтра будете рабами вы!..

Молодой Вадим вызывает Рюрика на единоборство – и погибает, погибает один, потому и называется поэма «Последний сын вольности». По вине Рюрика гибнет и возлюбленная Вадима Леда.

«Погибла! – дева говорит, —
Он вырвал у меня любовь;
Блаженства не найду я вновь…
Проклятье на него! – злодей…
Наш князь!.. мои мольбы, мой стон
Презрительно отвергнул он!..»

Наряду с мотивом борьбы за вольность и свободу в поэме присутствует мотив личной мести, но главным из них является мотив борьбы против тирании, месть за попранную свободу.

Лермонтова увлекает личность Ивана IV. Впервые образ царя Ивана Грозного появляется в поэме «Боярин Орша».

Сильным, независимым характером, могущественным и гневным, обладает боярин Орша. Его образ выписан в древнерусских традициях. Он – патриот и храбрый воин, готовый в любое время защищать родину, не желающий находиться при дворе. Вместе с тем он бескомпромиссен и жесток даже по отношению к собственной дочери, полюбившей безродного разбойника Арсения.

Главной же лермонтовской поэмой, обращенной в историческое прошлое России, в которой одним из центральных образов становится царь Иван Грозный и где автор развивает тему чести и достоинства человека, явилась «Песнь про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова

Лермонтов не изображает в поэме реальные события, он воссоздает характерные для эпохи XVI века яркие, героические характеры, действующие в необычной, обостренной ситуации, в общем-то характерной для тех времен. В такой ситуации, требующей от героя максимального напряжения моральных и физических сил, готовности к решительным действиям, несмотря на явную обреченность и неминуемую гибель, оказались герой Степан Парамонович Калашников и его жена Алена Дмитриевна. Борьба за восстановление чести, достоинства семьи и является основной темой поэмы.

Автор поэмы выражает антидеспотические настроения. Он глубоко осуждает опричника Кирибеевича, который, пользуясь своей приближенностью к царской особе, творит беззаконие, совершая даже то, что не дозволяется властью и христианской моралью:

Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви Божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому…

Мы видим, что такие качества Кирибеевича, как красота, сила, мужество, способность самоотверженно и искренне любить, никому не приносят пользу. Опричник служит причиной несчастий других людей и сам гибнет от руки добивающегося справедливости Калашникова.

Исторически верно передается Лермонтовым восприятие Калашниковым и его семьей нанесенного им бесчестия. Согласно «Домострою»[90], которым руководствовалось большинство семей Древней Руси, действия Кирибеевича не только опозорили замужнюю женщину, но и всю ее семью и мужа как главу и хозяина дома. «Домострой» именно на мужа возлагает ответственность за моральное и материальное благополучие дома, за соблюдение домочадцами законов чести: «Благословляю я, грешник, имярек, и поучаю, и наставляю, и вразумляю сына своего имярек, и его жену, и их детей, и домочадцев: следовать всем христианским законам и жить с чистой совестью и в правде,

с верой творя волю Божию и соблюдая заповеди его, и себя утверждая в страхе Божием, в праведном житии, и жену поучая, также и домочадцев своих наставляя, не насилием, не побоями, не рабством тяжким, а как детей, чтобы были всегда успокоены, сыты и одеты, и в теплом дому, и всегда в порядке…

Да самому тебе, господину, и жене, и детям, и домочадцам – не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, на чужое не посягать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к средним – дружелюбным, к младшим и убогим приветливым и милостивым, всякое дело править без волокиты и особенно не обижать в оплате работников…

Следует мужьям поучать жен своих с любовью и примерным наставлением; жены мужей своих вопрошают о строгом порядке, о том, как душу спасти, Богу и мужу угодить и дом свой хорошо устроить, и во всем покоряться мужу; а что муж накажет, с тем охотно соглашаться и исполнять по его наставлению: и прежде всего иметь страх Божий и пребывать в телесной чистоте…»

С любовью и доверием относится к мужу Алена Дмитриевна. Домогательства Кирибеевича настолько отвратительны ей, что, кажется, даже время, которое она невольно провела в его присутствии, длится мучительно долго. Здесь Лермонтов использует прием ретардации (замедление событий), что усиливает напряженность действия, его драматизм. Этот прием также используется и в описании кулачного боя.

Образ Ивана Грозного исторически верен и обрисован достаточно жестко. Обрекая на казнь Калашникова, он совершает чудовищную несправедливость, идущую от его самодержавной воли. Царь искренне убежден в своей власти не только над жизнью и смертью, но и над душами своих подданных.

Пытаясь быть справедливым, осыпая милостями детей и братьев Калашникова, Грозный говорит о своих милостях с издевкой («Хорошо тебе, детинушка»). Глумление над осужденным звучит в описании предстоящей казни (как известно по историческим материалам, Иван IV очень любил публичные судилища):

«…Я топор велю наточить-навострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью…»

С другой стороны, в характере царя есть и элементы

романтической идеализации: он выступает одновременно и суровым, и милостивым как в начале, так и в третьей части поэмы, и даже дает Кирибеевичу справедливые наставления («Не полюбишься – не прогневайся»).

Итак, в поэме развертывается трагический конфликт между тремя сильными фигурами вокруг темы справедливости и мести за поруганное человеческое достоинство.

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твово любимого опричника
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный лад,
Мы певали ее под гуслярный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного,
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебряном
Полотенце новое, шелком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи
И всё слушали – не наслушались.

I

Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич,
Позади его стоят стольники[91],
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу Божию,
В удовольствие свое и веселие.

Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку грудь —
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На младого голубя сизокрылого, —
Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником —
Да не вздрогнул и тут молодой боец.
Вот промолвил царь слово грозное —
И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?

Когда всходит месяц – звезды радуются,
Что светлей им гулять по поднебесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает…
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушатися;
А из роду ты ведь Скуратовых[92],
И семьею ты вскормлен Малютиной!..»
Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

«Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную – не запотчевать!
А прогневал я тебя – воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову,
Тяготит она плечи богатырские,
И сама к сырой земле она клонится».

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да об чем тебе, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромал, худо кованный?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак[93] мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая;
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.

Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покататися,
Кушаком подтянуся шелковым,
Заломлю набочок шапку бархатную,

Черным соболем отороченную, —
У ворот стоят у тесовыих
Красны девушки да молодушки
И любуются, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядит, не любуется,
Полосатой фатой закрывается…

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно – будто лебедушка;
Смотрит сладко – как голубушка;
Молвит слово – соловей поет;
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе Божием;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою цалуются.
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитревной.

Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно-грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчовые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удальство свое?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?
Отпусти меня в степи приволжские,
На житье на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И разделят по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую
И седельце браное черкасское.
Мои очи слезные коршун выклюет,
Мои кости сирые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..»

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюся.
Вот возьми перстенек ты мой яхонтовый[94]
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышленой покланяйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитревне:
Как полюбишься – празднуй свадебку,
Не полюбишься – не прогневайся».

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви Божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому.

* * *

Ай, ребята, пойте – только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте – дело разумейте!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

II

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да не добрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых церквах;
За Кремлем горит заря туманная;

Набегают тучи на небо, —
Гонит их метелица, распеваючи;
Опустел широкий гостиный двор[95],
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовою
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает, —
И пошел он домой, призадумавшись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.

И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,
А свеча перед образом еле теплится.
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилася
В такой поздний час Алена Дмитревна?
А что детки мои любезные —
Чай, забегались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?»

«Господин ты мой, Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алена Дмитревна;
Вот уж поп прошел с молодой попадьей,
Засветили свечу, сели ужинать, —
А по сю пору твоя хозяюшка
Из приходской церкви не вернулася.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачем плачут, всё не унимаются».

И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу —
А на улице ночь темнехонька;
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Вот он слышит, в сенях дверью хлопнули,
Потом слышит шаги торопливые;

Обернулся, глядит – сила крестная! —
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая[96],
Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шаталася?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежа твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пировала ты,
Чай, с сынками все боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами менялися!..
Как запру я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету Божьего ты не видела,
Мое имя честное не порочила…»

И, услышав то, Алена Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась как листочек осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи – будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинешенька,
И послышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулася – человек бежит.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки
И сказал мне так тихим шепотом:

„Что пужаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной…“
Испугалася я пуще прежнего;
Закружилася моя бедная головушка.
И он стал меня цаловать-ласкать
И, цалуя, все приговаривал:
„Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!“

И ласкал он меня, цаловал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные…
А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показывали…

Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бросилась;
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок, твой подарочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную, —
И что скажут злые соседушки,
И кому на глаза покажусь теперь?

Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка,
А мой старший брат, сам ты ведаешь,

На чужой сторонушке пропал без вести,
А меньшой мой брат – дитя малое,
Дитя малое, неразумное…»

Говорила так Алена Дмитревна,
Горючьми слезами заливалася.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой нам брат,
Что с тобой случилось, приключилося,
Что послал ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»

«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилася:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому.
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до последних сил;
А побьет он меня – выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежéй силою,
На вас меньше грехов накопилося,
Так авось Господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднéбесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,
Когда сизый орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются:
Ты наш старший брат, нам второй отец;
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, родного, не выдадим».

* * *

Ай, ребята, пойте – только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте – дело разумейте!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

III

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Как сходилися, собиралися
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.

И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в двадцать пять сажень,
Для охотницкого[97] бою, одиночного.
И велел тогда царь Иван Васильевич
Клич кликать звонким голосом:
«Ой уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь наградит;
А кто будет побит, тому Бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,

Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бархатную,
Подпершися в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника…
Трижды громкий клич прокликали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небойсь, призадумались!
Так и быть, обещаюсь, для праздника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников.
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрит пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду-племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду[98] служить,
Чтобы было чем и похвастаться».

Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону Господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного…

И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь,
И не позже как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи…
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын, —
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

И, услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло…

Вот молча оба расходятся, —
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.
И, увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные;

Повелел он схватить удалого купца
И привесть его пред лицо свое.

Как возго́ворил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя
Ты убил насмерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»

«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что, про что – не скажу тебе,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить – и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову
Да двух братьев моих своей милостью…»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно.
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-навострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью…»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором навостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,

Удалова бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обниметесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алене Дмитревне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать;
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви Божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная[99]
Во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трех дорог:
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской,
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек – перекрестится,
Пройдет молодец – приосанится,
Пройдет девица – пригорюнится,
А пройдут гусляры – споют песенку.

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали – красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте!

Тороватому боярину слава!

И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому слава!

Вопросы и задания

▸**1.** Почему «Песню про царя Ивана Васильевича…» обычно называют поэмой?

2. Как вы объясните такое длинное и обстоятельное название этого произведения?

3. В заглавии названы три героя. По сюжету же происходит столкновение только двух соперников. Какую роль в этом произведении играет царь Иван Васильевич?

▸▸**1.** Выделите важнейшие события сюжета этого произведения. Найдите завязку, кульминацию и развязку. Есть ли в этой поэме экспозиция и эпилог?

▸▸▸**1.** Как проявилась в поэме связь с фольклором? Выпишите из текста примеры, иллюстрирующие художественные приемы фольклора.

2. Сравните образ Ивана Грозного в исторической песне «Правеж» с тем же образом в поэме Лермонтова. В чем вы видите основные различия этих образов? Подтвердите ответ текстом.

3. Подготовьте чтение наизусть одного из важнейших эпизодов поэмы.

4. Многие художники иллюстрировали поэму. Какие иллюстрации привлекли ваше внимание? Кто из художников, на ваш взгляд, наиболее точно передал атмосферу поэмы?

5. На сюжет «Песни…» написана опера А. Г. Рубинштейна «Купец Калашников». Многие отрывки из поэмы также были положены на музыку. Как вы могли бы объяснить выбор отрывков: «Над Москвой великой…», «Заря над Москвой», «Ох ты гой еси…».

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852)

Тарас Бульба. В сокращении

Историческое прошлое всегда интересовало Николая Васильевича Гоголя. С 1831 года он с увлечением преподавал историю в Патриотическом институте, хотел писать исторические сочинения, даже начал работать над историей Украины и всемирной историей. В письме к историку М. Погодину в 1834

году Гоголь делился своими планами: «Я весь теперь погрузился в историю малороссийскую и всемирную, и та и другая у меня начинает двигаться». В статье «О преподавании всеобщей истории» он писал: «Предмет ее (истории. – *Авт.*) велик: она должна обнять вдруг и в полной картине все человечество – каким образом оно из своего первоначального, бедного младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и, наконец, достигло нынешней эпохи. Показать весь этот великий процесс, который выдержал свободный дух человека кровавыми трудами, борясь от самой колыбели с невежеством, природой и исполинскими препятствиями – вот цель всеобщей истории!»

История в произведениях Гоголя. Создателем исторических сочинений Гоголь не стал. Он воспринимал историю не как исследователь, а как художник, писатель. Его привлекала значительность исторических лиц, размах событий, красочность образов прошлого. Все это нашло воплощение в различных его произведениях, в том числе в героической повести «Тарас Бульба», рассказывающей о борьбе украинского народа за свою независимость. Материалы, относящиеся к истории запорожского казачества, которые Гоголь собрал, изучая историю Украины, были использованы им в его работе.

Впервые повесть была опубликована в 1835 году в составе сборника «Миргород». Сборник состоял из двух частей и был достаточно разнообразен по своему составу: писатель старался показать различные стороны российской действительности. В отличие от других произведений сборника, повесть «Тарас Бульба» переносит читателя в иную жизнь, противопоставляя серой и скучной жизни обывателей провинциальных городов героические порывы и действия людей, борющихся за свою независимость.

Интерес к украинской исторической тематике возник и воплотился еще в раннем цикле повестей писателя «Вечера на хуторе близ Диканьки», в центре которых находилось изображение украинской народной жизни и народных характеров. В «Вечерах…» намечены темы, которые позже получат развитие в «Тарасе Бульбе»: поэтическое изображение народной жизни, мечта о справедливом общественном устройстве, тема героической освободительной борьбы с недругами украинского народа, тема вольности, свободы. Народ является подлинным героем повестей Гоголя, выступает носителем высоких и благородных человеческих стремлений.

Внимание автора привлекает казачество, которое он не отделял от всего украинского народа. «Тарас Бульба» продолжает романтическую традицию первого сборника писателя. В этой

повести еще сильнее раскрывается удаль и размах народной жизни.

Сюжет повести. События, изображенные в «Тарасе Бульбе», относятся к далекому прошлому (XVI–XVII векам), эпохе подъема освободительного движения на Украине. Это было время, когда украинский народ мог потерять свою независимость и оказаться под гнетом шляхетской Польши. Польское дворянство захватывало украинские земли, подчиняя себе украинский народ. Социальное и политическое порабощение соединялось с гнетом национальным, с преследованием украинской культуры. На возрастающее угнетение народ ответил борьбой.

Запорожская Сечь в повести является воплощением свободолюбивого духа украинского народа, протеста против национального гнета. Эта своеобразная военная республика была создана за днепровскими порогами, куда, спасаясь от крепостников-помещиков, бежали крестьяне, становясь вольными людьми. Запорожские казаки боролись с польскими панами, которые хозяйничали на украинских землях, с турками, захватывающими в плен людей и потом продающими их в рабство, с татарскими полчищами. Защита национальной независимости нередко принимала также форму борьбы за православную веру, против католичества, которое несли польские завоеватели.

В своей повести Гоголь показал яркие, сильные, выразительные характеры, воплощающие национальные черты. Писатель не стремился описать конкретные исторические личности и их жизнь, он создал обобщенный образ народных героев освободительного движения на Украине. Выразителями патриотических чувств украинского народа, героического начала в повести являются Тарас Бульба, Остап и другие запорожцы – вольные и гордые люди, которых объединяет любовь к родной земле, чувство братства, товарищества, верность долгу, общему делу. Преданность родине, готовность отдать за нее свою жизнь, способность стать выше своих личных интересов отличает героев повествования.

Сюжет повести построен так, чтобы выразить основную идею народно-героической эпопеи – идею служения родине. Не успевших вернуться домой после учебы сыновей отец везет в Сечь для воинских испытаний.

В героический сюжет борьбы казаков со своими врагами Гоголь вводит любовную линию, чтобы ярче подчеркнуть главную идею повести. Ради красавицы-полячки младший сын Тараса Андрий изменил товарищам, своей отчизне. В кульминационный момент повести Тарас карает отступника. Вскоре попадает в плен

старший сын Остап, и отец, рискуя жизнью, приходит в стан врагов, чтобы поддержать его. В финале повести погибает и сам Тарас.

Пейзаж в повести. События и люди в повести изображены на фоне ярких и красочных картин украинской природы. С замечательным мастерством рисует писатель украинскую степь, богатство ее красок, помогает читателю услышать ее звуки, почувствовать ее красоту; создает величественный образ Днепра.

Все повествование проникнуто лиризмом: текст насыщен лирическими отступлениями[100], лирическую окраску приобретают описания событий. Поэтический язык эпопеи отмечен патетикой, взволнованностью, яркой изобразительностью.

I

– А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники[101]? И эдак все ходят в академии? – Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе[102] и приехавших домой к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, еще смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого еще не касалась бритва. Они были очень смущены таким приемом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

– Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько, – продолжал он, поворачивая их, – какие же длинные на вас свитки[103]! Экие свитки! Таких свиток еще и на свете не было. А побеги который-нибудь из вас! Я посмотрю, не шлепнется ли он на землю, запутавшися в полы.

– Не смейся, не смейся, батьку! – сказал наконец старший из них.

– Смотри ты, какой пышный[104]! А отчего ж бы не смеяться?

– Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!

– Ах ты, сякой-такой сын! Как, батька?.. – сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

– Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

– Как же хочешь со мною биться? разве на кулаки?

– Да уж на чем бы то ни было.

– Ну, давай на кулаки! – говорил Тарас Бульба, засучив рукава, – посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали насаживать друг другу тумаки и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

– Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума! – говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая еще обнять ненаглядных детей своих. – Дети приехали домой, больше году их не видали, а он задумал невесть что: на кулаки биться!

– Да он славно бьется! – говорил Бульба, остановившись. – Ей-богу, хорошо! – продолжал он, немного оправляясь, – так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет козак! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся! – И отец с сыном стали целоваться. – Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил; никому не

спускай! А все-таки на тебе смешное убранство: что за веревка висит? А ты, бейбас[105], что стоишь и руки опустил? – говорил он, обращаясь к младшему, – что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

– Вот еще что выдумал! – говорила мать, обнимавшая между тем младшего. – И придет же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати с лишком лет и ровно в сажень ростом), ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!

– Э, да ты мазунчик[106], как я вижу! – говорил Бульба. – Не слушай, сынку, матери: она – баба, она ничего не знает. Какая вам нежба[107]? Ваша нежба – чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю? вот ваша матерь! Это все дрянь, чем набивают головы ваши; и академия, и все те книжки, буквари, и философия – все это *ка зна що*[108], я плевать на все это! – Здесь Бульба пригнал в строку такое слово, которое даже не употребляется в печати. – А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука так наука! Там вам школа; там только наберетесь разуму.

– И всего только одну неделю быть им дома? – говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха мать. – И погулять им, бедным, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!

– Полно, полно выть, старуха! Козак не на то, чтобы возиться с бабами. Ты бы спрятала их обоих себе под юбку, да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол все, что есть. Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков[109]; тащи нам всего барана, козу давай, меды сорокалетние! Да горелки побольше, не с выдумками горелки, не с изюмом и всякими вытребеньками[110], а чистой, пенной горелки, чтобы играла и шипела, как бешеная.

Бульба повел сыновей своих в светлицу, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы в червонных монистах, прибиравшие комнаты. Они, как видно, испугались приезда паничей, не любивших спускать никому, или же просто хотели соблюсти свой женский обычай: вскрикнуть и броситься опрометью, увидевши мужчину, и потом долго закрываться от сильного стыда рукавом. Светлица была убрана во вкусе того времени, о котором живые намеки остались только в песнях да в народных думах, уже не поющихся более на Украйне бородатыми старцами-слепцами в сопровождении тихого треньканья бандуры[111], в виду обступившего народа; во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться

схватки и битвы на Украйне за унию[112].

Все было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах – сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми тусклыми стеклами, какие встречаются ныне только в старинных церквах, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв надвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы. На полках по углам стояли кувшины, бутыли и фляжки зеленого и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецейской[113], турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями, через третьи и четвертые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена. Берестовые скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в парадном углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными пестрыми изразцами, – все это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время; приходившим потому, что у них не было еще коней, и потому, что не в обычае было позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий козак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников[114] и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул[115] Дмитро Товкач, старый его товарищ, он им тот же час представил сыновей, говоря: «Вот, смотрите, какие молодцы! На Сечь их скоро пошлю». Гости поздравили и Бульбу, и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

– Ну ж, паны-браты, садись всякий, где кому лучше, за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки! – так говорил Бульба. – Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же Боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурменов[116] били, и турков били, и татарву били бы; когда и ляхи[117] начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били! Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю: Гораций[118], что ли?

«Вишь, какой батько! – подумал про себя старший сын, Остап, – все старый, собака, знает, а еще и прикидывается».

– Я думаю, архимандрит[119] не давал вам и понюхать горелки, – продолжал Тарас. – А признайтесь, сынки, крепко стегали вас березовым и свежим вишняком по спине и по всему, что ни есть у козака? А может, так как вы сделались уже слишком разумные, так, может, и плетюганами[120] пороли? Чай, не только по субботам, а доставалось и в середу, и в четверги?

– Нечего, батько, вспоминать, что было, – отвечал хладнокровно Остап, – что было, то прошло!

– Пусть теперь попробует! – сказал Андрий. – Пускай только теперь кто-нибудь зацепит. Вот пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь козацкая сабля!

– Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать? Чтоб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, поеду! – И старый Бульба мало-помалу горячился, горячился, наконец рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. – Завтра же едем! Зачем откладывать! Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам все это? На что эти горшки? – Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки.

Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но, услыша о таком страшном для нее решении, она не могла удержаться от слез; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, – и никто бы не мог описать всей безмолвной силы ее горести, которая, казалось, трепетала в глазах ее и в судорожно сжатых губах.

Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древле мирный славянский дух и завелось козачество – широкая, разгульная замашка русской природы, – и когда все поречья, перевозы, прибрежные пологие и удобные места усеялись козаками, которым и счету никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему

знать о числе их: «Кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что байрак, то козак» (что маленький пригорок, там уж и козак). Это было, точно, необыкновенное явленье русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед. Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей возникли грозные селения, курени[121] и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников. Уже известно всем из истории, как их вечная борьба и беспокойная жизнь спасли Европу от неукротимых набегов, грозивших ее опрокинуть. Короли польские, очутившиеся, наместо удельных князей, властителями сих пространных земель, хотя отдаленными и слабыми, поняли значенье козаков и выгоды таковой бранной сторожевой жизни. Они поощряли их и льстили сему расположению. Под их отдаленною властью гетьманы[122], избранные из среды самих же козаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округи. Это не было строевое собранное войско, его бы никто не увидал; но в случае войны и общего движенья в восемь дней, не больше, всякий являлся на коне, во всем своем вооружении, получа один только червонец платы от короля, и в две недели набиралось такое войско, какого бы не в силах были набрать никакие рекрутские наборы. Кончился поход – воин уходил в луга и пашни, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный козак. Современные иноземцы дивились тогда справедливо необыкновенным способностям его. Не было ремесла, которого бы не знал козак: накурить вина[123], снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, гулять напропалую, пить и бражничать, как только может один русский, – все это было ему по плечу. Кроме рейстровых[124] козаков, считавших обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, в случае большой потребности, набрать целые толпы охочекомонных[125]: стоило только есаулам пройти по рынкам и площадям всех сел и местечек и прокричать во весь голос, ставши на телегу: «Эй вы, пивники, броварники! [126] полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосеи, овцепасы, баболюбы! полно вам за плугом ходить, да пачкать в земле свои желтые чеботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую! Пора доставать козацкой славы!»

И слова эти были как искры, падавшие на сухое дерево. Пахарь ломал свой плуг, бровари и пивовары кидали свои кади и разбивали бочки, ремесленник и торгаш посылал к черту и

ремесло и лавку, бил горшки в доме. И все, что ни было, садилось на коня. Словом, русский характер получил здесь могучий, широкий размах, дюжую наружность. Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги[127] и отличался грубой прямотой своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже сказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Вечно неугомонный, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в села, где только жаловались на притеснения арендаторов[128] и на прибавку новых пошлин с дыма[129]. Сам с своими козаками производил над ними расправу и положил себе правилом, что в трех случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда комиссары[130] не уважили в чем старшин и стояли пред ними в шапках, когда поглумились над православием и не почтили предковского закона и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства. Теперь он тешил себя заранее мыслью, как он явится с двумя сыновьями своими на Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцев привел к вам!»; как представит их всем старым, закаленным в битвах товарищам; как поглядит на первые подвиги их в ратной науке и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел было отправить их одних. Но при виде их свежести, рослости, могучей телесной красоты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, наведывался и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и навеселе и в голове его еще бродил хмель, однако ж не забыл ничего. Даже отдал приказ напоить коней и всыпать им в ясли крупной и лучшей пшеницы и пришел усталый от своих забот.

– Ну дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что Бог даст. Да не стели нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.

Ночь еще только что обняла небо, но Бульба всегда ложился

рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор; все, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей.

Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчесывала гребнем их молодые, небрежно всклокоченные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственною грудью, она возрастила, взлелеяла их – и только на один миг видит их перед собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждет вас?» – говорила она, и слезы остановились в морщинах, изменивших ее когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, и уже суровый прельститель ее покидал для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуху. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь ее была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безженных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. Молодость без наслаждения мелькнула перед нею, и ее прекрасные свежие щеки и перси[131] без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, все чувства, все, что есть нежного и страстного в женщине, все обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Ее сыновей, ее милых сыновей берут от нее, берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто знает, может быть, при первой битве татарин срубит им головы и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюет хищная подорожная птица; а за каждую каплю крови их она отдала бы себя всю. Рыдая, глядела она им в очи, когда всемогущий сон начинал уже смыкать их, и думала: «Авось либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд; может быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил».

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она все сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них

глаз и не думала о сне. Уже кони, чуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-помалу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренне желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребенка; красные полосы ясно сверкнули на небе.

Бульба вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил все, что приказывал вчера.

– Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напоите коней! А где стара́? (Так он обыкновенно называл жену свою.) Живее, стара, готовь нам есть: путь лежит великий!

Бедная старушка, лишенная последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем как она со слезами готовила все, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убранства. Бурсаки вдруг преобразились: на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные[132] красные, с серебряными подковами; шаровары шириною в Черное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись золотым очкуром[133]; к очкуру прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками, для трубки. Казакин[134] алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам. Их лица, еще мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели; молодые черные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под черными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать как увидела их, и слова не могла промолвить, и слезы остановились в глазах ее.

– Ну, сыны, все готово! нечего мешкать! – произнес наконец Бульба. – Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

– Теперь благослови, мать, детей своих! – сказал Бульба. – Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую[135], чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то – пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает.

Мать, слабая, как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

– Пусть хранит вас… Божья матерь… Не забывайте, сынки,

мать вашу… пришлите хоть весточку о себе… – Далее она не могла говорить.

– Ну, пойдем, дети! – сказал Бульба. У крыльца стояли оседланные кони. Бульба вскочил на своего Черта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Тарас был чрезвычайно тяжел и толст. Когда увидела мать, что уже и сыны ее сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности: она схватила его за стремя, она прилипнула к седлу его и с отчаяньем в глазах не выпускала его из рук своих. Два дюжих козака взяли ее бережно и унесли в хату. Но когда выехали они за ворота, она со всею легкостию дикой козы, несообразной ее летам, выбежала за ворота, с непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного из сыновей с какою-то помешанною, бесчувственною горячностию; ее опять увели.

Молодые козаки ехали смутно и удерживали слезы, боясь отца, который, со своей стороны, был тоже несколько смущен, хотя старался этого не показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то в разлад. Они, проехавши, оглянулись назад; хутор их как будто ушел в землю; только видны были над землей две трубы скромного их домика да вершины дерев, по сучьям которых они лазили, как белки; один только дальний луг еще стлался перед ними, – тот луг, по которому они могли припомнить всю историю своей жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нем чернобровую козачку, боязливо перелетавшую через него с помощию своих свежих быстрых ног. Вот уже один только шест над колодцем с привязанным вверху колесом от телеги одиноко торчит в небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издали горою и все собою закрыла. – Прощайте и детство, и игры, и всё, всё!

Вопросы и задания к главе I

1. Что мы узнаем из первой главы о том «бранном, трудном времени», когда происходили события, описываемые Гоголем в повести? Опираясь на текст, покажите, как автор создает облик эпохи.

2. Как первая встреча Тараса с сыновьями и последующие рассуждения героя помогают понять, что он считал самым важным в жизни и самым существенным в человеке?

3. Чем продиктовано решение Тараса вести сыновей в Запорожскую Сечь?

4. Какой рисует Гоголь судьбу матери и жены казака? Как показывает глубину ее чувств?

⏩**1.** С помощью каких художественных средств создается портрет Тараса Бульбы? Опираясь на авторское описание, портрет, диалоги, охарактеризуйте героя.

2. Опишите убранство светлицы Тараса. Как этот интерьер помогает представить быт и нравы изображаемой эпохи?

II

Все три всадника ехали молчаливо.

Старый Тарас думал о давнем: перед ними проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда плачет козак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость.

Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемерли, какие живут еще. Слеза тихо круглилась на его зенице[136], и поседевшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в киевскую академию, потому что все почтенные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все поступавшие в бурсу, дики, воспитаны на свободе, и там уже они обыкновенно несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того свое поприще, что в первый год еще бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержать его в монастырских служках целые двадцать лет и не поклялся наперед, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю ученость и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею. С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал наряду с лучшими. Тогдашний род учения страшно расходился с образом жизни: эти схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались к времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни. Учившиеся

им ни к чему не могли привязать своих познаний, хотя бы даже менее схоластических. Самые тогдашние ученые более других были невежды, потому что вовсе были удалены от опыта. Притом же это республиканское устройство бурсы, это ужасное множество молодых, дюжих, здоровенных людей – все это должно было им внушить деятельность совершенно вне их учебного занятия. Иногда плохое содержание, иногда частые наказания голодом, иногда многие потребности, возбуждающиеся в свежем, здоровом, крепком юноше, – все это, соединившись, рождало в них ту предприимчивость, которая после развивалась на Запорожье. Голодная бурса рыскала по улицам Киева и заставляла всех быть осторожными. Торговки, сидевшие на базаре, всегда закрывали руками свои пироги, бублики, семечки из тыкв, как орлицы детей своих, если только видели проходившего бурсака. Консул[137], долженствовавший, по обязанности своей, наблюдать над подведомственными ему сотоварищами, имел такие страшные карманы в своих шароварах, что мог поместить туда всю лавку зазевавшейся торговки. Эти бурсаки составляли совершенно отдельный мир: в круг высший, состоявший из польских и русских дворян, они не допускались. Сам воевода, Адам Кисель[138], несмотря на оказываемое покровительство академии, не вводил их в общество и приказывал держать их построже. Впрочем, это наставление было вовсе излишне, потому что ректор и профессоры-монахи не жалели лоз и плетей, и часто ликторы[139] по их приказанию пороли своих консулов так жестоко, что те несколько недель почесывали свои шаровары. Многим из них это было вовсе ничего и казалось немного чем крепче хорошей водки с перцем; другим наконец сильно надоедали такие беспрестанные припарки, и они убегали на Запорожье, если умели найти дорогу и если не были перехватываемы на пути. Остап Бульба, несмотря на то что начал с большим старанием учить логику и даже богословие, никак не избавлялся неумолимых розг. Естественно, что все это должно было как-то ожесточить характер и сообщить ему твердость, всегда отличавшую козаков. Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях – обобрать чужой сад или огород, но зато он был всегда одним из первых, приходивших под знамена предприимчивого бурсака, и никогда, ни в коем случае, не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере, никогда почти о другом не думал. Он был прямодушен с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только

существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развитые. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжелый и сильный характер. Он был изобретательнее своего брата; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда с помощью изобретательного ума своего умел увертываться от наказания, тогда как брат его, Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. Потребность любви вспыхнула в нем живо, когда он перешел за восемнадцать лет. Женщина чаще стала представляться горячим мечтам его; он, слушая философские диспуты, видел ее поминутно, свежую, черноокую, нежную. Пред ним беспрерывно мелькали ее сверкающие, упругие перси, нежная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокруг ее девственных и вместе мощных членов, дышало в мечтах его каким-то невыразимым сладострастием. Он тщательно скрывал от своих товарищей эти движения страстной юношеской души, потому что в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать козаку о женщине и любви, не отведав битвы. Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединенном закоулке Киева, потопленном в вишневых садах среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне и домы были выстроены с некоторой прихотливостью. Один раз, когда он зазевался, наехала почти на него колымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница с престрашными усами хлыстнул его довольно исправно бичом. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостию схватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадям, они рванули – и Андрий, к счастию, успевший отхватить руку, шлепнулся на землю, прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой еще не видывал отроду: черноглазую и белую, как снег, озаренный утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал сверкающую силу ее ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на нее, совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь,

которою еще более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел было узнать от дворни, которая толпою, в богатом убранстве, стояла за воротами, окружив игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его ответом. Наконец он узнал, что это была дочь приехавшего на время ковенского воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостью, он пролез через частокол в сад, взлез на дерево, которое раскидывалось ветвями на самую крышу дома; с дерева перелез он на крышу и через трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши перед собою незнакомого человека, что не могла произнесть ни одного слова; но когда приметила, что бурсак стоял, потупив глаза и не смея от робости пошевелить рукою, когда узнала в нем того же самого, который хлопнулся перед ее глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничего не было смешного: он был очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. Красавица была ветрена, как полячка, но глаза ее, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взгляд долгий, как постоянство. Бурсак не мог пошевелить рукою и был связан, как в мешке, когда дочь воеводы смело подошла к нему, надела ему на голову свою блистательную диадему[140], повесила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку с фестонами[141], вышитыми золотом. Она убирала его и делала с ним тысячу разных глупостей с развязностию дитяти, которою отличаются ветреные полячки и которая повергла бедного бурсака в еще большее смущение. Он представлял смешную фигуру, раскрывши рот и глядя неподвижно в ее ослепительные очи. Раздавшийся в это время у дверей стук испугал ее. Она велела ему спрятаться под кровать, и как только беспокойство прошло, она кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывесть его в сад и оттуда отправить через забор. Но на этот раз бурсак наш не так счастливо перебрался через забор: проснувшийся сторож хватил его порядочно по ногам, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улице, покамест быстрые ноги не спасли его. После этого проходить возле дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Он встретил ее еще раз в костеле: она заметила его и очень приятно усмехнулась, как давнему знакомому. Он видел ее вскользь еще один раз, и после этого воевода ковенский скоро уехал, и вместо прекрасной черноглазой полячки выглядывало из окон какое-то толстое лицо. Вот о чем думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву

коня своего.

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зеленые объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их, и только козачьи черные шапки одни мелькали между ее колосьями.

– Э, э, э! что ж это вы, хлопцы, так притихли? – сказал наконец Бульба, очнувшись от своей задумчивости. – Как будто какие-нибудь чернецы! Ну, разом все думки к нечистому! Берите в зубы люльки[142], да закурим, да пришпорим коней, да полетим так, чтобы и птица не угналась за нами!

И козаки, нагнувшись к коням, пропали в траве. Уже и черных шапок нельзя было видеть; одна только струя сжимаемой травы показывала след их быстрого бега.

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, теплотворным светом своим облило степь. Все, что смутно и сонно было на душе у козаков, вмиг слетело; сердца их встрепенулись, как птицы.

Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялася зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный Бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался Бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем… Черт вас возьми, степи, как вы хороши!..

Наши путешественники останавливались только на несколько минут для обеда, причем ехавший с ними отряд из десяти козаков слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки[143] с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не

позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера. Вечером вся степь совершенно переменялась. Все пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нем, и она становилась темно-зеленою; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрагивался до щек. Вся музыка, звучавшая днем, утихала и сменялась другою. Пестрые суслики выползывали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединенного озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котел, в котором варили себе кулиш[144]; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, козаки ложились спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звезды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву, весь их треск, свист, стрекотанье, – все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем воздухе и убаюкивало дремлющий слух. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянною блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и темная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Путешественники ехали без всяких приключений. Нигде не попадались им деревья, все та же бесконечная, вольная, прекрасная степь. По временам только в стороне синели верхушки отдаленного леса, тянувшегося по берегам Днепра. Один только раз Тарас указал сыновьям на маленькую, черневшую в дальней траве точку, сказавши: «Смотрите, детки, вон скачет татарин!» Маленькая головка с усами уставила издали прямо на них узенькие глаза свои, понюхала воздух, как гончая собака, и, как серна, пропала, увидевши, что козаков было тринадцать человек. «А ну, дети, попробуйте догнать татарина!.. И не пробуйте – вовеки не поймаете: у него конь быстрее моего

Черта». Однако ж Бульба взял предосторожность, опасаясь где-нибудь скрывавшейся засады. Они прискакали к небольшой речке, называвшейся Татаркою, впадающей в Днепр, кинулись в воду с конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть след свой, и тогда уже, выбравшись на берег, они продолжали далее путь.

Чрез три дни после этого они были уже недалеко от места, бывшего предметом их поездки. В воздухе вдруг захолодело; они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдали и темною полосою отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спертый порогами, брал наконец свое и шумел, как море, разлившись по воле; где брошенные в средину его острова вытесняли его еще далее из берегов и волны его стлались широко по земле, не встречая ни утесов, ни возвышений. Козаки сошли с коней своих, взошли на паром и чрез три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы, где была Сечь, так часто переменявшая свое жилище.

Куча народу бранилась на берегу с перевозчиками. Козаки оправили коней. Тарас приосанился, стянул на себе покрепче пояс и гордо провел рукою по усам. Молодые сыны его тоже осмотрели себя с ног до головы с каким-то страхом и неопределенным удовольствием, – и все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнецких молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дерном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари под ятками[145] сидели с кучами кремней, огнивами и порохом. Армянин развесил дорогие платки. Татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом. Жид, выставив вперед свою голову, цедил из бочки горелку. Но первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

– Эх, как важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура! – говорил он, остановивши коня.

В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее по тесной улице, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло свое, и людьми всех наций, наполнявшими это

предместие Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь, умевшую только гулять да палить из ружей.

Наконец они миновали предместье и увидели несколько разбросанных куреней, покрытых дерном или, по-татарски, войлоком. Иные уставлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместье. Небольшой вал и засека[146], не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, панове!» – «Здравствуйте и вы!» – отвечали запорожцы. Везде, по всему полю, живописными кучами пестрел народ. По смуглым лицам видно было, что все они были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украйну!

Путники выехали на обширную площадь, где обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки; он держал в руках ее и медленно зашивал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в средине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши шапку чертом и вскинувши руками. Он кричал только: «Живее играйте, музыканты! Не жалей, Фома, горелки православным христианам!» И Фома, с подбитым глазом, мерял без счету каждому приставшему по огромнейшей кружке. Около молодого запорожца четверо старых выработывали довольно мелко ногами, вскидывались, как вихорь, на сторону, почти на голову музыкантам, и вдруг, опустившись, неслись вприсядку и били круто и крепко своими серебряными подковами плотно убитую землю. Земля глухо гудела на всю округу, и в воздухе далече отдавались гопаки и тропаки[147], выбиваемые звонкими подковами сапогов. Но один всех живее вскрикивал и летел вслед за другими в танце. Чуприна[148] развевалась по ветру, вся открыта была сильная грудь; теплый зимний кожух[149] был надет в рукава, и пот градом лил с него как из ведра. «Да сними хоть кожух! – сказал наконец Тарас. – Видишь, как парит!» – «Не можно!» – кричал запорожец. «Отчего?» – «Не можно; у меня уж такой нрав: что скину, то пропью». А шапки уж давно не было на молодце, ни пояса на кафтане, ни шитого платка; все пошло куда следует. Толпа росла; к танцующим приставали другие, и нельзя было видеть без внутреннего движенья, как все отдирало танец

самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо свет и который, по своим мощным изобретателям, назван козачком.

– Эх, если бы не конь! – вскрикнул Тарас, – пустился бы, право, пустился бы сам в танец!

А между тем в народе стали попадаться и степенные, уваженные по заслугам всею Сечью, седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц. Остап и Андрий слышали только приветствия: «А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолуп!» – «Откуда Бог несет тебя, Тарас?» – «Ты как сюда зашел, Долото?» – «Здорово, Кирдяга! Здорово, Густый! Думал ли я видеть тебя, Ремень?» И витязи, собравшиеся со всего разгульного мира восточной России, целовались взаимно; и тут понеслись вопросы: «А что Касьян? Что Бородавка? Что Колопер? Что Пидсыток?» И слышал только в ответ Тарас Бульба, что Бородавка повешен в Толопане, что с Колопера содрали кожу под Кизикирменом, что Пидсыткова голова посолена в бочке и отправлена в самый Царьград. Понурил голову старый Бульба и раздумчиво говорил: «Добрые были козаки!»

Вопросы и задания к главе II

1. Сравните поведение двух братьев – Остапа и Андрия во время обучения в бурсе.

2. Какие мысли возникли у героев по дороге в Запорожскую Сечь? О чем думал Тарас? О чем вспоминали Остап и Андрий? Как эти воспоминания характеризуют героев?

3. Как Тарас и сыновья готовятся к въезду в Сечь?

1. Почему Гоголь ввел описание степи в повесть о запорожских казаках? Почему это описание предшествует изображению Запорожской Сечи?

2. Как рисует Гоголь степь? На что обращает внимание, рассказывая о ней? Как помогает увидеть ее красоту? Сравните описания степи днем, вечером, ночью.

3. При описании степи и при описании матери Остапа и Андрия возникает образ чайки. Что символизирует этот образ и почему возникает в обоих описаниях?

4. Как описание Днепра соотносится с основным повествованием? Попробуйте определить, какую роль играет пейзаж в повести.

5. Какие слова передают восхищение Гоголя Сечью? Найдите в тексте сравнения, в которых проявляется авторское отношение к

Запорожской Сечи и казакам.

1. Перескажите близко к тексту одно из описаний картин природы. Обоснуйте свой выбор.

III

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военною школою. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти беспрерывны. Промежутки козаки почитали скучным занимать изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы[150] за зверем в степях и лугах; все прочее время отдавалось гульбе – признаку широкого размета душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то беспрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность и добытое добро не перешло еще в руки торгашей и шинкарей[151].

Это общее пиршество имело в себе что-то околдовывающее. Оно не было сборищем бражников, напивавшихся с горя, но было просто бешеное разгулье веселости. Всякий приходящий сюда позабывал и бросал все, что дотоле его занимало. Он, можно сказать, плевал на свое прошедшее и беззаботно предавался воле и товариществу таких же, как сам, гуляк, не имевших ни родных, ни угла, ни семейства, кроме вольного неба и вечного пира души своей. Это производило ту бешеную веселость, которая не могла бы родиться ни из какого другого источника. Рассказы и болтовня среди собравшейся толпы, лениво отдыхавшей на земле, часто так были смешны и дышали такою силою живого рассказа, что нужно было иметь всю хладнокровную наружность запорожца, чтобы сохранять неподвижное выражение лица, не моргнув даже усом, – резкая черта, которою отличается доныне от других братьев своих южный россиянин. Веселость была пьяна, шумна, но при всем том это не был черный кабак, где мрачно-искажающим весельем забывается человек; это был тесный круг школьных товарищей. Разница была только в том, что вместо сидения за указкой и пошлых толков учителя они производили набег на пяти тысячах коней; вместо луга, где играют в мячик, у них были неохраняемые, беспечные границы, в виду которых татарин выказывал быструю свою голову, и неподвижно, сурово глядел

турок в зеленой чалме своей. Разница та, что вместо насильной воли, соединившей их в школе, они сами собою кинули отцов и матерей и бежали из родительских домов; что здесь были те, у которых уже моталась около шеи веревка и которые вместо бледной смерти увидели жизнь – и жизнь во всем разгуле; что здесь были те, которые, по благородному обычаю, не могли удержать в кармане своем копейки, что здесь были те, которые дотоле червонец считали богатством, у которых, по милости арендаторов-жидов, карманы можно было выворотить без всякого опасения что-нибудь выронить. Здесь были все бурсаки, не вытерпевшие академических лоз и не вынесшие из школы ни одной буквы; но вместе с ними здесь были и те, которые знали, что такое Гораций, Цицерон[152] и Римская республика. Тут было много тех офицеров, которые потом отличались в королевских войсках; тут было множество образовавшихся опытных партизанов, которые имели благородное убеждение мыслить, что все равно, где бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без битвы. Много было и таких, которые пришли на Сечь с тем, чтобы потом сказать, что они были на Сечи и уже закаленные рыцари. Но кого тут не было? Эта странная республика была именно потребностию того века. Охотники до военной жизни, до золотых кубков, богатых парчей, дукатов и реалов во всякое время могли найти здесь работу. Одни только обожатели женщин не могли найти здесь ничего, потому что даже в предместье Сечи не смела показываться ни одна женщина.

Остапу и Андрию казалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сечь гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросил: откуда эти люди, кто они и как их зовут. Они приходили сюда, как будто бы возвращаясь в свой собственный дом, из которого только за час перед тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому[153], который обыкновенно говорил: «Здравствуй! Что, во Христа веруешь?» – «Верую!» – отвечал приходивший. «И в Троицу Святую веруешь?» – «Верую!» – «И в церковь ходишь?» – «Хожу!» – «А ну, перекрестись!» Пришедший крестился. «Ну, хорошо, – отвечал кошевой, – ступай же в который сам знаешь курень». Этим оканчивалась вся церемония. И вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании. Только побуждаемые сильною корыстию жиды, армяне и татары осмеливались жить и торговать в предместье, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула из кармана денег, столько и платили. Впрочем, участь этих корыстолюбивых торгашей была очень жалка. Они

были похожи на тех, которые селились у подошвы Везувия, потому что как только у запорожцев не ставало денег, то удалые разбивали их лавочки и брали всегда даром. Сечь состояла из шестидесяти с лишком куреней, которые очень походили на отдельные, независимые республики, а еще более походили на школу и бурсу детей, живущих на всем готовом. Никто ничем не заводился и не держал у себя. Все было на руках у куренного атамана, который за это обыкновенно носил название батька. У него были на руках деньги, платья, весь харч, саламата[154], каша и даже топливо; ему отдавали деньги под сохран. Нередко происходила ссора у куреней с куренями. В таком случае дело тот же час доходило до драки. Курени покрывали площадь и кулаками ломали друг другу бока, пока одни не пересиливали наконец и не брали верх, и тогда начиналась гульня. Такова была эта Сечь, имевшая столько приманок для молодых людей.

Остап и Андрий кинулись со всею пылкостию юношей в это разгульное море и забыли вмиг и отцовский дом, и бурсу, и все, что волновало прежде душу, и предались новой жизни. Все занимало их: разгульные обычаи Сечи и немногосложная управа и законы, которые казались им иногда даже слишком строгими среди такой своевольной республики. Если козак проворовался, украл какую-нибудь безделицу, это считалось уже поношением всему козачеству: его, как бесчестного, привязывали к позорному столбу и клали возле него дубину, которою всякий проходящий обязан был нанести ему удар, пока таким образом не забивали его насмерть. Не платившего должника приковывали цепью к пушке, где должен был он сидеть до тех пор, пока кто-нибудь из товарищей не решался его выкупить и заплатить за него долг. Но более всего произвела впечатленья на Андрия страшная казнь, определенная за смертоубийство. Тут же, при нем, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключавший тело им убиенного, и потом обоих засыпали землею.

Долго потом все чудился ему страшный обряд казни и все представлялся этот заживо засыпанный человек вместе с ужасным гробом.

Скоро оба молодые козака стали на хорошем счету у козаков. Часто вместе с другими товарищами своего куреня, а иногда со всем куренем и с соседними куренями выступали они в степи для стрельбы несметного числа всех возможных степных птиц, оленей и коз или же выходили на озера, реки и протоки, отведенные по жребию каждому куреню, закидывать невода, сети и тащить богатые тони[155] на продовольствие всего куреня. Хотя и не было тут науки, на которой пробуется козак, но они стали уже заметны

между другими молодыми прямою удалью и удачливостью во всем. Бойко и метко стреляли в цель, переплывали Днепр против течения – дело, за которое новичок принимался торжественно в козацкие круги.

Но старый Тарас готовил другую им деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь – настоящего дела хотел он. Он все придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться как следует рыцарю. <…>

Вопросы и задания к главам III и IV

▸**1.** Как характеризует Тараса эпизод с переизбранием кошевого?

2. Что стало причиной боевого похода запорожцев? В чем проявилась мудрость плана нового кошевого?

▸▸**1.** Как описывает Гоголь нравы и обычаи Запорожской Сечи? Какие бытовые и художественные детали помогают представить жизнь и быт казаков в XVI–XVII веках?

2. Почему такое значительное место занимает в повести изображение Сечи и ее обычаев? Подготовьте устный рассказ о Запорожской Сечи и ее обитателях.

Вопросы и задания к главам V–VII

▸**1.** Какой выбор сделал Андрий? Как все, что вы узнали о характере Андрия, помогает понять, почему он сделал такой выбор?

▸▸**1.** Прочитайте описание польской панны. Как нарисован ее портрет? Подумайте, как создание такого идеального образа помогает писателю объяснить поведение Андрия.

2. Найдите строки, раскрывающие душевное состояние Андрия во время встречи с полячкой.

3. Как меняется поведение Андрия после того, как он вошел в круг польской знати? Приведите примеры из текста.

4. С помощью каких художественных средств раскрывается героическая личность Остапа? Найдите в тексте сравнение, характеризующее его поведение в бою. Как оценили казаки мужество и доблесть Остапа?

▸▸▸**1.** Продолжите сравнительную характеристику Остапа и Андрия, отметив, как проявили себя братья в первых сражениях. Чем отличалось их поведение в бою?

2. Найдите в Андрии черты романтического героя. Какой

трагический конфликт положен в основу этого образа? Что привело героя к такому драматическому финалу?

3. Как относится автор к Андрию? Каково ваше отношение к нему?

VIII

Еще солнце не дошло до половины неба, как все запорожцы собрались в круги. Из Сечи пришла весть, что татары во время отлучки козаков ограбили в ней все, вырыли скарб[156], который втайне держали козаки под землею, избили и забрали в плен всех, которые оставались, и со всеми забранными стадами и табунами направили путь прямо к Перекопу. Один только козак, Максим Голодуха, вырвался дорогою из татарских рук, заколол мирзу[157], отвязал у него мешок с цехинами и на татарском коне, в татарской одежде полтора дни и две ночи уходил от погони, загнал насмерть коня, пересел дорогою на другого, загнал и того, и уже на третьем приехал в запорожский табор, разведав на дороге, что запорожцы были под Дубном. Только и успел объявить он, что случилось такое зло; но отчего оно случилось, курнули ли оставшиеся запорожцы, по козацкому обычаю, и пьяными отдались в плен, и как узнали татары место, где был зарыт войсковой скарб, – того ничего не сказал он. Сильно истомился козак, распух весь, лицо пожгло и опалило ему ветром; упал он тут же и заснул крепким сном.

В подобных случаях водилось у запорожцев гнаться в ту ж минуту за похитителями, стараясь настигнуть их на дороге, потому что пленные как раз могли очутиться на базарах Малой Азии, в Смирне, на Критском острову, и Бог знает в каких местах не показались бы чубатые запорожские головы. Вот отчего собрались запорожцы. Все до единого стояли они в шапках, потому что пришли не с тем, чтобы слушать по начальству атаманский приказ, но совещаться, как ровные между собою.

– Давай совет прежде старшие! – закричали в толпе.

– Давай совет, кошевой! – говорили другие.

И кошевой снял шапку, уж не так, как начальник, а как товарищ, благодарил всех козаков за честь и сказал:

– Много между нами есть старших и советом умнейших, но коли меня почтили, то мой совет: не терять, товарищи, времени и гнаться за татарином. Ибо вы сами знаете, что за человек татарин. Он не станет с награбленным добром ожидать нашего прихода, а мигом размытарит его, так что и следов не найдешь. Так мой совет: идти. Мы здесь уже погуляли. Ляхи знают, что

такое козаки; за веру, сколько было по силам, отметили; корысти же с голодного города не много. Итак, мой совет – идти.

– Идти! – раздалось голосно в запорожских куренях. Но Тарасу Бульбе не пришлись по душе такие слова, и навесил он еще ниже на очи свои хмурые, исчерна-белые брови, подобные кустам, выросшим по высокому темени горы, которых верхушки вплоть занес иглистый северный иней.

– Нет, не прав совет твой, кошевой! – сказал он. – Ты не так говоришь. Ты позабыл, видно, что в плену остаются наши, захваченные ляхами? Ты хочешь, видно, чтоб мы не уважали первого, святого закона товарищества: оставили бы собратьев своих на то, чтобы с них с живых содрали кожу или, исчетвертовав на части козацкое их тело, развозили бы их по городам и селам, как сделали они уже с гетьманом и лучшими русскими витязями на Украйне. Разве мало они поругались и без того над святынею? Что ж мы такое? спрашиваю я всех вас. Что ж за козак тот, который кинул в беде товарища, кинул его, как собаку, пропасть на чужбине? Коли уж на то пошло, что всякий ни во что ставит козацкую честь, позволив себе плюнуть в седые усы свои и попрекнуть себя обидным словом, так не укорит же никто меня. Один остаюсь!

Поколебались все стоявшие запорожцы.

– А разве ты позабыл, бравый полковник, – сказал тогда кошевой, – что у татар в руках тоже наши товарищи, что если мы теперь их не выручим, то жизнь их будет продана на вечное невольничество язычникам, что хуже всякой лютой смерти? Позабыл разве, что у них теперь вся казна наша, добытая христианскою кровью?

Задумались все козаки и не знали, что сказать. Никому не хотелось из них заслужить обидную славу. Тогда вышел вперед всех старейший годами во всем запорожском войске Касьян Бовдюг. В чести был он от всех козаков; два раза уже был избираем кошевым и на войнах тоже был сильно добрый козак, но уже давно состарелся и не бывал ни в каких походах; не любил тоже и советов давать никому, а любил старый вояка лежать на боку у козацких кругов, слушая рассказы про всякие бывалые случаи и козацкие походы. Никогда не вмешивался он в их речи, а все только слушал да прижимал пальцем золу в своей коротенькой трубке, которой не выпускал изо рта, и долго сидел он потом, прижмурив слегка очи; и не знали козаки, спал ли он или все еще слушал. Все походы оставался он дома, но сей раз разобрало старого. Махнул рукою по-козацки и сказал: «А, не куды пошло! Пойду и я; может, в чем-нибудь буду пригоден козачеству!»

Все козаки притихли, когда выступил он теперь перед собранием, ибо давно не слышали от него никакого слова. Всякий хотел знать, что скажет Бовдюг.

– Пришла очередь и мне сказать, паны-братья! – так он начал. – Послушайте, дети, старого. Мудро сказал кошевой; и, как голова козацкого войска, обязанный приберегать его и печись о войсковом скарбе, мудрее ничего он не мог сказать. Вот что! Это пусть будет первая моя речь! А теперь послушайте, что скажет моя другая речь. А вот что скажет моя другая речь: большую правду сказал и Тарас-полковник, – дай Боже ему побольше веку и чтоб таких полковников было побольше на Украйне! Первый долг и первая честь козака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на веку, не слышал я, паны-братья, чтобы козак покинул где или продал как-нибудь своего товарища. И те и другие нам товарищи, меньше или больше – все равно, все товарищи, все нам дороги. Так вот какая моя речь: те, которым милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которым милы полоненные ляхами и не хочется оставлять правого дела, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдет с одной половиною за татарами, а другая половина выберет себе наказного атамана[158].

А наказным атаманом, коли хотите послушать белой головы, не пригоже быть никому другому, как только одному Тарасу Бульбе. Нет из нас никого, равного ему в доблести.

Так сказал Бовдюг и затих; и обрадовались все козаки, что навел их таким образом на ум старый. Все вскинули вверх шапки и закричали:

– Спасибо тебе, батько! Молчал, молчал, долго молчал, да вот наконец и сказал. Недаром говорил, когда собирался в поход, что будешь пригоден козачеству: так и сделалось.

– Что, согласны вы на то? – спросил кошевой.

– Все согласны! – закричали козаки.

– Стало быть, раде конец?

– Конец раде! – кричали козаки.

– Слушайте ж теперь войскового приказа, дети! – сказал кошевой, выступил вперед и надел шапку, а все запорожцы, сколько их ни было, сняли свои шапки и остались с непокрытыми головами, утупив очи в землю, как бывало всегда между козаками, когда собирался что говорить старший.

– Теперь отделяйтесь, паны-братья! Кто хочет идти, ступай на правую сторону; кто остается, отходи на левую! Куды большая часть куреня переходит, туды и атаман; коли меньшая часть переходит, приставай к другим куреням.

И все стали переходить, кто на правую, кто на левую сторону.

Которого куреня большая часть переходила, туда и куренной атаман переходил; которого малая часть, та приставала к другим куреням; и вышло без малого не поровну на всякой стороне. Захотели остаться: весь почти Незамайковский курень, большая половина Поповического куреня, весь Уманский курень, весь Каневский курень, большая половина Стебликивского куреня, большая половина Тымошевского куреня. Все остальные вызвались идти вдогон за татарами. Много было на обеих сторонах дюжих и храбрых козаков. Между теми, которые решились идти вслед за татарами, был Череватый, добрый старый козак, Покотыполе, Лемиш, Прокопович Хома; Демид Попович тоже перешел туда, потому что был сильно завзятого нрава козак – не мог долго высидеть на месте; с ляхами попробовал уже он дела, хотелось попробовать еще с татарами. Куренные были: Ностюган, Покрышка, Невылычкий; и много еще других славных и храбрых козаков захотело попробовать меча и могучего плеча в схватке с татарином. Немало было также сильно и сильно добрых козаков между теми, которые захотели остаться: куренные Демытрович, Кукубенко, Вертыхвист, Балабан, Бульбенко Остап. Потом много было еще других именитых и дюжих козаков: Вовтузенко, Черевыченко, Степан Гуска, Охрим Гуска, Мыкола Густый, Задорожний, Метельця, Иван Закрутыгуба, Мосий Шило, Дегтяренко, Сыдоренко, Пысаренко, потом другой Пысаренко, потом еще Пысаренко, и много было других добрых козаков. Все были хожалые, езжалые: ходили по анатольским берегам, по крымским солончакам и степям, по всем речкам большим и малым, которые впадали в Днепр, по всем заходам[159] и днепровским островам; бывали в молдавской, волошской, в турецкой земле; изъездили все Черное море двухрульными козацкими челнами; нападали в пятьдесят челнов в ряд на богатейшие и превысокие корабли, перетопили немало турецких галер и много-много выстреляли пороху на своем веку. Не раз драли на онучи дорогие паволоки[160] и оксамиты. Не раз череши[161] у штанных очкуров набивали все чистыми цехинами. А сколько всякий из них пропил и прогулял добра, ставшего бы другому на всю жизнь, того и счесть нельзя. Все спустили по-козацки, угощая весь мир и нанимая музыку, чтобы все веселилось, что ни есть на свете. Еще и теперь у редкого из них не было закопанного добра – кружек, серебряных ковшей и запястьев под камышами на днепровских островах, чтобы не довелось татарину найти его, если бы, в случае несчастья, удалось ему напасть врасплох на Сечь; но трудно было бы татарину найти его, потому что и сам хозяин уже стал забывать, в котором месте закопал его. Такие-то были козаки, захотевшие остаться и

отмстить ляхам за верных товарищей и Христову веру! Старый козак Бовдюг захотел также остаться с ними, сказавши: «Теперь не такие мои лета, чтобы гоняться за татарами, а тут есть место, где опочить доброю козацкою смертью. Давно уже просил я у Бога, чтобы если придется кончать жизнь, то чтобы кончить ее на войне за святое и христианское дело. Так оно и случилось. Славнейшей кончины уже не будет в другом месте для старого козака».

Когда отделились все и стали на две стороны в два ряда куренями, кошевой прошел промеж рядов и сказал:

– А что, панове-братове, довольны одна сторона другою?

– Все довольны, батько! – отвечали козаки.

– Ну, так поцелуйтесь же и дайте друг другу прощанье, ибо, Бог знает, приведется ли в жизни еще увидеться. Слушайте своего атамана, а исполняйте то, что сами знаете: сами знаете, что велит козацкая честь.

И все козаки, сколько их ни было, перецеловались между собою, начали первые атаманы и, поведши рукою седые усы свои, поцеловались навкрест и потом взялись за руки и крепко держали руки. Хотел один другого спросить: «Что, пане-брате, увидимся или не увидимся?» – да и не спросили, замолчали, – и загадались[162] обе седые головы. А козаки все до одного прощались, зная, что много будет работы тем и другим; но не повершили, однако ж, тотчас разлучиться, а повершили дождаться темной ночной поры, чтоб не дать неприятелю увидеть убыль в козацком войске. Потом все отправились по куреням обедать.

После обеда все, которым предстояла дорога, легли отдыхать и спали крепко и долгим сном, как будто чуя, что, может, последний сон доведется им вкусить на такой свободе. Спали до самого заходу солнечного; а как зашло солнце и немного стемнело, стали мазать телеги. Снарядясь, пустили вперед возы, а сами, пошапковавшись еще раз с товарищами, тихо пошли вслед за возами. Конница чинно, без покрика и посвиста на лошадей, слегка затопотела вслед за пешими, и скоро стало их не видно в темноте. Глухо отдавалась только конская топь да скрып иного колеса, которое еще не расходилось или не было хорошо подмазано за ночною темнотою.

Долго еще остававшиеся товарищи махали им издали руками, хотя не было ничего видно. А когда сошли и воротились по своим местам, когда увидели при высветивших ясно звездах, что половины телег уже не было на месте, что многих, многих нет, невесело стало у всякого на сердце, и все задумались против воли, утупивши в землю гульливые свои головы.

Тарас видел, как смутны стали козацкие ряды и как уныние, неприличное храброму, стало тихо обнимать козацкие головы, но молчал; он хотел дать время всему, чтобы пообвыклись они и к унынью, наведенному прощаньем с товарищами, а между тем в тишине готовился разом и вдруг разбудить их всех, гикнувши по-козацки, чтобы вновь с большею силою, чем прежде, воротилась бодрость каждому в душу, на что способна одна только славянская порода – широкая, могучая порода перед другими, что море перед мелководными реками. Коли время бурно, все превращается оно в рев и гром, бугря и подымая валы, как не поднять их бессильным рекам; коли ж безветренно и тихо, яснее всех рек расстилает оно свою неоглядную склянную поверхность, вечную негу очей.

И повелел Тарас распаковать своим слугам один из возов, стоявший особняком. Больше и крепче всех других он был в козацком обозе; двойною крепкою шиною были обтянуты дебелые[163] колеса его; грузно был он навьючен, укрыт попонами, крепкими воловьими кожами и увязан туго засмоленными веревками. В возу были все баклаги и бочонки старого доброго вина, которое долго лежало у Тараса в погребах. Взял он его про запас, на торжественный случай, чтобы, если случится великая минута и будет всем предстоять дело, достойное на передачу потомкам, то чтобы всякому, до единого, козаку досталось выпить заповедного вина, чтобы в великую минуту великое бы и чувство овладело человеком. Услышав полковничий приказ, слуги бросились к возам, палашами перерезывали крепкие веревки, снимали толстые воловьи кожи и попоны и стаскивали с воза баклаги и бочонки.

– А берите все, – сказал Бульба, – все, сколько ни есть, берите, что у кого есть: ковш, или черпак, которым поит коня, или рукавицу, или шапку, а коли что, то и просто подставляй обе горсти.

И козаки все, сколько ни было их, брали, у кого был ковш, у кого черпак, которым поил коня, у кого рукавица, у кого шапка, а кто подставлял и так обе горсти. Всем им слуги Тарасовы, расхаживая промеж рядами, наливали из баклаг и бочонков. Но не приказал Тарас пить, пока не даст знаку, чтобы выпить им всем разом. Видно было, что он хотел что-то сказать. Знал Тарас, что как ни сильно само по себе старое доброе вино, что как ни способно оно укрепить дух человека, но если к нему да присоединится еще приличное слово, то вдвое крепче будет сила и вина и духа.

– Я угощаю вас, паны-братья, – так сказал Бульба, – не в честь того, что вы сделали меня своим атаманом, как ни велика

подобная честь, не в честь также прощанья с нашими товарищами: нет, в другое время прилично то и другое; не такая теперь перед нами минута. Перед нами дела великого поту, великой козацкой доблести! Итак, выпьем, товарищи, разом выпьем попереду всего за святую православную веру: чтобы пришло наконец такое время, чтобы по всему свету разошлась и везде была бы одна святая вера, и все, сколько ни есть бусурменов, все бы сделались христианами! Да за одним уже разом выпьем и за Сечь, чтобы долго она стояла на погибель всему бусурменству, чтобы с каждым годом выходили из нее молодцы один одного лучше, один одного краше. Да уже вместе выпьем и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тех внуков, что были когда-то такие, которые не постыдили товарищества и не выдали своих. Так за веру, пане-братове, за веру!

– За веру! – загомонели все, стоявшие в ближних рядах, густыми голосами.

– За веру! – подхватили дальние; и все что ни было, и старое и молодое, выпило за веру.

– За Сичь! – сказал Тарас и высоко поднял над головою руку.

– За Сичь! – отдалося густо в передних рядах.

– За Сичь! – сказали тихо старые, моргнувши седым усом; и, встрепенувшись, как молодые соколы, повторили молодые: – За Сичь!

И слышало далече поле, как поминали козаки свою Сичь.

– Теперь последний глоток, товарищи, за славу и всех христиан, какие живут на свете!

И все козаки, до последнего в поле, выпили последний глоток в ковшах за славу и всех христиан, какие ни есть на свете. И долго еще повторялось по всем рядам промеж всеми куренями:

– За всех христиан, какие ни есть на свете!

Уже пусто было в ковшах, а все еще стояли козаки, поднявши руки. Хоть весело глядели очи их всех, просиявшие вином, но сильно загадались они. Не о корысти и военном прибытке теперь думали они, не о том, кому посчастливится набрать червонцев, дорогого оружья, шитых кафтанов и черкесских коней; но загадались они – как орлы, севшие на вершинах обрывистых, высоких гор, с которых далеко видно расстилающееся беспредельное море, усыпанное, как мелкими птицами, галерами[164], кораблями и всякими судами, огражденное по сторонам чуть видными тонкими поморьями, с прибережными, как мошки, городами и склонившимися, как мелкая травка, лесами. Как орлы, озирали они вокруг себя очами все поле и чернеющую вдали судьбу свою. Будет, будет все поле с

облогами[165] и дорогами покрыто торчащими их белыми костями, щедро обмывшись козацкою их кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями. Далече раскинутся чубатые головы с перекрученными и запекшимися в крови чубами и запущенными книзу усами. Будут, налетев, орлы выдирать и выдергивать из них козацкие очи. Но добро великое в таком широко и вольно разметавшемся смертном ночлеге! Не погибнет ни одно великодушное дело, и не пропадет, как малая порошинка с ружейного дула, козацкая слава. Будет, будет бандурист с седою по грудь бородою, а может, еще полный зрелого мужества, но белоголовый старец, вещий духом, и скажет он про них свое густое, могучее слово. И пойдет дыбом по всему свету о них слава, и все, что ни народится потом, заговорит о них. Ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной меди, в которую много повергнул мастер дорогого чистого серебра, чтобы далече по городам, лачугам, палатам и весям разносился красный звон, сзывая равно всех на святую молитву.

IX

В городе не узнал никто, что половина запорожцев выступила в погоню за татарами. С магистрацкой башни приметили часовые, что потянулась часть возов за лес; но подумали, что козаки готовились сделать засаду; то же думал и французский инженер.

А между тем слова кошевого не прошли даром, и в городе оказался недостаток в съестных припасах. По обычаю прошедших веков, войска не разочли, сколько им было нужно. Попробовали сделать вылазку, но половина смельчаков была тут же перебита козаками, а половина прогнана в город ни с чем. Жиды, однако же, воспользовались вылазкою и пронюхали все: куда и зачем отправились запорожцы, и с какими военачальниками, и какие именно курени, и сколько их числом, и сколько было оставшихся на месте, и что они думают делать, – словом, чрез несколько уже минут в городе всё узнали. Полковники ободрились и готовились дать сражение. Тарас уже видел то по движенью и шуму в городе и расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказы, уставил в три табора курени, обнесши их возами в виде крепостей, – род битвы, в которой бывали непобедимы запорожцы; двум куреням повелел забраться в засаду: убил часть поля острыми кольями, изломанным оружием, обломками кольев, чтобы при случае нагнать туда неприятельскую конницу. И когда все было сделано как нужно, сказал речь козакам, не для того,

чтобы ободрить и освежить их, – знал, что и без того крепки они духом, – а просто самому хотелось высказать все, что было на сердце.

– Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского народа, свои князья, а не католические недоверки. Все взяли бусурманы, все пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица, после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь – и там люди! также Божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово, – видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, – любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а… – сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: – Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их. Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната[166], который желтым чоботом[167] своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, – так никому ж из них не доведется так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышиной натуры их!

Так говорил атаман и, когда кончил речь, все еще потрясал посеребрившеюся в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял,

разобрала сильно такая речь, дошед далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалася в старых очах; медленно отирали они ее рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудренного горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почуявшего молодою жемчужною душою на вечную радость старцам родителям, родившим их. <…>

Вопросы и задания к главам VIII–XII

▸**1.** Прочитайте речь Тараса о товариществе. С каким чувством герой ее произносит? Как передает Гоголь состояние старых казаков, как описывает волнение молодых во время речи своего атамана?

2. Как характеризует Тараса эта речь? В чем видит Бульба силу товарищества и боевого братства?

3. В каких сценах поэтически воплощена тема массового героизма и патриотизма?

4. Какое впечатление оставляет у вас финал повести?

▸▸**1.** Почему подвиги героев повести вызывают воспоминания о битвах былинных богатырей? Какую роль играют гиперболы, сравнения и другие поэтические средства в описании героики сражения?

2. Сравните, как изображен Тарас в главах I и X. Что изменилось в герое? Почему? В чем он остался прежним?

3. Назовите эпизоды, наиболее полно раскрывающие характер Тараса и подчеркивающие героические стороны его натуры. В чем трагедия и величие Тараса Бульбы?

Вопросы и задания ко всему тексту повести

▸**1.** Какие мысли и чувства Гоголя выражены в словах: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»? Как они связаны с содержанием всей повести?

▸▸**1.** Найдите в тексте лирические отступления. Как они связаны с основным повествованием и для чего введены в повесть?

1. Какие качества Тараса Бульбы как народного героя воплощены в повести? Составьте план характеристики Тараса Бульбы (включив в него определения основных черт характера героя и эпизоды, эти черты подтверждающие).

2. Почему, читая повесть, «…вы и удивляетесь ему (Тарасу. – *Авт.*), и ужасаетесь, и смеетесь над ним» (В. Г. Белинский)?

3. Составьте сравнительную характеристику Остапа и Андрия, обратив внимание на следующие вопросы: какое впечатление оставляет первое знакомство с братьями?

Что отличало их во время учебы в бурсе? В чем различие поведения Остапа и Андрия в Запорожской Сечи, в бою? Как погибли братья?

4. Можно ли назвать «Тараса Бульбу» исторической повестью? Есть ли в этом произведении подлинные исторические лица, факты, соотнесенность с конкретным историческим временем?

Героическая личность

Образ Тараса Бульбы. Характер гоголевского героя складывался в борьбе с постоянной опасностью, что и определило многие его черты и поступки. Это сильный и мужественный человек, патриот, беззаветно любящий родную землю и презирающий тех, кто поступается ее интересами. Он живет простой и суровой жизнью, не стремясь к жизненным удовольствиям и благам. В нем воплощены многие черты казачества, с которым он неразрывно связан. Критик В. Г. Белинский писал о Тарасе Бульбе: «Что такое Тарас? Герой, представитель жизни целого народа, целого политического общества в известную эпоху жизни».

Гоголь показывает героя в разнообразных ситуациях, позволяющих раскрыть черты его характера: удаль, стойкость, бесстрашие, мужество, героизм.

По мере развития действия меняется характер Тараса Бульбы. Пережитые испытания, трагические события: потеря сыновей,

испытанных в бою товарищей – превратили его из жизнерадостного, общительного в замкнутого, сурового и одинокого человека. Но все, что пришлось пережить герою, не сломило его могучего духа, не убило в нем веру в справедливость начатой борьбы. Проведя своего героя через тяжелейшие испытания, Гоголь показал, что можно ожесточить человека, заставить страдать, но его нельзя сломить, если он предан общему делу, если защищает свободу.

notes

Примечания

1

Ло́мберный стол – стол для игры в карты (от названия старинной карточной игры).

2

Арбале́т – старинное ручное метательное оружие.

3

Фа́та-морга́на – мираж, при котором на горизонте возникают изображения предметов, лежащих за горизонтом.

4

Скромность (лат.).

5

Я другого мнения (лат.).

6

Суждение (лат.).

7

Место ученых бесед (лат.).

8

Намек на «Обыкновенные истории» датской писательницы Гюллембург.

9

Знаменитый датский писатель Хольберг рассказывает в своей «Истории Датского государства», что, прочитав роман о рыцарях Круглого Стола, король Ганс однажды сказал в шутку своему приближенному Отто Руду, которого очень любил: «Эти господа Ифвент и Гаудиан, о которых говорится в этой книге, были замечательные рыцари. Таких теперь больше не встретишь». На что Отто Руд ответил: «Если бы теперь встречались такие короли, как король Артур, то, наверное, нашлось бы немало таких рыцарей, как Ифвент и Гаудиан». (Примечание Х. К. Андерсена.)

10

При короле Гансе, в 1495 году, был выпущен указ, по которому женщины легкого поведения должны были носить чепчики бросающейся в глаза расцветки.

11

Пра́веж – в Древней Руси: суд, сопровождавшийся физическим наказанием ответчика.

12

Бурми́стры-целова́льнички – здесь: царские чиновники, исполняющие судебно-полицейские обязанности.

13

Пла́тье цве́тное – одежда, расшитая золотом и самоцветами.

Дува́н дува́нить – делить добычу.

15

Дели́ть но́шами – брать себе столько, сколько можно унести.

16

Стекóльное госудáрство – имеется в виду столица Швеции Стокгольм.

17

Ми́лостивый манифе́ст – речь идет о манифесте, изданном Александром I в связи с вторжением Наполеона в Россию.

18

Осо́ба гра́фа Орло́ва – дочь Ичменского – графиня Орлова-Чесменская пожертвовала свои драгоценности на нужды русской армии.

Соблюдённых – сохраненных.

Шу́рич – сын шурина; шу́рин – брат жены.

21

На́-полы – пополам.

22

Мурза́ – мелкий феодал в монгольской империи.

23

Санчакбе́й – военачальник в монгольской армии.

24

Тьма – десять тысяч.

25

Епифа́ний Прему́дрый – монах Троице-Сергиева монастыря, древнерусский писатель, просвещенный человек, автор житий и посланий.

26

Самсо́н – богатырь, обладавший необыкновенной физической силой, таившейся в его длинных волосах.

27

Соломо́н – царь Израильско-Иудейского государства в 965–928 гг. до н. э.; славился необыкновенной мудростью.

28

Страна́ Ри́мская – имеется в виду католическая страна.

29

Песнотворе́ц – царь Израильско-Иудейского государства Давид (конец II в. – около 950 г. до н. э.); сочинял псалмы́ – песни, которые исполняли певцы и народ во славу Господа.

30

Бори́с и Глеб – сыновья новгородского и киевского князя Владимира Святославича, убитые своим братом Святополком; были признаны святыми.

31

Насáд – лодка.

32

Сро́дник – свой, родной, связанный кровным родством человек.

33

Схи́ма – монашеский обет.

34

Спу́тать… оброта́ть (лошадей) – наложить путы, связать ноги, чтобы лошадь не ушла; накинуть оброть, то есть недоуздок, а иногда и узду.

35

Барчу́к – ребенок из дворянской семьи; здесь: избалованный ребенок.

36

Чернори́зец – монах.

37

Просфо́ра – хлебец, который вкушают верующие на литургии – христианском богослужении; верующие приобщаются к Христу, вкушая хлеб и вино, которые олицетворяют его тело и кровь.

38

Зна́мение – знак, предвещающий что-то.

39

Отше́льник – человек, ведущий строгий, одинокий образ жизни, уединившийся в пустынных местах.

40

Пóстник – человек, соблюдающий посты.

41

И́нок – одно из названий православного монаха; отшельник.

42

Аскети́зм – ограничение, подавление потребностей и желаний человека в целях нравственного самосовершенствования.

43

Като́н (95–46 гг. до н. э.) – римский политический деятель, сторонник аристократической республики, враг Юлия Цезаря.

44

Лю́ди жи́тые – в древнем Новгороде один из общественных классов, стоявший между боярством и черными людьми (мелкими ремесленниками и работниками).

45

Так назывались части города: Конец Неровский, Гончарский, Славянский, Загородский и Плотнинский. (Примечание Н. М. Карамзина.)

Так думали в России о татарах. (Примечание Н. М. Карамзина.)

То есть купцов. (Примечание Н. М. Карамзина.)

Сто́гны – широкие улицы, площади.

49

Союз вольных немецких городов, который имел свои конторы в Новегороде. (Примечание Н. М. Карамзина.)

50

Летописи наши говорят о падении новой колокольни и ужасе народа. (Примечание Н. М. Карамзина.)

51

Феодо́сий – монах-отшельник, дед Марфы.

52

Ксе́ния – дочь Марфы.

53

Род Иоаннов пересекся, и благословенная фамилия Романовых царствует. (Примечание Н. М. Карамзина.)

Лыга́ть – лгать, говорить неправду.

Вигва́м – жилище индейцев.

Оджибу́и, дако́ты – индейские племена.

Поггэво́гон – палица.

Ми́ше-На́ма – Великий Осетр.

Пиро́га – лодка.

Шогода́йя – трус.

61

Колча́н – футляр для стрел.

62

Ва́мпум – ожерелья, пояса и различные украшения из раковин.

63

Живописцы изображали Наполеона в сером сюртуке.

64

Хаза́ры – народ, живший в VIII–XI веках в низовьях Волги и на Северном Кавказе.

65

Перу́н – у древних славян: бог грома и молнии.

66

Цареграда́ – Константинополь. По преданию, Олег прибил свой щит над воротами Цареграда в знак своей победы. Цареград – столица Византии. В 1453 году она была завоевана турками и с тех пор называется Стамбул.

67

Пращ (праща) – сложенный петлею ремень или веревка для метания камней.

Се́ча – здесь: бой, битва.

69

О́троки-дру́ги – здесь: о́трок – младший княжеский дружинник (на Руси в X–XII вв.).

70

Паладин – в Средние века: доблестный рыцарь, придворный вельможа.

71

Ха́ртия – здесь: старинная рукопись.

И днесь, и при́сно – и сегодня, и всегда.

73

Клобу́к – головной монашеский убор.

74

Кромéшники – то есть обитатели кромешной тьмы, грешники. Пимен так называет опричников.

75

Тафья́ – круглая восточная шапочка, шитая золотом и жемчугом.

76

Власяни́ца – волосяная одежда, носившаяся на голом теле с целью особого религиозного подвижничества.

Черне́ц – монах.

Зане́ – хотя, несмотря на то, что.

чтобы стать учителем (франц.).

80

Не́доросль – в XVIII веке в России: молодой дворянин, не достигший совершеннолетия и не поступивший на государственную службу.

81

Придво́рный календа́рь – ежегодное издание, в котором печатались списки придворных служащих и лиц, награжденных орденами.

82

Ре́крут – солдат-новобранец.

83

Жи́ло – обитаемое место, жилье.

Целова́льник – продавец в питейном заведении, кабаке.

Уря́дник – казачий унтер-офицер.

Сику́рс – помощь, поддержка; войска, посланные на помощь.

Волы́нский и Хрущёв – были казнены по обвинению в подготовке государственного переворота в 1740 года.

88

Робро́н (робро́нд) – женское платье с широкой юбкой на каркасе в виде обруча.

89

Опри́чник – боец особо приближенного к Ивану IV войска, существовавшего для борьбы с предполагаемой изменой в среде знати.

«Домостро́й» – свод житейских правил и наставлений.

91

Сто́льник – придворный, прислуживающий за царским столом.

92

Малю́та Скура́тов – приближенный Ивана Грозного, глава опричников.

93

Аргама́к – конь для верховой езды, для конных сражений.

94

Я́хонт – старинное название драгоценных камней, обычно рубина.

95

Гости́ный двор – двор, на котором шла торговля, располагались торговые ряды; гость – купец.

Простоволо́сая – с непокрытой головой (для замужней женщины считалось неприличным выходить так на улицу).

Охо́тницкий – здесь: добровольный, для тех, кто хочет участвовать в бою.

Панихи́да – церковная служба по умершему.

Бесталáнная – в фольклоре: несчастная, обездоленная.

100

Лири́ческие отступле́ния (а́вторские отступле́ния) – внесюжетный элемент повествования, форма авторской речи; как правило, прямо не связаны с сюжетом.

101

Подря́сник – длинная одежда священнослужителей, поверх которой надевается ряса.

102

Бу́рса – духовное училище.

103

Свѝтка – верхняя одежда у южных россиян. (Примечание Н. В. Гоголя.)

Пы́шный – здесь: гордый.

Бейба́с – балбес.

Мазу́нчик – маменькин сынок.

107

Не́жба – нежность, ласка.

…Ка зна що… – черт знает что (укр.).

109

Пу́ндики – сладости.

110

Вытребе́ньки – причуды.

111

Банду́ра – музыкальный инструмент, распространенный на Украине.

112

У́ния – объединение православной и католической церквей под властью римского папы. Брестская уния, оформленная в 1596 году, стала источником религиозных распрей на Украине в XVII–XVIII веках.

113

Венецéйской – венецианской.

Со́тник – командир сотни казаков.

115

Есаýл – чин военачальника в казацком войске.

Бусурме́н (бусурма́н) – здесь: иноверец.

117

Ля́хи – поляки.

118

Гора́ций – Квинт Гораций Флакк (65–8 годы до н. э.), римский поэт.

119

Архимандри́т – духовный сан, который имел, как правило, настоятель (глава) монастыря.

120

Плетюга́н – плеть, кнут из перевитых ремней и веревок.

121

Куре́нь – отделение военного стана запорожцев.

122

Ге́тьман (ге́тман) – в XVI–XVII веках на Украине выборный начальник казацкого войска.

123

Кури́ть вино́ – делать вино.

Ре́йстровые – записанные в службу (в реестр), составляющие регулярное запорожское войско.

125

Охочекомóнные – конные добровольцы.

Брова́рники – пивовары или винокуры (виноделы).

127

Бра́нная трево́га – военная тревога, военные действия; от слова брань – бой.

128

Аренда́тор – тот, кто арендует (временно пользуется, владеет) каким-либо недвижимым имуществом, в том числе и землей.

По́шлина с ды́ма – налог с жилого дома.

130

Комиссáр – здесь: должностное лицо, имеющее большие полномочия.

131

Пе́рси – грудь.

132

Сафья́нные – сделанные из тонкой мягкой кожи специальной выделки.

Очку́р – поясной шнурок.

134

Казаки́н – военный полукафтан.

Рыцарскую. (Примечание Н. В. Гоголя.)

136

Зени́ца – глаз.

137

Ко́нсул – здесь: старший бурсак, наблюдавший за своими товарищами.

138

Ки́сель Адам (1600–1650) – киевский воевода, в качестве комиссара польского правительства вел переговоры во время казацких восстаний.

139

Ли́ктор – здесь: бурсак, наказывающий розгами провинившихся студентов.

140

Диаде́ма – женское драгоценное украшение в форме небольшой короны.

141

Шемизе́тка с фесто́нами – накидка с зубчатой отделкой.

Лю́лька – здесь: трубка.

143

Бакла́га – плоский бочонок.

Кули́ш – кашица, похлебка с солониной и салом.

145

Крамари́ под ятка́ми – торговцы в палатках.

146

Засе́ка – линия укреплений и заграждений из поваленного леса.

147

Гопа́к, тропа́к – украинские народные пляски, а также музыка к ним, плясовые мелодии.

Чупри́на – чуб.

149

Ко́жух – тулуп из овчины.

150

Гоньба́ – очень быстрая езда.

151

Шинка́рь – содержатель питейного заведения, кабака.

152

Цицеро́н, Марк Ту́ллий (106–43 годы до н. э.) – римский политический деятель, оратор, писатель.

153

Кошево́й – атаман запорожского войска, выбираемый ежегодно.

154

Саламáта – кушанье типа густого киселя, которое варится из муки с добавлением соли.

155

Тóня – одна тяга невода.

Скарб – пожитки, имущество, домашние вещи.

Мирза́ – 1) высший чиновник; 2) писец.

158

Наказно́й атама́н – наименование казачьего атамана, назначавшегося властями (в отличие от выборного войскового).

159

Захо́д – залив.

160

Паволо́ка – название нарядной привозной ткани.

161

Чере́ш – кошель.

162

Загада́лись – задумались.

163

Дебе́лый – полный, упитанный.

164

Гале́ра – гребное многовесельное военное судно.

165

Обло́га – пустошь, целина.

Магна́т – крупный помещик.

167

Чо́боты – вид обуви.